Пространство перевода

КНИГА ЗАВЕЩАНИЙ

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОЩАНИЯ И ЗАВЕЩАНИЯ XIII–XV ВЕКОВ

Книга завещаний. Французские поэтические прощания и завещания XIII–XV веков

Аннотация
Книга завещаний. Французские поэтические прощания и завещания XIII–XV веков
«УЙДУ, ПОКА НЕ СВОЛОКЛИ»: ЗАВЕЩАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ПРОЩАНИЯ И ЗАВЕЩАНИЯ XIII–XV веков
Жеан Бодель из Арраса. ПРОЩАНИЯ
Адам де ла Аль. ПРОЩАНИЯ
Рютбёф. ПОКАЯНИЕ РЮТБЁФА
Николь Бозон. О ДУРНЯХ, КОИХ ЧАЯНЬЯ В ОДНОМ ЛИШЬ ЗАВЕЩАНИИ
Ватрике Брассенье из Кувена. ИСПОВЕДЬ ВАТРИКЕ
Эсташ Дешан. ЗАВЕЩАНИЕ ЗАБАВЫ РАДИ
Жан Ренье. ЗАВЕЩАНИЕ ПЛЕННИКА, ОЖИДАВШЕГО СМЕРТИ БУДУЧИ В ТЮРЬМЕ
Жан Ренье. КАК ОЗНАЧЕННЫЙ ПЛЕННИК, НАПИСАВ ЗАВЕЩАНИЕ, СО ВСЕМИ ПРОЩАЕТСЯ
Пьер де Нессон. МЭТРА ПЬЕРА ДЕ НЕССОНА ЗАВЕЩАНИЕ, ИЛИ ЕГО ЖЕ ПОКЛОНЕНИЕ БОГОРОДИЦЕ

Анри Бод. ЗАВЕЩАНИЕ МУЛИЦЫ БАРБО
Жан Молине. ЗАВЕЩАНИЕ ВОЙНЫ
Аноним. ОТКАЗНАЯ ВИНОЗНАЯ, КОРОЛЯ ПРОПОЙЦ
Аноним (Жан Раго?). ЗАВЕЩАНИЕ РАГО, БЛАГОРОДНОГО И ДОСТОЙНОГО МУЖА
Франсуа Вийон. БОЛЬШОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
Рауль из Удана. СОН О ПРЕИСПОДНЕЙ
Франсуа Вийон. ДВЕ БАЛЛАДЫ
БАЛЛАДА ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА
БАЛЛАДА ПОСЛОВИЦ
ПРИМЕЧАНИЯ
ЖЕАН БОДЕЛЬ
АДАМ ДЕ ЛА АЛЬ
РЮТБЁФ
НИКОЛЬ БОЗОН
ВАТРИКЕ ИЗ КУВЕНА
ЭСТАШ ДЕШАН
ЖАН РЕНЬЕ
ПЬЕР ДЕ НЕССОН
АНРИ БОД
ЖАН МОЛИНЕ
ОТКАЗНАЯ ВИНОЗНАЯ
ЗАВЕЩАНИЕ РАГО

ФРАНСУА ВИЙОН
РАУЛЬ ДЕ УДАН

Аннотация

«Большое завещание» Франсуа Вийона, включающее его знаменитые баллады, на века стало образцом для подражания, однако оно не было ни первым, ни единственным. В этой книге сделана попытка восстановить французскую средневековую традицию поэтических завещаний — трагичных и потешных, пародийных и возвышенных. В числе авторов Жеан Бодель и Рютбёф, Николь Бозон и Ватрике Брассенье, Эсташ Дешан и Жан Ренье, Пьер де Нессон и Жан Молине. Эти произведения ранее не переводились на русский язык и почти все публикуются впервые. Само «Завещание» Вийона представлено в одном из немногих полных переводов.

Книга завещаний
Французские поэтические прощания и завещания XIII–XV веков

На обложке:
Ян Провост
«Смерть и скряга»

«УЙДУ, ПОКА НЕ СВОЛОКЛИ»: ЗАВЕЩАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Прощание перед уходом в мир иной, равно как и поэтическое завещание — не столько особый жанр, сколько одна из распространённых тем средневековой европейской поэзии. Долгие пассажи, посвящённые прощанию с друзьями, встречаются и в старофранцузском эпосе, и в куртуазной лирике; можно увидеть и несомненную связь с античной и с библейской традицией, или с фольклорными поминальными плачами и прощальными песнями. Однако, самостоятельной темой стихотворной речи поэтические заветы становятся с расцветом городской поэзии на вульгарных языках, вполне к тому времени олитературившихся, в XII–XV веках. Во Франции — собственно в стране «языка ойль», без учёта совершенно особого провансальского мира, — центром профессиональной поэзии третьего сословия становятся сначала богатые города северо-востока — Аррас, Бетюн, Камбре, Амьен, Турне, — а потом и догоняющие их столицы крупных

феодальных доменов, Париж и Дижон, Орлеан и Блуа. Поначалу речь идёт о переплетении разных повторяющихся мотивов — покаяние, наставление, обличение грехов, молитва, прощальная похвала покровителю, — но постепенно завещания обретают некоторое жанровое единство за счёт как минимум двух формальных элементов: череда последовательных перечислений (что позволяет отнести многие произведения этого жанра к традиции средневековых перечней) и клишированные речевые обороты, заимствованные из настоящих завещаний и исповедей.

Этапы формирования этой традиции восстановить очень легко: если не все произведения сохранились и стали известны потомкам, то самые яркие переписывались многократно, и этот пунктир выстраивается в хорошо различимую линию.

Почти неоспоримое начало истории поэтических заветов — произведение, которое не является ни завещанием, ни примером городской поэзии: «Стихи о смерти» цистерцианского монаха Гелинанда из Фруамона, 600 строк страстной речи, обращённой к Смерти.

Смерть, что меня манком сманила

И тело бросила в горнило,
Где зло изыдет жаркой влагой,
Ты тщетно палицей грозила:
Никто не повернул правила,
Не поднял ввысь иного стяга.
Смерть, страх перед тобою — благо,
Но кто воздержится от шага
У края собственной могилы?
Засим, простился я с отвагой
И со страстей хмельною брагой:
То не нагреть, что не остыло.

(Пер. С. Бунтмана)[1]

Для последующих авторов Гелинанд не только задал тон и тему — он создал (или первым столь ярко использовал) «гелинандову строфу», 12 восьмисложных строк, рифмующихся по схеме *aab aab bba bba*, «одический стих Средневековья» по выражению П. Зюмтора. Именно в этой строфике, и с явными аллюзиями на поэму Гелинанда, написаны в следующие десятилетия аррасские «Прощания».

---

[1] Примечания: 1

Элинан из Фруамона. Стихи о смерти/ Пер. С. Бунтмана// Иностранная литература, 1995, № 1.

Три автора, каждый из которых был аррасцем, и профессиональным жонглёром, каждый написал сложенные гелинандовой строфой «Прощания» — перекличка, растянувшаяся на 80 лет, — фактически создали новый жанр, который, в столь строгой форме, на них же и закончился. Стих здесь напитан не только мыслью и страстью, но и гниющей плотью: Жеан Бодель и, 70 лет спустя, Бод Фастуль, обращаются к друзьям и покровителям перед отправкой в лепрозорий, и прощание оказывается совсем не условной литературной формой. «Прощания» поражают неожиданным для этой эпохи отпечатком индивидуальности автора, и даже последнее «прости» не становится у Боделя полным смирением:

Но, все препоны отвергая,
Из гнили речь бежит живая:
Недужна плоть, но разум здрав.
И плещет родничок, сияя —
Ведь сердце и хвороба злая
*Не сцепятся в единый сплав**[2].

Следуя прежнему — а, значит, уже ставшему каноном, — стилю, взывает к помощи Бод Фастуль:

---

[2] Примечания: 2
Помеченные астериском переводы представлены в этой книге.

С каким бы счастием большим
Лишь то, что нравится другим
И делал я, и говорил!
Но боль с терзанием моим
Гнетут, и стал я нелюдим —
Таюсь, пока не навредил.

(Пер. Я. Старцева)

И в совершенно ином духе, выворачивая наизнанку и завершая традицию, прощается с горожанами Адам де ла Аль — это уже не исповедальное прощание, а скорее прощальное проклятие:

Аррас, гнездовье клеветы,
Молвы, злословья, суеты,
Ты благородным слыл впустую!
Исправиться хотел бы ты,
Но без Господней доброты
Найдёшь ли истину святую?
Монету ценят здесь любую
Скупцы, добро своё ревнуя;
Набитый ларь — венец мечты!
Сто тысяч раз «Прощай!» скажу я,

Науку поищу иную,
*А тут уж больно лживы рты.**

Тогда же, в 1260-х годах, Адам де ла Аль пишет незаконченные (или не дошедшие до нас полностью) «Стихи о Смерти», повторяющие основные темы одноимённой поэмы Гелинанда, в той же строфике.

Почти современное поэме Бода Фастуля «Покаяние» Рютбёфа* — это уже парижская культурная среда, именно туда постепенно перемещается центр поэтической жизни, — но до сужения литературных кругов к географии Парижа и предместий остаётся ещё не один век. Завершая свой цикл «Стихов обездоленного»[3], поэт превращает жалобы на повседневные тяготы в вопль о прощении.

В те же годы, но в совершенно ином стиле пишет своё «Завещание» другой известнейший поэт XIII века, Жан де Мён, автор второй части «Романа о Розе». Более 2000 строк обличений грехов этого мира, падения нравов и забвения традиций высвечивают заметный и много позже

[3] Примечания: 3
В русском переводе опубликованы в книге: Век перевода: Антология русского поэтического перевода XXI века. Второе десятилетие / Сост. Е.В. Витковский. — М.: Водолей. 2012.

аспект стихотворных завещаний, которые могут превращаться в наказ о праведном житье.

Всевышний наш Отец, и Сын, и Дух Святой,
Единый в Трёх, молю с душевной чистотой,
Дурных казни, благих блаженства удостой,
Зачти моей душе молебен сей простой!

Словами славу я во младости искал,
И предан был тщете, шутник и зубоскал,
Веселию других напрасно потакал:
Ко благу их теперь направлю мой запал!

(Пер. Я. Старцева)

Ватрике из Кувена, полстолетия спустя, вписывает свою «Исповедь»* в систему омонимичных и тавтологичных рифм, — тот самый приоритет формы при традиционном содержании, который будет играть всё большую роль и в XIV столетии, и в последующем. Но одновременно с этим тема завещаний может приобретать и более прагматичный, церковно-бытовой оттенок, как в

стихотворной проповеди Николя Бозона.*

Эсташ Дешан, поэт необычайно плодовитый, своё «Завещание забавы ради»* пишет между делом, оно и едва различимо на фоне куда более выверенных с формальной точки зрения баллад, рондо и поэм. Но именно игривое стихотворение Дешана демонстрирует наступление последнего этапа традиции: завещание становится шуткой, пародией, литературной игрой — и не более. Эта игра может приобретать и занятную бюрократическую форму — Пьер де Нессон в своём «Завещании»* передаёт себя Богородице душой и телом, но до того придирчиво сверяет её права с юридическими установлениями эпохи, оценивая и правомочность Христа, и юридически неоднозначный казус непорочного зачатия, и статус смертнорожденной матери по отношению к божественному Сыну.

Жан Ренье, незаурядный автор с незаурядной биографией (его хрестоматийное рондо Bon jour, bon an — из числа произведений, которые принято считать непереводимыми), продолжает линию «подлинных» завещаний. Его «Завещание»* и «Прощание»* чуть не оказались действительно последними написанными им строками; кроме того, Жан Ренье, как кажется, стал мостиком,

соединившим поэтов высокого и позднего средневековья. Именно «Завещание» Ренье, а вместе с ним шутливое послание Дешана, чаще всего цитируются как непосредственные жанровые предтечи «Большого» и «Малого» завещаний Вийона.

Апофеозом этой традиции можно считать монументальное произведение Пьера де Отвиля, цикл из трёх поэм: «Жалобы влюблённого, принявшего обет любовного устава», «Исповедь и Завещание влюблённого, погибшего от тоски» и «Перечень вещей, оставленных скончавшимся от тоски влюблённым». Сюжетно и идеологически поэмы вписываются в растянувшийся на полтора столетия литературный спор о Безжалостной Прекрасной Даме, начало которому положило одноимённое произведение Алена Шартье[4], Пьер де Отвиль развивает одно из поздних ответвлений этого сюжета: горе и смерть влюблённого связаны уже не с жестокосердием Дамы, а с её преждевременной смертью. Страдающий и несчастный, покинутый влюблённый предвидит собственную гибель от тоски и составляет

[4] Примечания: 4

В русском переводе поэма Шартье опубликована в переводе Н. Шаховской в книге: Семь веков французской поэзии. Пер. с французского / Сост. Е.В. Витковский. СПб.: Евразия, 1999.

завещание.

Влюблён к несчастью — нет в любови счастья,
Ненастней жизнь, чем бури и ненастья, —
Чуть жив, лежу плашмя в недуге жутком,
Терзаем горем, тягостной напастью,
Боль в теле, в сердце боль от безучастья,
Но до сих пор ещё здоров рассудком,

И зная — смерть, безжалостный ревнитель,
Кружит, грозит войти в мою обитель,
И предвкушает время похорон,
Её томит не опочивший житель,
Ждёт в нетерпеньи жизни похититель,
Когда избуду муку, покорён,

И думая, что нет вернее вещи,
Чем смерть, и близок час её зловещий, —

Что до меня, то сам я не пойму,
Терпя давно тоски унылой клещи,
По смерти Дамы чуя скорбь всё резче —
Зачем я тут, и годен я к чему,

И, ведая тревогу зол случайных,
Внезапных, умертвительных, печальных,
Пока не полонён мой ум туманом,
И голос жив, без судорог молчальных,
В делах распоряжусь я поминальных,
Как это должно добрым христианам.

.....

О, смерть, проклятое созданье!
Сурова ты без оправданья,
Похитив ту, в ком жизнь моя.
Из лучших с лучшей расставанье!
Но знай, пребудет воздаянье —
И над тобой есть Судия.

Уверен я, что никогда
Тебе не делала вреда
В поступках, в мыслях, ни в навете

Та, что любого зла чужда,
И незаслуженна беда,
Так есть ли справедливость в свете?

Я не по праву обездолен,
Жить без наследства приневолен,
Мне предназначенного честно,
И вот — безрадостен и болен,
И мне лишь смертный путь дозволен,
И думать о душе уместно.

Но думать как, с чего начать,
Где для прощанья силы взять —
Сознанье мутно, думы вялы,
Когда б о смерти рассуждать
Без мысли — вот бы благодать,
Тогда бы, верно, легче стало.

(Пер. Я. Старцева)

«Перечень вещей» продолжает бытовую традицию — десятки предметов, от одежды до книг и домашней утвари, представляющих собой небольшой справочник по средневековому быту, прилежно рифмованный на протяжении почти тысячи строк. Пьер де Отвиль, избранный

королём поэтов, написал свою «трилогию» в сороковых годах XV века — и, казалось, сделав из завещания аллегорическую поэму с вставными гимнами и ораториями, с диалогами и перечнями, нанизав это произведение на нить популярного сюжета, украсив его риторическими экзерсисами, снабдив разные части произведения и горечью, и иронией, и красочными описаниями сцен повседневной жизни, он полностью исчерпал возможности жанра.

«Завет» и «Завещание» Франсуа Вийона (или, в более распространённой версии, «Малое завещание» и «Большое завещание»*), тем не менее, расширяют границы стихотворного завещания до масштабного автопортрета на фоне эпохи. Здесь воскрешается и собственно автобиографическая традиция (в отличие, например, от многих стихов Рютбёфа, претензия которых на автобиографичность подвергается сомнению), и становится более строгим — а вместе с тем пародийным — следование формальной структуре настоящих завещаний, многократно увеличивается количество литературных цитат и аллюзий. Но главное, пожалуй, в обновлении темы — это изменение поэтического языка, а также стилистическое и ритмическое разнообразие,

преобладание включённых в текст баллад и иных вставок над формальной канвой, — что отчасти, наверное, и способствовало популярности произведения Вийона среди малочувствительных к крупным поэтическим формам потомков. По существу, поэтическое завещание перестаёт быть жанром, разрастаясь до авторского сборника, заветом автора становится всё его творчество, складывающееся в особый текст с продуманной композицией — в отличие от множества аналогичных сборников других поэтов той эпохи, которые осмысливались именно как всякая смесь («Удачи и злоключения» Жана Ренье, «Деяния и писания Жана Молине», «Творения мэтра Алена Шартье» и т.п.). Но и здесь, разумеется, не без предшественников: например, и некоторые стихи Вийона, и две поэмы Пьера де Отвиля, и стихи Алена Шартье, наряду с произведениями нескольких десятков других поэтов, были объединены в середине XV века в сборник «Сад любезности и риторический цвет», который представлял собой своего рода коллективный аллегорический роман, придуманный и местами дописанный составителями независимо от авторов.

Доводя сюжет до его пределов, вырываясь за эти границы, Вийон убивает завещания как жанр

— но оставляет необозримый простор для стилизаций. Когда тема собственно поэтического завещания в рамках средневековой культуры оказывается полностью выеденной, её заполняют аллегории разной степени серьёзности: от резкого политического памфлета («Завещание войны»* Жана Молине) или социальной сатиры вперемешку с бытовой иронией («Завещание мулицы»* Анри Бода) — и до полностью шутовских текстов (анонимные «Отказная Винозная»*, или написанное Хансом дю Галафом «Завещание мэтра Пьера де Кенье»). Эта последняя, пародийная линия, будет продолжаться и весь XVI, да и XVII век, представляя собой ставшее модным ренессансное высмеивание и окончательную инструментализацию темы (возможно автобиографическое «Завещание Раго, благородного и достойного мужа»*, сатирические «Житие, жуткий конец и Завещание Гусёнка», «Завещание Лютера», «Завещание Трибуле», заветы Александра Великого, Люцифера, Гордыни, Масленицы, Мазарини и т.д.) — параллельно с множеством потешных завещаний в текстах фарсов. То же самое касается и стихотворного пародирования многих других официальных документов и высказываний — проповедей, указов

и наставлений.

Представленная в этой книге подборка не претендует на восстановление непрерывной литературной традиции написания стихотворных завещаний: если в некоторых случаях прямое влияние одного текста на другой общепризнано (Жеан Бодель и Адам де ла Аль, Эсташ Дешан и Франсуа Вийон), в других о возможности такого влияния остаётся только догадываться (аррасцы XIII века и бургундцы или парижане XIV–XV вв.). Скорее, речь идёт о вариациях на тему, которая оставалась популярной во Франции на протяжение всего средневековья — вариациях достаточно вольных, дающих простор для искажений, перевёртышей, послушных имитаций или литературных игр. Завершается подборка условной границей средневековья, рубежом XV и XVI веков: всё, что следует затем, уже связано с прежней традицией лишь формально.

Ярослав Старцев

ПРОЩАНИЯ И ЗАВЕЩАНИЯ XIII–XV веков

Перевод Я. Старцева

Жеан Бодель из Арраса
ПРОЩАНИЯ

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

XIV

XV

XVI

XVII

XVIII

XIX

XX

XXI

XXII

XXIII

XXIV

XXV

XXVI

XXVII

XXVIII

XXIX

XXX

XXXI

XXXII

XXXIII

XXXIV

XXXV

XXXVI

XXXVII

XXXVIII

XXXIX

XL

XLI

XLII

XLIII

XLIV

XLV

Страданье темой выбираю.
Словами вдосталь поиграю —
И боль переведу в слова.
Ведь я рассудок не теряю,
Как скорбной плотью ни страдаю —
Господня воля такова.
Всевышний подыграл сперва,
Да свой удар зачёл за два,[5]

---

[5] Примечания: 5

«Всевышний подыграл сперва, / Да свой удар зачёл за два» — в оригинале неясное место; Г. Рейно считает, что это отсылка к игре в мяч, тогда как П. Рюэль просто констатирует неясность.

И я позора не скрываю:[6]
Пока не прокляла молва —
Шлю то, чем наврежу едва:[7]
Друзьям поклоны посылаю.

Поклон прощальный напервой
Тому, кто прямо под рукой,[8]
Кого хвалить сильней пристало:
Жеан Боске, прощусь с тобой!
И в холод помню я, и в зной
Что от тебя мне перепало.
Коль я, таясь, рыдал немало,
На то причин, увы, хватало:
У боли урожай двойной.

---

[6] Примечания: 6

«И я позора не скрываю» — проказа считалась не только заразной, но и постыдной болезнью, — как, впрочем, были постыдны и другие изъяны, от бедности или старости — до физического уродства.

[7] Примечания: 7

«Шлю то, чем наврежу едва» — по средневековым представлениям, проказой можно было легко заразиться, в т.ч. через вещи, побывавшие в руках у прокажённого. Бодель шлет друзьям слова и поклоны — то, что не может быть заразным. При этом он передаёт приветы через посредников — Боль, Страдание и Сердце, — а не через предметы и не в письме. Ср. цитату из «Прощаний» Бода Фастуля в предисловии.

[8] Примечания: 8

«Тому, кто прямо под рукой» — по мнению Г. Рейно, речь идёт как раз об отправной точке «виртуального путешествия по Аррасу», предпринятому Боделем, т.е. Жеан Боске жил в начале этого пути. П.

Рюэль склоняется к тому, что речь идёт просто о месте, ближайшем к укрытию Боделя, где он мог писать свои «Прощания».

Сам не являюсь к вам, как бывало,
Посланцем сердце побежало —
Здоровой части нет другой.

Негоже сердцу подлым быть
И близких не благодарить —
Им отправляю свой поклон.
Родством привык я дорожить,
Родни вассалом крепким слыть,
И быть не в тягость, не в урон.
Я, верно, буду искуплён
Решивши всё, чем наделён
Во славу Божью раздарить.
Я нынче Богом приведён
К тому, что мне назначил Он:
Как скорбь и гордость разделить?

Симон д'Изер, не жалко слов
Хвалить вас без обиняков,
Вы — всех достоинств воплощенье.
И каждый подтвердить готов —
Девиза «Буду первым!» зов
Взбодрит того, кто жил в презренье.

Я ныне — болести владенье,
И гнет силён, и истощенье,
Как видно, мой удел таков.
Но сердцу — горечь и мученье
Расстаться с вами — в сокрушеньи
Скажу: прощай и будь здоров!

Скорбя, поклон свой сердце шлёт
Тем, кто призрел среди невзгод —
И Бодуэну Зутемону,
Чье сердце добротой цветёт,
К благим деяниям влечёт —
Встречал ли в нём когда препону?
Любезен клерку и барону,
Не знай же никогда урону!
Господь пускай тебя возьмёт
Под райских древ благую крону —
И прочих, сострадавших стону
Того, кто жив, как ни гниёт!

Тибо ле Пьер, пошлю тебе я
Поклон, приблизиться не смея —
Фортуна вниз меня стремит.

Повсюду гнать готовы в шею,
Таюсь, крадусь я как умею,
О нет, не бедность мне претит,
Недуг — и тот не в счёт, забыт,
Беда, что мой позор открыт —
Быть на виду всего больнее!
Господь всеблаг, и Он решит,
Что искупленья стоит стыд:
Два ада кряду — что страшнее?

Бретель! Хотел бы я иного,
Да шанса нету никакого:
Пора со светом расставаться.
Господь казнит меня сурово —
И боль, и гниль, и гной, и снова —
К себе противно прикасаться.
Что ж, по обочинам скитаться?
Что проку гневом распаляться,
Всевышний, верно, ждёт другого:
Ему служить, ему поддаться,
А с телом в пору распрощаться.
Я сдался — партия готова.

Боль, что на сердце мне стекает,
И плоть заразой разлагает,
Чьей властью мягким становлюсь!
Покамест времени хватает —
Вибер ла Саль пускай внимает
Тебе, я сам не доберусь.
Вибер, забыть я не боюсь
Точёный облик твой, клянусь,
Он струпьев, ран и язв не знает.
С тобой за стол я не сажусь —
Здоровью не соседка гнусь,
Что прокажённо ковыляет.

Васт Юкедье, вам навсегда
Я предан сердцем, никогда
Вы просьб моих не отвергали.
Я чаял с вами плыть туда,
К Святой Земле[9] *— да вот беда:*
Не в силах, если бы и взяли.
Я свой поход вершу в печали,

---

[9] Примечания: 9

«Я чаял с вами плыть туда, / К Святой Земле...» — поскольку дата написания «Прощаний» считается установленной (1202 г.), здесь и далее речь может идти только об участии в Четвёртом крестовом походе.

Иные мне запретны стали,
Теперь душе мечта чужда.
Но Господа виню едва ли:
Мертв Сарацин, как мы узнали,[10]
Чья так страшна была вражда!

Робер Коссе, прощаюсь с вами,
А брату поклонитесь сами.
Моя дорога решена:
Скрываюсь, хоронюсь углами,
Бегу людей, брожу кругами —
Натешусь прятками сполна.
Будь ты хоть царь — судьба одна
Царит, вращает круг она,
Миг — и плетёшься меж рабами.
С вершины катишься до дна,
В ости, да только без зерна.
Все ставки сделались долгами.

---

[10] Примечания: 10

«Мертв Сарацин, как мы узнали» — комментаторы расходятся по поводу идентификации «Сарацина»: Г. Рейно полагает, что речь идёт о прозвище кого-то из аррасцев, П. Рюэль в этом сомневается, но затрудняется назвать мусульманского воителя или монарха, чья смерть могла бы иметь такой резонанс. Другие комментаторы предлагали кандидатуры Саладина (†1193) и марокканского султана Якуба аль-Мансура (†1199).

Веселье, я тебе немил,
Скачи, неси сердечный пыл
В Бомез, туда, где будешь мило.
Сир Жиль тебя бы приютил[11] —
Всегда с Любовью дружен был,
И полн изысканного пыла —
Она ж ответно одарила:
Он вкуса и ума светило,
Там низость не имеет сил.
И средств ему не жалко было
Меня учить, не меря силы,
Всему, чего Господь лишил.

Страданье мне сжимает глотку —
Ему легко, ему в охотку!
Робер Локар! Ты видишь сам —
Веселье прочь умчалось ходко:
Я без начинки ем исподку,
И впору волю дать слезам,
Стонать и выть, и тут, и там,
Ведь боль сгинает пополам,

---

[11] Примечания: 11

«В Бомез, туда, где будешь мило. / Сир Жиль тебя бы приютил» — предположительно, Жиль де Бомез, шателен Бопома.

И слепит, вертится воротко,
Берёт, что сам вовек не дам,
К большим привычна барышам —
Где пять взяла, возьмёт и сотку.

Робер Верри, те дни прошли,
Что мы с друзьями провели:
Прости, но я теперь не с ними.
Бравада сгинула вдали,
Меня с весельем развели,
Гнетёт угрозами своими
Недуг, чье даром прячу имя.
И жжёт позор углями злыми,
И мне твердит, как ни моли,
Что место хворого — с больными.
Понужен силами такими
Уйду, пока не сволокли.

Боль, прежней бодрости преграда,
В очаг навеявшая чада,
На Сен-Жери повороти.
Вибер, с тоскою нету слада!
Ансель! С тобой проститься надо.

Майу, я был у вас в чести,
А нынче радость не найти,
Стерню в перину не сплести.
Осталась жалкая отрада:
Зовут вабила — так лети,
Валь с Меоланом — два пути,[12]
А там — протухшая привада.

Анри Нуар! Бывало всяко,
Помиримся, не вышла драка,
Теперь я вовсе не у дел.
От Господа дождался знака:
С финтом проведена атака,
А я сберечься не сумел.
Ты шустро кубарь подвертел,
Да я крутиться расхотел,
Хворь — попроворней забияка,
Стыд, скорбь и муки — мой удел.
С тебя спросить я не успел:
Всевышний — посильней рубака.

---

[12] Примечания: 12

«Валь с Меоланом — два пути» — речь идёт о расположенных близ Арраса лепрозориях: лепрозорий Гран-Валь и лепрозорий св. Николая в Меолане. В каком из них закончил свою жизнь Жеан Бодель — доподлинно неизвестно.

Боль, я повержен, я поник,
Давай, скачи-ка напрямик:
Поклон мой — Боду Вистернаву.
В таком я войске призывник,
Откуда не вернёшься вмиг,
Как ни гнушайся жрать отраву.[13]
Смиренность разуму по нраву,
И я молюсь, во Божью славу,
Коль Божий дар меня настиг,
Отняв и радость, и забаву.
Терзаясь, угляжу по праву
Как луч зари во тьму проник.

Страданье, шкипер мой умелый,
У замка остановку сделай,
Там сира Бодуэна дом.[14]
Под Божьей карой помертвелый,
В бутонах я зимою белой,

---

[13] Примечания: 13

«Как ни гнушайся жрать отраву» — считалось, что проказой можно заразиться через некачественную (подгнившую) пищу: Бодель сетует, что, единожды заболев, можно уже не беречься в этом отношении.

[14] Примечания: 14

«Там сира Бодуэна дом» — Бодуэн (Балдуин) V, шателен Арраса (т.е. комендант замка, выполнявший иногда функции наместника); в оригинале здесь упоминается также его сын, Бодуэн VI.

А летом — эвон, под снежком,[15] —
Мне время года нипочём.
Искусен Бог в труде своём —
Салернец-лекарь наторелый[16]
Бессилен в случае таком.
Я брошен и покрыт гнильём,
Как в поле — колос плесневелый.

Я ставил много, ставил мало —
А всё теряю, всё пропало.
Жак Дан! Я вышел из игры.
Плечо мне ваше помогало
Когда я ковылял устало —
И были вы ко мне добры.
Но не спасут сейчас дары,
Господь до нынешней поры
Мук не отвел, не полегчало.
Пытанья тела так остры,

---

[15] Примечания: 15

«В бутонах я зимою белой, / А летом — эвон, под снежком» — симптомы белой проказы, белые уплотнения, вздутия и бляшки на коже.

[16] Примечания: 16

«Салернец-лекарь наторелый» — выпускники медицинской школы в Салерно пользовалась репутацией самых умелых и знающих врачей, так что название стало нарицательным.

Что боль, пронзая до мездры,
Давно с души грехи списала.

Страданье, что в груди ютится!
Спеши, сумеешь просочиться
Куда я больше не ходок.
Ведь Пьер Васке хотел проститься —
Он на щедроты не скупится,
Благим делам не вышел срок,
Поможет снова, как помог.
Симон Дюран! На твой порог
Пусть весть о тяготах домчится.
Вы вняли мне среди тревог,
И в том — спасения залог:
Дай Бог вам к Богу прислониться.

Рауль Равэн, вас выбрал цех,[17]
Так подаянью нет помех —

---

[17] Примечания: 17

«Рауль Равэн, вас выбрал цех» — в оригинале, где адресат именуется maire, не вполне ясна его должность; предположительно речь идёт о главе (мэре) Братства Опаленных, Confrérie des Ardents, объединявшем «жонглёров и горожан Арраса» и являвшимся обществом взаимопомощи, по типу многих средневековых братств и цехов. Бодель был членом братства и, возможно, находился у братства на службе (см. также ниже). Братство, видоизменяясь, существовало несколько столетий (с начала XII-го по XX-й века).

Его достоин ваш собрат.
Мне на люди являться грех,
Брожу подальше ото всех.
А под крыло был крепко взят —
Не все так за дитём следят!
Я должен быть, наверно, рад:
Плачу по счету за успех,
И скорби плоть мою язвят,
Но душу чистят и светлят —
Ещё бы тело без прорех.

Гарэн, коль этак суждено —
Мне без поклона не вольно
Уйти, и нету в том желанья.
Но расставанье решено,
Воротят лица все давно,
А мне так тяжко отвыканье.
Худое вчуже прозябанье!
Другое мнится пребыванье,
Вдали местечко есть одно,
Да слишком тяжко испытанье.
Храню на Бога упованье,
А пост мой длится всё равно.

К тебе, ристатель славный Бод,
С поклоном сердце пусть дойдёт.
В добре как прежде верховодь!
Будь весел, без моих забот,
Здоров, без хвори и невзгод,
Да будет щедр к тебе Господь.
Вся боль в мою вцепилась плоть,
От радости — едва щепоть,
И та попала в обмолот:
Взялась болезнь меня молоть,
И это худо не сбороть,
И хватку вряд ли разожмёт.

Берар, как был бы я неправ
Поклон вам низкий не послав!
Седмица ждёт меня страстная;
Ваш куртуазный знаю нрав,
И, петь отныне перестав,
Вас огорчил бы, не желая.
Но, все препоны отвергая,
Из гнили речь бежит живая:
Недужна плоть, но разум здрав.
И плещет родничок, сияя —

Ведь сердце и хвороба злая
Не сцепятся в единый сплав.

Устав страданья мне знаком,
Будь, Бод Булар, уверен в том,
И пусть Господь тебя хранит.
Мне впору тронуться умом —
Боль так и лезет напролом,
Стыд осаждает, и твердит:
Тому, кто язвами смердит,
Чей вид лишь попусту смутит,
К друзьям неслед проситься в дом.
Роптать мне радость не велит:
Когда Господь благословит,
Умру, чтоб вечно жить потом.

Страданье, власть умерь свою!
Мартен Вердьер в ином краю,
Но другом он зовется смело.
Бертран давно вошёл в семью,
И был хорош ко мне Майу —
За каждым есть благое дело!
Нельзя дозволить здесь пробела

Чтоб ты забыть их не сумело —
Теперь внесу в скрижаль мою.
Лишь Божьей власти нет предела:
Коль он моё похитил тело,
То душу сам я отдаю.

Боль, будь моим посланцем скорым,
Коль сердце нынче стало хворым —
Поклон мой Жоффруа-врачу.
Я рад его признать сеньором —
Лечить как он уменьем спорым
Кому другому по плечу?
Его трудов не умолчу —
Сродни швецу или ткачу,
С прорехой сладил и зазором,
Подштопал кожицы парчу —
Свободно головой кручу,
И нет корост, подобных шорам.

Боль, ты свела веселья след!
Альому передай привет —
И пусть простится он со мною.
Не свидеться, тяжёл запрет,

И радости давно уж нет,
Что я всегда носил с собою.
Всего лишён, да много стою:
Измучен этой битвой злою
Воскресну — и умру для бед.
Все чувства Господу открою —
Хоть гуще мрак перед зарёю,
И темь в глазах, да в сердце свет.

Ох, Бод Фастуль, меня влекут
На скорый и неправый суд,
Что прочит мне судьбу лихую.
Истец-веселье — явный плут:
Добро бы дал мне хоть лоскут,
А цену хочет взять двойную.
С ним близок был — теперь плачу я,
Но в горе выгоду я чую,
Потеря там, прибыток тут:
Надежду я храню благую
На радость вечную, святую,
На ту, что все душою ждут.

Страданье, сквозь твои заслоны —

Всем Пьедаржантуа поклоны:
Кто мне милей, того бегу.
Симон, нигде не знай препоны,
Носи в бою кресты червлёны —
Я свой нести едва могу.
Ючусь в заброшенном логу,
Неведом нехристю-врагу.
Будь мягче Господа законы,
Признай Он и во мне слугу —
Я не остался бы в долгу,
Сирвенты пел, а не канцоны.[18]

Тома и Бод, Господь в подмогу!
Как мне, унылу и убогу,
Ваш нрав любезный не ценить!
Так будьте же любезны Богу —
В меня-то Он вонзил острогу,
Но вашу пусть лелеет прыть,
И даст вам доблесть проявить!
Хотел я помощи просить —
Взять на Дамаск меня в дорогу.

---

[18] Примечания: 18

«Сирвенты пел, а не канцоны» — традиционно, канцона — любовная песнь, сирвента — песнь о воинском походе и воинских доблестях.

Но не дал Бог мне с вами быть,
Заставил по счетам платить,
А я играл, видать, помногу.

Боль не уймется, боль — трудяга,
Гнетёт и жмёт, сминает тяга,
Не отпускает день и ночь.
Боль да позор — моя ватага,
Не сделать одному и шага,
К друзьям себя не приволочь.
Я до веселья был охоч —
Ан места нет, и гонят прочь.
Прощай, коль я теперь бродяга —
Я зваться как и ты не прочь,
Да совпадут ли где точь-в-точь,
Жеан Беда — с Жераром Благо?[19]

Вобер ле Клер! На том пути,
Где должен я, скорбя, идти,
Не дай вам Боже оказаться!
Верней мне друга не найти,

---

[19] Примечания: 19

«Да совпадут ли где точь-в-точь, / Жеан Беда — с Жераром Благо» — в оригинале — игра слов Johan Duel a Gerart Joie (Duel, «скорбь», рифмуется с «Бодель», прозвище Joie буквально означает «веселье»).

Вы не таились взаперти,
Коль мне случалось постучаться.
Бог сможет с вами рассчитаться,
А мне удастся, может статься,
Открытой Божью дверь найти.
Допрежь успею настрадаться,
Раз тело будет разлагаться
Несушенным зерном в клети.

Уйти негоже, словно тать,
И то, что должен, не отдать —
Поклон Жерару из Эпани.
К чему подарки поминать —
Я будто надёлен опять!
Чем одарён когда-то ране —
Пусть вновь получат христиане,
И будет нищий не в изъяне,
Бог всё умеет воскрешать.
Душа полней при щедрой длани,
Господь воздаст из взятой дани[20] —

---

[20] Примечания: 20

«Душа полней при щедрой длани, / Господь воздаст из взятой дани» — ср. 2-е к Кор.9:6-7 «При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнёт; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнёт».

Подарка лучше не сыскать.

Прощай, Ле Монейе, и с Богом!
Пусть Он не даст расти тревогам,
А ты расти, коль взял разбег.
Ходи лишь по прямым дорогам,
И Бога чти в раденьи строгом,
А троп кривых не знай вовек.
Беги, не встретивши засек,
Уже теперь твой счастлив век,
А я, в смирении убогом,
Молюсь — сыскался человек
Собрать мне талью на ночлег,[21] —
И стыдно, что прошу о многом.

Эй, мэтр любезнейший Рено,
Знать, неудач вокруг полно,
Раз ты подрастерял задор.
Ты с хворью носишься давно —
Коль вслед за мной пойдёшь на дно,
Аррас притихнет с этих пор.
Я, как и ты, на рифмы скор,

---

[21] Примечания: 21
«Собрать мне талью на ночлег» — талья — вид налога.

Ты, как и я, на байки спор,
Но эту повторять грешно.
Не мне вступать с тобою в спор,
Да слишком вздорен этот вздор:
Ты весельчак, а не смешно.

Кэнье, себя-то не изжаль —
Уж так тебя гнетёт печаль,
Бодрись, гордись, держись обета!
Мой крест бери — с двумя отчаль,
Плыви героем славным вдаль,
И доберись до края света,
Вон на твоей дороге где-то
Лежат Бриндизи и Барлетта.[22]
Коль дома счастлив ты едва ль,
Нам на двоих деянье это:
Тобой моя тоска пригрета,
А я — твою отмучу жаль.

Эй, Николя, дражайший друг,
Таких, как ты — не сыщешь вдруг!

---

[22] Примечания: 22

«Лежат Бриндизи и Барлетта» — итальянские города, через которые шла дорога крестоносцев к Святой Земле.

Бог в помощь! Нам проститься впору.
Я столько брал из этих рук,
Ты столько оказал услуг —
Прям как заёмщик кредитору.
А нынче, как по уговору,
Твои дела пусть лезут в гору,
Мне Бог сулит иной досуг.
Пусть душу примет без разбору,
Ведь в теле не найду опору —
Считай, что съел его недуг.

Страданье, в тщаньи непрестанном
Роберу и Бернару Данам
Привет прощальный передай.
Своим я был в пиру их званом,
Но сердце нынче стало рваным —
Всё надвое да через край:
То скорбь, то радость невзначай,
То смех, то вздох, то горький грай,
То ясно всё, а то с изъяном,
Вот победил — а замок сдай.
Душа при мне, а плоть прощай:
Рвусь прочь — и стыну истуканом.

Боль, даром сердце не гложи,
И за меня хвалу скажи
Аррасу, братству и коммуне.[23]
В их благородстве нету лжи,
Но, сколь по миру не кружи,
Одна милее всех Фортуне:
Искать добрей пришлось бы втуне
Чем та, что властвует в Бетюне![24]
Нет куртуазней госпожи,
Явилась миру в полнолунье,[25]
Её владенье — в Танремуне,
Но что для блага рубежи?

Страданье, коли ты так живо —
Давай, неси посланье живо,

---

[23] Примечания: 23

«Аррасу, братству и коммуне» — имеется в виду Братство Опаленных.

[24] Примечания: 24

«Чем та, что властвует в Бетюне» — вероятнее всего, речь идёт о Матильде, сеньоре Бетюна и владелице Танремона (Танремун, Танремонд; 1185–1224) жене аррасского авуэ (военного покровителя) Гильома Рыжего, сеньора Бетюна (1160–1214) и ятровке поэта Конона Бетюнского.

[25] Примечания: 25

«Явилась миру в полнолунье» — считалось, что появление на свет в полнолуние несёт удачу и предвещает счастливую жизнь.

Пусть мэр его получит сам,
И пусть прочтёт неторопливо —
Бог даст, рассудит справедливо,
Надел отмерит по делам,
И эшевены будут там[26] —
Пускай они твоим словам
Уделят время терпеливо:
И боль свою, и этот срам
Служа коммуне и друзьям[27]
Нашёл я — вот моя пожива.

Мессиры, мне пора в дорогу,
И коли так угодно Богу —
Молю Христовым Рождеством:
На талью скиньтесь понемногу —
Склонитесь к лёгкому налогу,
На мой поход в последний дом.
Когда бы вы сошлись на том,
В своей заботе о больном,

---

[26] Примечания: 26

«И эшевены будут там» — эшевены — члены муниципального совета.

[27] Примечания: 27

«Служа коммуне и друзьям» — на основании этой строки часто полагают, что Бодель состоял на муниципальной службе.

То лучше Меолан, ей-богу:
Слыхал я доброе о нём,
И люди славны там добром —
Я положусь на их подмогу.

Святая Дама, Божья дочь,
И Божья мать, не дайте вклочь
Порваться сердцу и пропасть!
Иного мне уже не смочь,
Я лишь до одного охоч:
Какая б ни была напасть —
Укрыться мне под вашу власть,
Чтоб вы признали сердца страсть,
Чтобы его не гнали прочь.
И как судьба мой путь не засть,
Опеки вашей вечна сласть —
Средь райских нег иль адских корч.

О, Дама, ваша сень так сладка!
Жонглёрам в давний день упадка

Свеча дарована от вас.[28]
Прильнул бы к ней — но горе хватко,
И нынче мой удел — украдка,
Не прикоснуться в этот раз —
Увидит кто, неровен час.
Но пыл мой верный не угас —
Вкруг башни ковыляю шатко,
Святыне дань воздать стремясь —
Мой поцелуй, вдали от глаз,
Пусть примет каменная кладка.

Прощайте, братья менестрели!
Вы доказали дружбу в деле,
Забуду я добро едва ли.

---

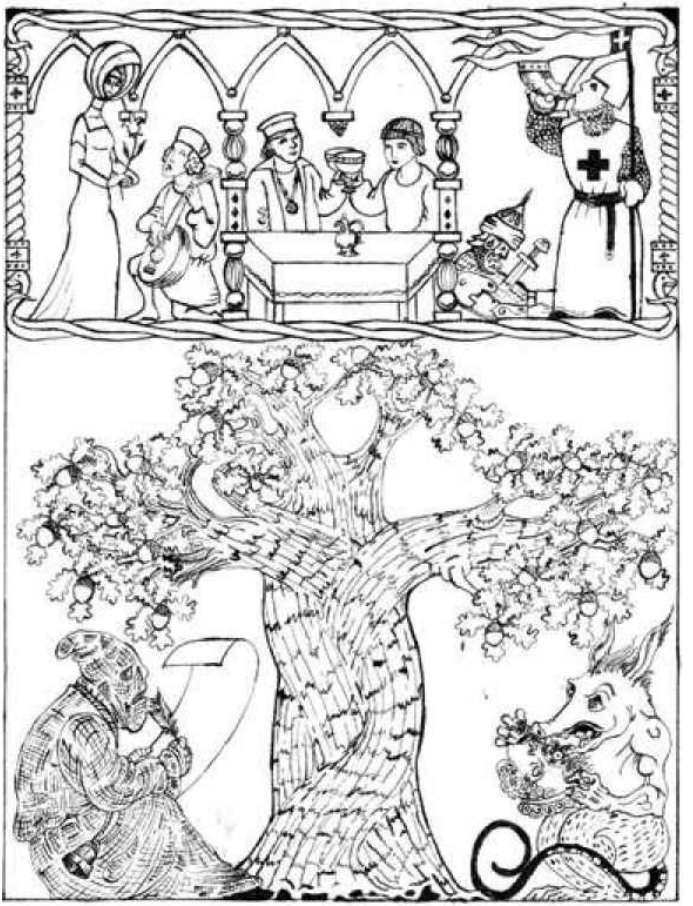
[28] Примечания: 28

«Жонглёрам в давний день упадка / Свеча дарована от вас» — Бодель говорит о легенде, с которой связывают создание Братства Опалённых. В начале XII века в городе был тяжкий мор, эпидемия «антониева огня» (эрготизма, заболевания нервной системы с похожими на ожоги поражениями кожи, вызванного отравлением ржаной спорыньей). В разгар мора одному из брабантских жонглёров, Итьеру, во сне явилась Дева Мария, и возвестила, что он должен пойти на ночное бдение в церковь Марии в Аррасе ближайшую субботу, канун Пятидесятницы, и Богоматерь вновь явится ему и передаст чудотворную свечу, возжжённую от небесного огня, которая и сможет вылечить больных. Такое же видение было и другому жонглёру, Пьеру Норману из Сен-Поль-ан-Тернуа. Но дело было в том, что Итьер и Пьер Норман ненавидели друг друга и каждый из них даже поклялся убить другого при встрече (во время случившейся ранее ссоры Норман убил брата Итьера). Итьер явился к аррасскому епископу Ламберу с рассказом о видении, однако

епископ ему не поверил. Когда же с подобным рассказом пришёл и Пьер Норман, епископ решил испытать их, заставив примириться. Примирение враждовавших жонглёров убедило епископа, он дозволил им ночное бдение — и действительно, жонглёры обрели чудесную свечу и знание о том, как с её помощью лечить больных. Стаивавший с горящей свечи жир (вероятнее всего, свеча — с поправкой на эпоху — была не восковая, а сальная) капал в специально приготовленную чашу с водой, из которой потом поили страждущих, что и помогло, по легенде, их вылечить и справиться с эпидемией. Итьер и Норман стали хранителями свечи и, с благословения Ламбера, основали около 1106 г. аррасское Братство Опаленных (Confrérie des Ardents, от названия болезни — le Mal des ardents). Чудотворная свеча хранилась в аррасской церкви Богоматери Опалённых, о которой и говорит Бодель.

Меня спасали, как умели,
И вразумляли, и жалели —
И вправду братьями мне стали.
Бог ваши утолит печали!
Вы у Марии дар снискали
Она добра была доселе —
Молитесь о её вассале,
Чтобы Отец и Сын признали
Меня своим в святом приделе.

Вас Божьей воле поручаю,
Пускай не всех перечисляю —
Но нет ни на кого досады.
Всех возношу и восхваляю,
Но прочь ведёт судьбина злая,
Хоть сердце этому не радо.
Лишусь я в вас моей отрады,
С другими мне ютиться надо.
По воле Божьей так страдаю,
Так полон гнили я и смрада,
Что верю, будет мне награда —
И душу Богу завещаю.



Адам де ла Аль
ПРОЩАНИЯ

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

XI

XII

XIII

Беспечно время тратил я,
И совесть, гнева не тая,
Меня склоняет к лучшей доле.

Устав от этого нытья,
Бегу бездарного житья,
Бесславной и пустой юдоли.
Скорблю от жалости и боли —
Цвет лет моих я бросил в поле,
Без толку, ради дурачья.
Но воспротивиться легко ли
Самой любви господской воле?
Вина простительна моя.

Аррас, гнездовье клеветы,
Молвы, злословья, суеты,
Ты благородным слыл впустую!
Исправиться хотел бы ты,
Но без Господней доброты
Найдёшь ли истину святую?
Монету ценят здесь любую
Скупцы, добро своё ревнуя;
Набитый ларь — венец мечты!
Сто тысяч раз «Прощай!» скажу я,
Науку поищу иную,
А тут уж больно лживы рты.

Аррас, Аррас, злосчастный град!
Оборочусь ли я назад —
С людьми немногими проститься,
Кто пировать всегда был рад,
Кто щедр, и весел, и богат —
Не смог обычай тот привиться!
Безжалостно срезала жница[29]
Под корень всё, что колосится —
Вновь будет урожай навряд.
Ты дал греху легко свершиться —
Пуста в твоих прудах водица,
Коль невода прошли стократ.

Раз дело подошло к прощанью,
К тем обращу своё вниманье,
О ком горюю, расставаясь.
Уеду в поисках призванья —
Уж нету прежнего старанья,
Канцон и лэ теперь чураюсь.
С годами сдержан стал, признаюсь,
Оставлю, вовсе не терзаясь,

---

[29] Примечания: 29

«Безжалостно срезала жница» — здесь и далее Адам жалуется на чрезмерный налоговый гнёт.

Всё то, к чему стремил исканья.
Среди ничтожеств подвизаюсь —
Довольно! И скажу не каясь:
Мне опыт мил — не испытанья.

Прощай, Любовь! Тебя милее
И радостней, и веселее
Одни лишь райские сады.
С тобой ученье шло живее,
Я бросил книги, не жалея —
И не увидел в том беды.
Те, кто в намереньях тверды,
Сберут всегда твои плоды,
Из-за тебя теперь в цене я,
И вознаграждены труды —
Я куртуазности лады
Постиг заботою твоею.

Подруга милая![30] Не скрою —
Тебя покину я с тоскою,
Другие — что? Всего больней
Тебя оставить за спиною.

---

[30] Примечания: 30
«Подруга милая!» — вероятно, обращение к жене, Мари Леже.

Пусть сердце будет здесь, с тобою,
А я пойду стезёй своей —
Искусным стать хочу скорей,
Для вящей гордости твоей —
Прославлена ты будешь мною.
Чтобы хлеба собрать верней,
Бывает пар и для полей —
И сев не каждою весною!

Прощусь, не утаив печали,
И с тем, чью доблесть все признали:
Гордится весь Аррас тобой,
Симон Эстурион, едва ли
Где таровитее встречали —
В дому — добряк, в бою — герой,
Товарищ верный и простой,
И краснослов не записной,
Тебя во лжи не уличали,
Любимый друг сердечный мой!
Из нас достоин кто иной
Чтоб дамы нежно привечали?

Мне вспомнить непременно надо

Двух братьев — вы моя отрада,
Робер и Бод, я ваш всецело!
Ни хлада я не знал, ни глада —
Ко мне добры вы были смлада,
И где бы ни скиталось тело,
Но сердце с вами быть хотело.
Пускай Господь любое дело
Вам тут же обратит в награду!
Я в вашу дверь стучался смело,
А нынче сердце заболело —
Расставшись, плачет от разлада.

Поскольку город покидаю,
И вам послать поклон желаю,
Пусены, сделав различенье —
Песнь к Жакемону обращаю.
Я за отца его считаю —
Без простолюдного раченья
По-царски брал на попеченье.
Он в благости своей и рвеньи
Помог — и вот, я уезжаю.
Скупцам — позор, скупцам — презренье!
Коль под его созрел я сенью —

Ему и доля с урожая.

Сир Пьер Пусен, прекрасный сир!
Мне свет пустынен стал и сир
Коль вас покинуть надлежит.
Пускай Господь вам дарит мир,
А мне найдётся ль эликсир —
Ведь сердце помнит и болит?
Аррас упадком знаменит,
Но ваш приезд ему сулит
И славу, и роскошный пир,
Верней, чем здешний скудный быт.
Никто заботой не забыт,
Коли хозяин щедр и щир.

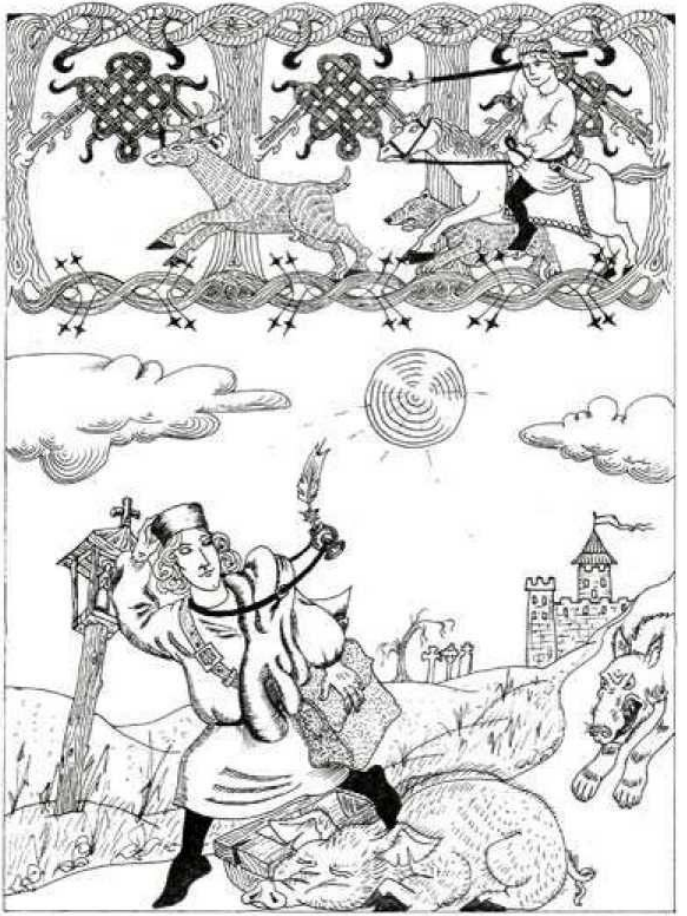
Я покидаю край родной.
Овель, Робер Назар, Жан Жой,
Жиль Пэр — и вам скажу «Прощай!»
С размахом вы турнирный бой
Снабжали шёлком и парчой,
Да что! — и брёвнами для свай.
Но город вымер, почитай —
Притихли, как ни понуждай,

А прежде боек был любой.
Но вспоминаю невзначай
Как реял пурпур, вился грай
Когда вы тешились игрой.

Колар Назар иных милей,
Стройней, изящнее, добрей
Чем прочие, и благородней!
И в куртуазности своей
Он — словно царь среди людей,
Прекрасен, милостью Господней.
Нужды не знает он сегодня —
Удачи дай ему погодней
Господь, люби его верней,
Пусть будет каждый год приплодней,
И старость будет полнородней —
Ведь вечер утра мудреней.

Аррасцы, всем вам бью поклон,
Никто из вас не обделён
Вниманьем, помню про долги я.
И помню, как со всех сторон
Пророков ложных легион

Порочил замыслы благие.
Пускай кликуши городские
Стыдом упьются! Их стихия —
Похмельных слов дешёвый звон.
Но чужды сердцу крики злые,
Пускай безумствуют витии,
Я бодр, удачлив и силен!



Рютбёф
ПОКАЯНИЕ РЮТБЁФА

Мне должно пенье позабыть,
И так рифмаческая прыть
Моей питалась долго страстью.
И сердцу впору слезы лить —
Я Богу не умел кадить,
Перед его склоняясь властью,
Всегда влекла меня к участью
Игра своей манящей сластью.[31]
Псалмы не пробовав нудить,
В День Судный зря могу пропасть я,
Коль Та, в ком Бог зачат,[32] *по счастью*

---

[31] Примечания: 31

«Всегда влекла меня к участью / Игра своей манящей сластью» — страсть к игре в кости — один из лейтмотивов стихов Рютбёфа; злоключениям игрока, в частности, посвящены самые известные его стихи, предположительно автобиографические «Про голь зимнюю слово» и «О летней голи» (см.: Рютбёф. Стихи обездоленного / Пер. Я. Старцева // Век перевода: Антология русского поэтического перевода XXI века. Второе десятилетие / Сост. Е.В. Витковский. — М.: Водолей. 2012).

[32] Примечания: 32

«Коль Та, в ком Бог зачат...» — Дева Мария, которая в средние века почиталась прежде всего как заступница на Страшном Суде.

Не станет за меня молить.

Да, время каяться пришло,
Смириться сердце не смогло
Заране — так сейчас придётся,
Добра не знало, знало зло —
И мне ли раскрывать хайло,
Когда и праведник трясётся!
Тащил я, что ни попадётся,
Всё, что едят, и всё, что пьётся, —
Я не монах, не подвезло.
И если вопль мой вознесётся:
«Не ведал!..», — он едва ль зачтётся:
Снискать спасенье тяжело.

Спасенье, как же! Боже правый!
Ведь Ты давал мне разум здравый,
И острый смысл, чтоб мир познать.
И облик дал свой величавый,
И дар бесценный и кровавый,
Смерть за меня решив принять!
Ведь мог Врага я отогнать,
Зане в темнице не стенать,

Что уготовил мне Лукавый!
Его молитвой не пронять,
Ему едино — сброд иль знать,
Не увернется и вертлявый.

Я слушал тело, вожделел,
Я рифмовал, пороки пел
Одних, чтоб быть другим по нраву.[33]
Враг нашептал таких мне дел!
Душа безродна, ей в удел —
Узилище, увы, по праву.
Коль Та, в ком вижу свет и славу
Не исцелит мою растраву,
То я, как видно, прогорел,
Живя совсем не по уставу.
В такой болезни быть мне здраву
Какой бы врач помочь сумел?

Целительница мне знакома —
И от Лиона до Вандома,
Нигде её искусней нет,

---

[33] Примечания: 33

«Я рифмовал, пороки пел / Одних, чтоб быть другим по нраву» — явная аллюзия на антимонашеские стихотворные памфлеты Рютбёфа.

В веках умелицей рекома,
Ей гной подвластен и саркома,
Любой заразы сгинет след!
Она дала простой совет —
И Египтянку Божий свет
Спас от греха и от содома,[34]
Очистив от порочных лет!
Как жажду я, угрюм и блед,
Душе такого же приёма!

Могуч да тощ — любой умрёт,
И мне случится укорот,
От смерти что защитой станет?
Иной упрётся сумасброд,
Упрямо ногу в пол упрёт —
И рухнет, коли смерть потянет.
Я смерти жду, лишь тем и занят —
Едва ли кто её обманет,
Она и денег не берёт.
Как тело в жалкий прах увянет,

---

[34] Примечания: 34

«И Египтянку Божий свет / Спас от греха и от содома» — имеется в виду эпизод из жития св. Марии Египетской, которая обратилась к праведной жизни после явления ей Богоматери. Рютбёф позже написал стихотворное житие св. Марии Египетской.

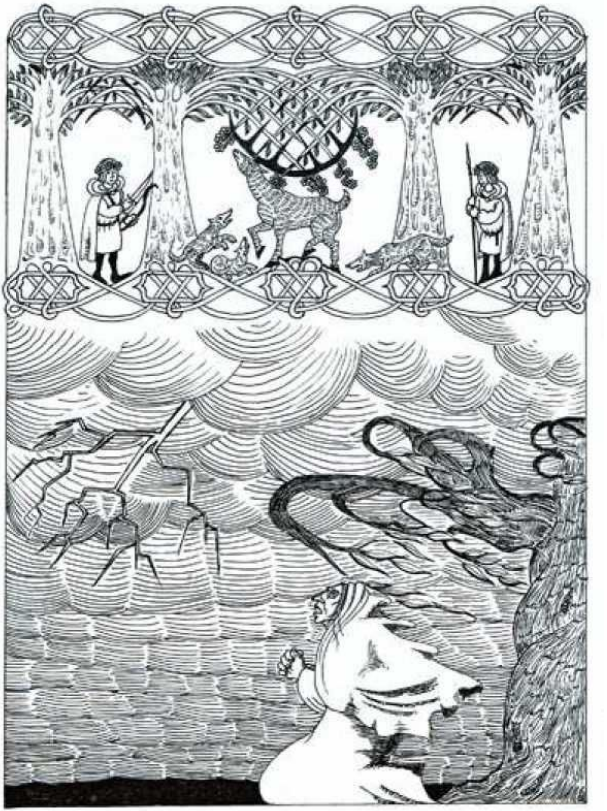
Вот тут-то для души настанет
О прошлом каяться черёд.

А каяться — немало в чём,
И лучше бы молчать о том.
Ужели поздно, святый Боже!
Грехи-то тлели день за днём,
И мне твердят монах с попом,
Что угли — пламени построже.
Мы с лисом хитростью похожи,[35]
Но я лишь при своём, похоже,
А лис — давно в лесу своём.
Мир скажет «пас», и мне негоже
На пас вестись — пасую тоже.
Кон сыгран, мы поврозь уйдём.

---

[35] Примечания: 35

«Мы с лисом хитростью похожи» — комментаторы видят здесь аллюзию на одно из собственных произведений Рютбёфа, связанных с традицией Романа о Лисе, «Изворотливый Лис».



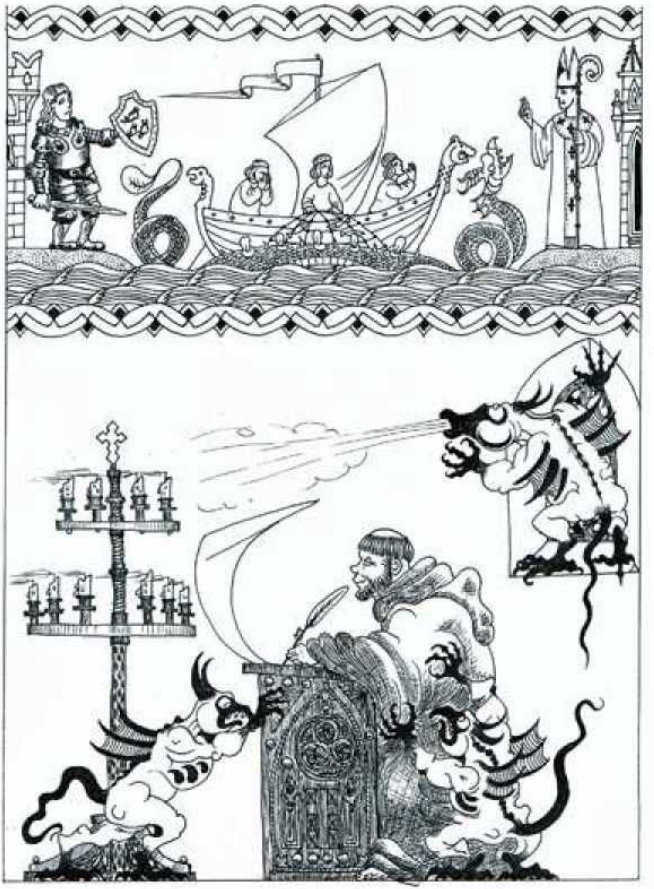
Николь Бозон
О ДУРНЯХ, КОИХ ЧАЯНЬЯ В ОДНОМ ЛИШЬ ЗАВЕЩАНИИ

Теперь послушайте, прошу —
Людскую глупость опишу,
К которой многие привычны,
Ведь человек обычно
Не слишком щедр, пока живёт,
Своё добро не раздаёт,
Посмертной воле доверяясь,
Во всём на близких полагаясь,
Они, мол, душу отпоют
И все по чину воздадут —
Ведь завещал молебны он!
Но, сразу после похорон
Такое держат совещанье
Наследники про завещанье:
«Пусть мёртвый к мёртвому ложится,
Живой с живым договорится.

Скончался бедный Джон —
Он или проклят, иль спасён.
Коль он спасён, тогда ему
Большой молебен ни к чему,
Коль проклят он, — такой пустяк
Его не выручит никак.
А нам ещё детей поднять бы,
Немного подкопить до свадьбы,
И пользы тут, друзья мои,
Куда поболе для семьи».
Частенько, я не скрою,
Случается такое —
И если много завещаешь,
Ты нить наверно обрезаешь
Любви меж мёртвым и живым,
И станет друг врагом твоим.
И лучше быть мудрей,
Таких искать друзей,
Чтоб преданными были,
Как надо проводили.
Но чтоб таких друзей найти,
Жизнь важно праведно вести,

И Богу праведность милей
Чем подношенья и елей.
Скажу о праведности вам
Как понимаю её сам:
Душою надобно своей
Любить и Бога, и людей,
Бывать почаще в Божьем храме,
Чтоб милостив Господь был с нами,
Отринуть грех и нечестивость,
Хвалить и славить Божью милость,
И душу чистить покаяньем,
И подаяньем,
Нисколь к наживе не стремиться,
Но скромно с бедными делиться,
И злом на зло не отвечать —
И Божию любовь снискать.
Но если кто считает,
Что грех любой он оправдает,
Прочтя полста молитв за раз,
Иль если милостыню даст,
Иль искупит грехи постом —
Напрасно он уверен в том.

Пожертвовать чуть-чуть на храм,
Зато божиться тут и там,
Перед крестом свечу зажечь,
Зато родных своих допечь,
Полушку нищему отдать,
Но после слова не держать,
Монахов щедро одарить,
Но тяглом поселян давить, —
Нет, жертву принеся благую
Ты не искупишь жизнь лихую,
Пока от зла не отвернёшься,
И праведности не коснёшься.
Молите Бога за Бозона
Сие сказавшего с амвона.
Аминь.



Ватрике Брассенье из Кувена
ИСПОВЕДЬ ВАТРИКЕ

Сомненья в сотый раз имея,
И мысля, да не разумея,
О смысле вопрошал я разум,
Осмыслить всё желая разом:
Шла жизнь без должного раченья —
Дела, и мысли, и реченья
Дурны, пусты в забвеньи долга,
Черны, греховны — слишком долго
Разгульно жил — и нынче гулом
Грехи аукнулись огулом.
Я от стыда, должно быть, красен —
Ущербностью пред миром красен,
Не стало спеси ни вот столько,
С дороги сбился, сбился с толка,
Вот путь к погибели простой!
И в мыслях тут настал простой:
Душа, я вижу, гибнет даром,
Молитвой, клятвой или даром

Никак не обрести прощенья,
Коль не возьмёт моё прошенье
Тот, Кто явить способен милость,
Позволить, чтоб душа отмылась,
Кто милостив, и Кто всеблаг,
Кто дарит, не жалея благ,
Простит всего, а не отчасти —
Всю плоть за нас отдал, не части,
И на кресте простил он вора,
Хоть жизнь лихую вел провора.
Его прощение не ложно,
Но целостно и непреложно,
Он благо не делил на доли,
И не оставил нас в недоле:
Он дал на откуп лиху тело,
И смерть его забрать хотела,
И плоти был погибнуть срок,
И был Господь и наг, и строг,
Затем явил нам чудо сам —
Нет места большим чудесам,
Чем дух и плоть нам в дар нести.
Как вспомню, что он смог снести,

Я в Божью милость сразу верю,
И в то, что нам воздаст по вере,
Благоволит услышать глас,
Не отведет щадящих глаз.
Молю прощения у Бога
За жизнь, что сира и убога,
Грехов я накопил немало,
И этим не горжусь нимало,
О малом я дерзну просить —
Греховное житьё простить,
И снизойти к душе кровящей,
К прощающего славе вящей.
Господь, реши моё смятенье!
В неверной жизни словно тень я,
Но был известен и добром,
А за грехи винюсь добром.
Зря о спасеньи вёл бы речь —
Но снизойдёт меня сберечь
Та, на кого храню надежду,[36]
Та, что помилует невежду.

---

[36] Примечания: 36

«*Та, на кого храню надежду*» — Дева Мария, которая в средние века почиталась прежде всего как заступница на Страшном Суде.

Душа, пока я в этом мире,
Винясь, пребудет с Богом в мире,
Молю заступницу об этом,
Себя готов связать обетом,
И слёз твоих благих сиянье
Спасёт от адского зиянья!

Эсташ Дешан
ЗАВЕЩАНИЕ ЗАБАВЫ РАДИ

Письмо, отправленное Эсташем в бытность его больным и вид имеющее завещания, забавы ради

18 июня…

Мессиры, вы — моё спасенье:
Молитвы ваши, без сомненья
Поднять смогли меня с постели
И здравие вернуть сумели,
Когда, болящий, я стенал
И вас почасно поминал,
Друзья, и свидеться мечтая,
И от горячки помирая,
Как мне казалось; был болезным,
Что мы навряд сочтём полезным,
Недуг хватил меня такой,
Что думать стал об отказной,
В уме и в памяти пока я.

Итак:
Покоиться желаю
На воздусях, дабы гния
Не стала прахом плоть моя.[37]
Я поручаю душу Богу,
И Сыну с Матерью, дорогу
Господь на небо пусть укажет,
Мои молитвы тем уважит.

Сто су, что собирал по крохам,
Я оставляю выпивохам,
Кюре служаночку пускай
Берёт, коль я отправлюсь в рай,
Его причетнику отдам
Мой плащ и шапку — старый хлам,
Но с мехом — всё ж согреет тело.[38]
А также, за благое дело
Пусть мне зачтётся каждый грех.

---

[37] Примечания: 37

«...Покоиться желаю / На воздусях, дабы гния / Не стала прахом плоть моя» — пародия на классическое для завещаний указание места для захоронения.

[38] Примечания: 38

«Но с мехом — все ж согреет тело», и далее — *«Как в бане я нагой, одною / Обёрнут белой простынёю»* — типичная для Дешана фонетическая игра слов (в нашем переводе: «с мехом» — «смехом», «нагой» — «ногой»).

Моим наследникам, на всех
Свои долги для дележа
Даю, кредитом дорожа.
А также, для Господних Псов[39]
Оставлю пару сундуков
Пустых — лишь доски да оковка.
Пускай нас дальше их сноровка
Хранит от ада — люди с ними
Идут в чистилище живыми.
Пусть Серые получат братья[40]
Мое изношенное платье,
А Белым завещать могу,[41]
Резвиться на моём лугу,
Когда закончат сенокос.
А также, всем, кто гол и бос,
За принесённый золотой

---

[39] Примечания: 39

«А также, для Господних Псов» — т.е., для доминиканцев; следующие строки — намек на их инквизиторскую активность; в целом эти строки пародируют традиционный для средневековых завещаний пункт о передаче части имущества церкви.

[40] Примечания: 40

«Пусть Серые получат братья» — «серые братья» — францисканцы, по цвету ряс.

[41] Примечания: 41

«А Белым завещать могу...» — здесь — премонстранты, по цвету ряс.

Дать меди щедрою рукой.
Не раз видав её вблизи,
Я оставляю в Камбрези
Большую крепость Нефшатель.[42]
Оставлю там, где был досель,
Гонессу, славный городок,[43]
А всем священникам, кто в срок
Споет над гробом «Аллилуйя» —
Тонзуры завещать могу я.
Добра растратил я немало,
С собою брать не всё пристало,
Как в бане я нагой, одною
Обёрнут белой простынёю.
Оставлю городу Бомону
Ручей, что вверх течёт по склону —
И чтоб вам черпать без зазренья!
Засохший сыр без сожаленья
Я мэтру Николя дарую.

---

[42] Примечания: 42

«Я оставляю в Камбрези / Большую крепость Нефшатель» — крепостей и укреплений с таким названием (буквально — «новая крепость») всегда было много, точное место установить затруднительно.

[43] Примечания: 43

«Гонессу, славный городок» — городок близ Парижа.*«Я мэтру Николя дарую...»* — Николя Мартен, чиновник королевской казны.

А также, удаль озорную
Пускай берёт любой, кто благ,
А что до прочих важных благ,
То для себя их берегу,
Пока на твёрдом берегу,
Чтоб не рыдать, в тоске сгорая,
Горенье далеко от рая,
И прогореть — позор большой.
Пусть Сен-Дени Дени Святой
Оставит за собой навечно.[44]
Я отдаю добросердечно
Лувр — королю, дворец — ему же,
С Венсенским замком, что не хуже,
Бочонок рейнского вина
Пусть Матюрен возьмёт,[45] *сполна*
Ему остатков этих хватит,
Коль остальное всё растратит.
Всё, завещать не буду боле:

---

[44] Примечания: 44

«Пусть Сен-Дени Дени Святой / Оставит за собой навечно» — в оригинале также игра слов, Le Lendit laisse a Saint Denis / Chascun an perpetuelment.

[45] Примечания: 45

«Пусть Матюрен возьмёт» — вероятно, Матюрен де Лиль, приятель Дешана.

Писал я, мучаясь от боли,
В печали этот стих слагая.
Вам подарить его желаю —
По нраву будет вам привет.
Последних, верно, десять лет
Я краше не писал поэмы.
Как соберемся вместе все мы,
Я оглашу её прилюдно.
Жена моя твердит мне нудно,
Что ей сундук зачем-то нужен —
Так принесите, я недужен.
Прошу сказать Дени-меняле,
Что долг получит он едва ли,
Пока мне шубу не пошлёт,
О чем прошу я целый год.
На ярмарке в Шато-Тьерри
Не позже, чем дня через три,
Я с урожая соберу
Процент хозяйский, по нутру
С него и вам придётся кус.
И да хранит вас Иисус!

Своей рукой, в Витри, Шампень,

Осьмнадцатый июня день.

Жан Ренье
ЗАВЕЩАНИЕ ПЛЕННИКА, ОЖИДАВШЕГО СМЕРТИ БУДУЧИ В ТЮРЬМЕ

Диктует людям добродетель
Чтоб всяк, чей смертный час настал,
Свой скарб, как ревностный владетель,
По завещанью отписал.

Так церковь нас святая учит,
И до́лжно подчиниться нам,
И епитимию получит
Кто глух к её благим словам.

А не владеет кто ничем,
И отказать не может много,
Распорядиться должен тем,
Чем он богат, всё в руце Бога.

Засим я также должен взяться
И долг исполнить прямо свой,
Когда мне вскорости скончаться —
Преставлюсь с чистою душой.

Я узник, всякий знает это,
Безденежен, — меж тем народ
За каждый шаг рядит монету,
И кто задаром груз возьмёт?

Но долг мой надо мне исправить,
Хоть малым списком завещать,
Чтоб от хлопот друзей избавить,
Кто волю станет исполнять.

И днесь я Господа прошу,
Чтоб силы дал, явив мне милость,
Что делаю и что пишу —
Его лишь волею сложилось.

Ему я душу отдаю,
И да приимет во владенье!
А также душу дам свою
Марии Деве на спасенье.

Засим, Архангел Михаил,
Да проведёт прямой дорогой,
Чтоб Недруг им повержен был,
И не губил мой дух тревогой.

О, патриархи и пророки,

Апостолы, евангелисты!
Да будут мне даны уроки
Знать ваши радости пречисты!

О страстотерпцев славных ряд,
За веру испытавших муки!
Душе попасть в небесный град
Без вашей можно ли поруки?

Святых мне должно помянуть,
Да будут мне они опорой,
Молю, чтоб указали путь
Моей душе простой и скорый.

Святых мужей и жён святых
Прошу спасенье мне добыть,
Душа безмерно будет их
И славить и благодарить.

Я с верой в Бога почию,
Господь, дабы меня спасти
Обрёк на муки плоть свою,
Мне рай дозволив обрести.

Я милости молю у всех,
Кому в неведеньи убогом

Обиду ль, зло чинил — пусть грех
Мне тот простится перед Богом.

Мои долги пускай оплатят,
Урон прошу я возместить,
Когда нанес кому, сколь хватит,
И бремя этим облегчить.

Святого Якова обитель
Мне даст приют в земле своей,
В Оксерре сей святой — хранитель
Могил моих былых друзей.

Пусть будет белым полотном
Мой гроб накрыт — сие покажет,
Что все мы нищими уйдём,
Всяк без богатства в землю ляжет.

И означает белый цвет
Смиренье — тщетно всё отныне:
На склоне дней, на склоне лет
Уже не место для гордыни.

Поверх пускай лежат венки
И нежной красотой своею
Они, прелестны и легки,

Мой гроб укроют, зеленея.

Барвинок на венки пойдёт,
И тот мне почести окажет,
Кто без труда его найдёт,
И тело мёртвое уважит.

Барвинка свойства таковы,
Что чист и зелен постоянно,
Его среди другой травы
Мы отмечаем неустанно.

А зелень означает радость,
С которой всякий человек
Восхвалит честно Божью благость,
И призван будет, кончив век.

Барвинок часто собирают,
Чтобы венки простые вить
Одежду ими украшают,
И любят на себе носить.

Желаю, чтобы были там
Четыре, три ли менестреля
Дабы служить утехой вам,
Они играли бы и пели.

Слезами с криком не годится
Смущать усопшего покой —
Смерть не заставишь удалиться,
Когда ты под её рукой.

С собою в мире почию,
И то, что близок час, я знаю,
И, веря Господу, свою
Судьбу Ему легко вверяю.

Засим, пусть в храм меня несут
Четыре бравых землероба,
Что виноделами зовут,
Они любезны мне особо.

Сие же будет означать:
Я мир земных трудов покинул,
Пути обратно не сыскать,
Бог даст, чтоб дале я не сгинул.

Засим, пусть каждый землероб
Пять су получит в награжденье,
И менестрели, каждый чтоб
По стольку же, за услажденье.

Что до свечей и украшений,

О том я не хочу писать,
Друзьям не множить усложнений,
Кто волю будет исполнять.

Простого «Реквием» довольно
Пред тем, как телу дать покой;
Но сердце было бы довольно,
Когда бы голос был второй.[46]

Желанно, надобно добавить,
Деньгами певчих оделить,
По золотому им оставить,
Сполна чтоб отблагодарить.

Мне положиться нужно дале
На исполнителей двоих,
И завещание едва ли
Без помощи свершится их.

Душеприказчиков назначу
Теперь же, в памяти пока,
Им выполнять сию задачу —
Да будет ноша им легка.

---

[46] Примечания: 46

«Когда бы голос был второй» — т.е., чтобы не один только священник пел requiem.

Витри в моих делах поверен,[47]
И в том даю ему карт-бланш,
Другой не мене благомерен —
Де Перенан дю Бок дю Канж.

Мессирам сим я доверяю,
Среди друзей я числю их,
И на согласье уповаю
Душеприказчиков моих.

Умру — пускай же труд возьмут
К моим друзьям оборотиться,
Им завещание зачтут,
На помощь просят согласиться.

Сыскать иначе средства сложно,
А люди неспроста твердят
Одно и то же непреложно:
И в гроб не ляжешь без деньжат.

А непосильны бремена,
Чтобы завещанному сбыться —
Была б земля освящена,

---

[47] Примечания: 47

«Витри в моих делах поверен» — об упоминаемых здесь и далее персонажах ничего не известно.

И с тем я буду рад смириться.

Что боле я могу свершить?
Уж ничего; судьбе послушен,
Я буду Господа молить,
И чист пред Ним, и прямодушен.

Коль Бог послать не согласится
Здоровья мне, и долгих дней,
Пускай сполна распорядится
И верой, и душой моей.

Мой дух я в руки предаю
Твои, небесный Отче святый![48]
Перед тобою днесь стою
Почтеньем пламенным объятый.

И малой милости взыскую:
Я над могилою прошу
Изладить надпись небольшую —
Те строки, что сейчас пишу.

«Такой-то» надлежит убрать,
И верное поставить имя,

---

[48] Примечания: 48

«Мой дух я в руки предаю / Твои, небесный Отче святый!» — в оригинале на латыни, In manus tuas Domini, commendo *Spirito meum* (Lucas, 23:46).

Что сможет всякий прочитать
Стихами сказано простыми:

Здесь упокоен в доброй вере
Такой-то мол,[49] *бальи в Оксерре,*
Оставил мир земных забот.
Войны вкусил он в полной мере,
В Бове пришёл конец карьере,
И кончен дней круговорот,
Его давно уж червь грызёт,
И плоть его давно гниёт.
Год тысяча четыре сотни
Тридцать второй, и в день субботний,
Февральский, он скончался браво.
Молите Бога за него —
Душа, надеясь, ждёт того.
Проходит так мирская слава.[50]

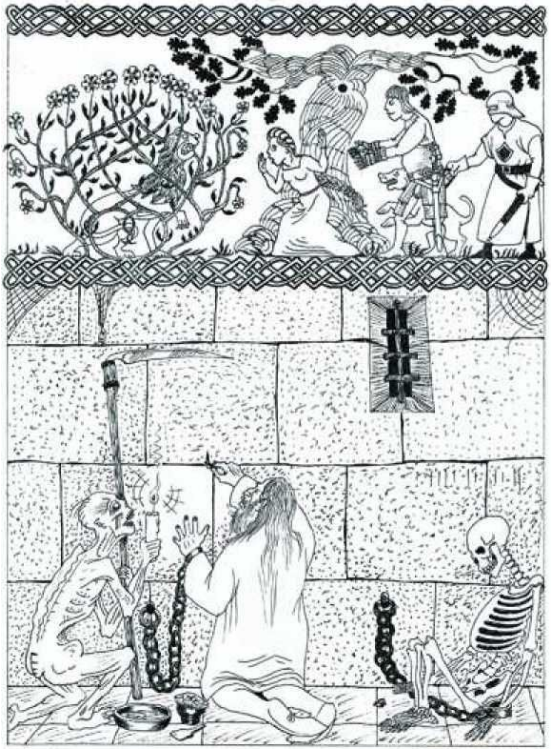
---

[49] Примечания: 49

«Такой-то мол» — по количеству слогов соответствует имени Жеан Ренье; вероятно, упоминать в эпитафии собственное имя напрямую автор всё же не решился.

[50] Примечания: 50

«Проходит так мирская слава» — в оригинале на латыни, Sic transit gloria mundi.



Жан Ренье
КАК ОЗНАЧЕННЫЙ ПЛЕННИК, НАПИСАВ ЗАВЕЩАНИЕ, СО ВСЕМИ ПРОЩАЕТСЯ

Предчувствую, что смертный час проби л,
И сломлен, обессилен я недугом,
И нет поддержки, как я ни просил,
Бог положил предел моим досугам,
Я с каждым распрощаюсь по заслугам,
Пока в разлуке разум не угас.
Прощайте, вот и про́бил смертный час.

Со всеми я прощусь, кого припомню,
Покуда не зашёлся в страшной пляске,
В круженьи Смерти — будет нелегко мне
Пускаться в танец по её указке,
И в сердце горечь, всё идёт к развязке,
И я держусь, но смерть сильнее нас —
Прощайте, вот и пробил смертный

час.

Прекрасный герцог, доблестный властитель[51]
Бургундии, Арраса, фландрский граф!
Приказов ваших верный исполнитель
Скончается, подмоги не дождав.
Уж год, как я тюремный чту устав,
Как волею судьбы я тут погряз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Сиятельная дама, герцогиня,[52]
Дай Бог вам счастья, радости и сил!
На вашей службе, прежде и поныне,
Я только об одном судьбу просил —
Чтоб вас всечасно взор мой находил.
Ослушлива фортуна в этот раз —
Прощайте, вот и пробил смертный

---

[51] Примечания: 51

«Прекрасный герцог, доблестный властитель...» — Филипп III Добрый (1396–1467), герцог Бургундский, граф Фландрский, граф д'Артуа, сюзерен Жана Ренье.

[52] Примечания: 52

«Сиятельная дама, герцогиня...» — Изабелла Португальская (1397–1471), третья жена Филиппа Доброго (с 1430).

час.

Прощайте, рыцари, пажи, прощайте,
Прощайте, двор, придворные и знать.
Меня увидеть вновь уже не чайте,
Моих услуг вам боле не сыскать.
Прощай веселье, мне ли радость ждать,
Коль сердце в горечи никто не спас —
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, дамы, девы и девицы,
Прощайте, горожанки и торговки,
На вашу прелесть я любил дивиться —
Как милы вы, любезны, нежны, ловки,
А нынче нет ни крыльев, ни сноровки —
В темнице я безрадостной увяз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощай, Оксерр, прощай мой бедный город,
Служил тебе я верно много лет,
Но вот, судьбой военною поборот,

Стал жертвою и горестей, и бед,
И выхода отсюда больше нет,
И гибели суровый слышу глас —
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, досточтимые прелаты,
Живущие в Оксерре и в округе.
Бывал и я полезен вам когда-то,
Теперь прошу не отказать в услуге:
Молитесь Богу о почившем друге —
Господь иной поддержки не припас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Диаконы, кюре, весь добрый клир,
Чтецы, причетники и аколиты,
Миряне и отринувшие мир,
Монахи черные и кармелиты,
И проповедники, и миноритьi!
Пропеть заупокой даю наказ.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, моя милая супруга,

Послушайте последнее желанье —
Я вас прошу, сестрица и подруга,
И дале детям уделять вниманье,
На вас одну теперь их упованья,
Молитесь, чтобы душу Бог упас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Советники мои, я к вам привык
За всяким делом часто обращаться,
А нынче — как немой, в печали сник,
Хочу и с вами тоже попрощаться:
Я чую смерть — не буду обольщаться,
Её красоты вижу без прикрас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте, горожане и дворяне,
Прощайте, садоводы и портные,
Прощайте, и торговцы, и мещане,
Прощайте, плотники, мастеровые —
Я сам мастеровитей, чем иные,
Но беды навалились как-то враз.
Прощайте, вот и пробил смертный

час.

Прощайте все, кто занят ремеслом,
Прощайте все, кто пахотою занят,
И я себя почувствовал волом —
Несчастия и давят, и тиранят,
Гоняют день и ночь, гнетут и ранят,
И вижу смерть — она мой волопас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощайте с миром, жители Везле,[53]
Оксеррцы, и иной окрестный люд.
Я вам служил в любови, не во зле,
Но мне недолго оставаться тут,
Моих баллад вам больше не споют,
Ведь сердце не мечтает про запас.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Друзья прощайте, и прощай родня,
Кузены и кузины, дядьки, тётки,

---

[53] Примечания: 53

«Прощайте с миром, жители Везле...» — Везле (Vezelay), местечко недалеко от Оксерра, в средние века — крупный религиозный центр, привлекавший паломников.

Прощайте все, кто дорог для меня,

Соседи и соседские молодки,

Служанки, слуги, старшие, погодки —

И смерть вот-вот возьмёт меня от вас.

Прощайте, вот и пробил смертный час.

Пусть Николя, товарищ пленный мой,

И Дезире, когда пойдут на волю,

Моим друзьям отчет представят свой,

Расскажут всё, что видели дотоле,

Оставшиеся, выпавшие доли —

Тут прояснится всё для них как раз.

Прощайте, вот и пробил смертный час.

Прощай мой сторож, Пьер Дюпьи, прощай,

С твоим семейством тоже распрощаюсь,

Прошу тебя всемерно, обещай

Что пленникам другим, как я скончаюсь,

Ты весточку объявишь, не смущаясь —
Пусть помянут в молитве парой фраз.
Прощайте, вот и пробил смертный час.

И вы прощайте, жители Бове,
Соседи, мест окрестных обитальцы,
Хотя мы с вами даже не в свойстве,
Прощание примите от страдальца.
Вонзила в сердце смерть стальное жальце,
Я гибну, где следы былых проказ?
Прощайте, вот и пробил смертный час.

Пьер де Нессон
МЭТРА
ПЬЕРА ДЕ НЕССОНА ЗАВЕЩАНИЕ, ИЛИ ЕГО ЖЕ ПОКЛОНЕНИЕ БОГОРОДИЦЕ

Моя любезнейшая Дева,
Сосцами нежными средь хлева
Вскормившая в любви Творца,
Себе родившая Отца,[54]
Подруга, трепетная Дама,
Я без чинов прошу вас прямо:
Хоть недостоин я того,
Но если спросят — у кого
Служу сейчас и пребываю,
Сказать позвольте, умоляю —
Царице в небесах служу,[55]

---

[54] Примечания: 54

«Себе родившая Отца» — распространенная в средневековой литературе манера осмысления места Девы Марии в Святом Семействе (Бог как Христос — Сын Богоматери, Бог как Творец — ее Создатель).

[55] Примечания: 55

«Царице в небесах служу» — здесь и далее — типичное для куртуазной лирики отождествление служения Даме с вассальным служением, слившееся позднее с марианским культом.

К её двору принадлежу,
И быть не только у подножья
Потщусь, о Дщерь и Матерь Божья!

Конечно, я неосторожен:
Бесценна милость, я ж — ничтожен,
И слишком был бы я польщён,
И даром благостным смущён.
Коль, Милая, прошу я много —
Взываю — не судите строго
За оскорбительный порыв
Служить вам, Дама, всё забыв:
Я одержим мечтой одной,
И как бы ни твердил больной
Что он здоров, прошли напасти —
Он тянется к предмету страсти.

Когда же соблаговолите
Меня принять — сейчас велите:
Я телом и душою ваш,
Приносит также свой оммаж[56]

---

[56] Примечания: 56

«Приносит также свой оммаж» — оммаж (здесь) — вассальная присяга.

Моя жена, а с нею вместе
Семья взыскует той же чести,
Вам — наша ленная присяга,
Мы вам верны, вы — наше благо.
Теперь, в составе вашей свиты,
Мы вашей, Дама, ждём защиты —
И, перейдя под вашу руку,
Поддержку ищем и поруку.[57]

Когда же возразит ваш Сын,
Что он в сем мире властелин,
И присягать ему должны мы —
Отвечу, что неоспоримы
Лишь с вами узы — мы родством
От общих предков счет ведём.[58]
И по Отцу пускай он даже
В достойном состоит линьяже —
Раз Богом он рождён на свет,
Меж нами кровной связи нет.

---

[57] Примечания: 57

«И, перейдя под вашу руку, / Поддержку ищем и поруку» — отношения сеньор-вассал предполагали взаимные обязательства (соответственно, защита и служение).

[58] Примечания: 58

«...мы родством От общих предков счет ведём» — т.е., от Адама и Евы.

Коль аргумент возникнет встречен,
Что Сын ваш был вочеловечен,
Скажу: обязан только вам
Он этим свойством — знает сам,
Что вас мужчина не касался,
Иосиф даже опасался —
А значит, родствен нам Исус
Лишь в силу материнских уз.
Когда же скажет — мол, страдал
За нас, и кровью истекал,
На скорбном он висел Кресте —
Слова верны, конечно, те,
Но муки тяжкие терпело
Лишь человеческое тело,
Что вашим чревом рождено,
От вашей плоти плоть оно,
В нем только ваша кровь струилась.
Когда бы спорить нам случилось
И дальше, если возразит, —
Скажу, что был Господь сокрыт
В дитяти малом, чьё явленье
Ввело Природу в изумленье:

Она представить не могла
Того, чтоб дева родила
И после девой же осталась —
Ведь тайна та не разгадалась,
И невозможно нам узнать,
Как Девой оказалась Мать,
А Бог стал плотию людской —
То ведает лишь Дух Святой.

Событие сие чудесно,
Однако точно нам известно,
Что в том участья никакого
Никто из племени людского
Не принимал ни в малой мере,
А значит, муку и потери
Познало вашей плоти чадо.
Избегло боли, думать надо,
Всё то, чем он Отцу обязан.
И ведая, что Сын истязан,
Господь его не защитил,
Но в благости своей решил,
Чтоб всё, что в Сыне человечье
Терпело гибель и увечье,

И тем спасло бы род людской,
И сделал смерть его такой,
Чтоб вынес Иисус страданье,
Всему земному в назиданье,
В безмерной милости своей.

А скажет — мол, грехи людей
Он искупил совсем не даром —
Так не спася нас этим даром,
Где души он тогда возьмёт,
Чтоб жить средь ангельских высот?
А то, что в мире сем реком
И Господином и Царём —
Пусть он и предстает в порфире,
Его домен не в этом мире,
Когда с его же слов судить.[59]
Ему случалось говорить —
Сын Человеческий привычен
Без крова жить, и тем отличен
И от зверей, живущих в норах,

---

[59] Примечания: 59

«Его домен не в этом мире, / Когда с его же слов судить» — ср. Иоанн, 18:36.

И от пичуг, на гнёзда спорых,[60]
И негде приклонить главу.
Мы, речь запомнив такову,
Учтём — он после этих слов
Больших не получал даров —
Откуда бы взялось именье?
В земном обличьи, без сомненья,
Он нищим был, всего лишён.
Но, значит, всех запутал он:
То в этом мире всё его —
То не имеет ничего.

Какое мог сыскать он средство
Чтоб мир заполучить? Наследство?
Тогда хотелось бы узнать
Кто мог владенье завещать.
Засим, каких он прав носитель,
Коль жив ещё его Родитель?

---

[60] Примечания: 60

«Сын Человеческий привычен / Без крова жить, и тем отличен / И от зверей, живущих в норах, / И от пичуг, на гнезда спорых» — ср. Матфей, 8:20; Лука, 9:58.

Эмансипация нужна[61]
Чтоб чем-то мог владеть сполна,
Пока его Отец живой.
Иначе, довод есть такой:
Коль нет отца среди людей,
Тогда от Матери своей
Зависеть должен он всецело,
Опека бы ему довлела,
Как нам обычай говорит.

Когда ж на это возразит,
Что от опеки он свободен,
Поверим, — но ведь он негоден
Своим наследством управлять:
Берет мирскую благодать
У мудреца, шуту вручает,
И словно бы не замечает,
Что мудрый в нищете живёт,
Безумцам же — наоборот
Всё оставляет на потраву —

---

[61] Примечания: 61
«Эмансипация нужна...» — эмансипация (здесь) — предоставление полных имущественных и иных прав человеку при жизни родителей, освобождение от родительской опеки.

Сказать вполне имеем право:
Идёт не от ума большого
Такая щедрость — можно слово
Ещё точнее подобрать
И расточительством назвать.
И, наконец, нам вспомнить надо
Он рай оставил без догляда —
Хозяев нет, владей, кто хочет.[62]

И понапрасну прохлопочет
Кто там взыскует управленья,
Иль мудрого распоряженья,
Законов и установлений,
Иль исполнителей решений —
На небе и расписок нету —
Как должника призвать к ответу?
Там адвокатов не найти,
Случится жалобу нести —
Одну я вижу перспективу —

---

[62] Примечания: 62

«Он рай оставил без догляда — / Хозяев нет, владей, кто хочет» — некоторые нормы обычного и сеньориального права предусматривали, что владения, предназначенные для хозяйственной деятельности, могут переходить к другому собственнику, если оказываются в запустении.

Довериться святому Иву,[63]
Успехи тут предрешены
Ведь нет противной стороны —
Другим известным адвокатам
В рай не попасть никак, куда там!

Ещё такой он ввёл порядок:
Кто здесь на милостыню падок,
Кто нищ, кому живётся скверно —
В рай попадет уже наверно,[64]
И, милость обретя такую,
Потом оттуда ни в какую,
Мол там и есть их отчий дом,[65]
А клирики скорбят о том,

---

[63] Примечания: 63

«Довериться святому Иву» — Ив Элори (Ив из Кермартена, Святой Ив, «Адвокат бедных», ок. 1250 — 1303) бретонский священник знатного происхождения, церковный судья в своём приходе, защищавший в судах прихожан, не имевших средств на адвоката. О Иве Элори сохранилось ставшее присловьем суждение: «advocatus erat, sed non latro, res mirabilis populo» («был адвокатом, но не жуликом — дивное дело среди людей»); известно также, что он проповедовал по-бретонски, а не только на латыни. Канонизирован в 1330 г.; день его памяти, 19 мая — национальный праздник бретонцев. Св. Ив считается покровителем адвокатов.

[64] Примечания: 64

«Кто здесь на милостыню падок, / Кто нищ, кому живётся скверно — / В рай попадет уже наверно» — ср., напр., Матфей, 19:21; 5:3.

[65] Примечания: 65

«И, милость обретя такую, / Потом оттуда ни в какую, / Мол там и есть их отчий дом» — ср. 2-е к Коринф., 5:1.

Что толпами сии невежды
Лишают их спастись надежды —
Тут мудрено не удивиться:
В раю не клирик, а тупица.[66]
Когда ж о благах речь земных —
Война и спор идёт за них,
Ведь он раздал их по-дурному,
И лишь по случаю такому
Возникли банды, лиги, клики:
Те, что умишком невелики
Добром владеют и землёю —
Вот и идут на них войною.
Когда всё это общим было —
И споров не происходило,
Ещё во времена Оттона
Был мир и царствие закона.[67]
Теперь же сложно разобраться,
Чем может он распоряжаться.

---

[66] Примечания: 66

«В раю не клирик, а тупица» — ср. Матфей, 23:13, 5:20; Марк, 2:16.

[67] Примечания: 67

«Ещё во времена Оттона / Был мир и царствие закона» — видимо, речь идёт об Оттоне III (980 — 1002, прав. с 983), последнем императоре Священной Римской империи, державшем столицу в Риме и пытавшимся объединить светскую (императорскую) и духовную (папскую) власть.

Ему сбирают подаянье,
Но тут же слышу оправданье
Тех, кто на траты не горазд:
«Идите с миром, Бог подаст».
А милостыня не ему ли?
Тогда кого из нас надули,
Кому успел он благо дать?
И можно ль бедным называть
Того, кто для Исуса просит,
А сам — в мошну тихонько бросит?
Дары его лишь тем попали,
Кто был достоин их едва ли.
Когда он без опеки правит,
В хозяйстве кто его наставит?

А что до спорного владенья,
То нет ни малого сомненья,
О Дева милая моя,
Что, рассмотрев от А до Я
Все аргументы и закон,
Происхождение сторон,
Небесный Суд признает точно:
Лишь Богоматерь правомочна

И ваши подтвердит права.
Но правда, Дева, такова,
Что Сына вы всегда любили,
Засим, его превозносили
Всегда как Господина вы —
Сие доказано, увы.
Через наследство или нет,
Но он уже немало лет
(Как видно, с сотворенья света)
Использует владенье это.
На памяти людской ни разу
Вы не противились приказу,
Который Сын ваш отдавал,
От вас поддержку получал
Он на решение любое,
Включая времена до Ноя.
Едва Исуса породив,
И Господом провозгласив,
Сказав «Творец и Покровитель»,
Признали вы — он повелитель.

Засим, распорядясь собою,
Вы назвались его рабою —

При том свидетель ангел был.[68]
Но слуг обычай прав лишил —
Раб фьефом обладать не может,
Пусть даже господин предложит.
Итак, когда законы чтим,
Домен останется за ним.

Но, чтобы всё решить согласно,
И рассудить нам беспристрастно,
Я присягаю вам обоим,
Мы споры этим успокоим.
Даю и тело и именье
Я вам двоим в распоряженье,
И каждый, мой оммаж приняв,
Получит половину прав.
Итак, чтоб выход нам найти
И к правде истинной придти,
Пока раздела нет меж вами,
Разъезда, ссоры меж домами,
Без срока и ограниченья
Примите в общее владенье!

---

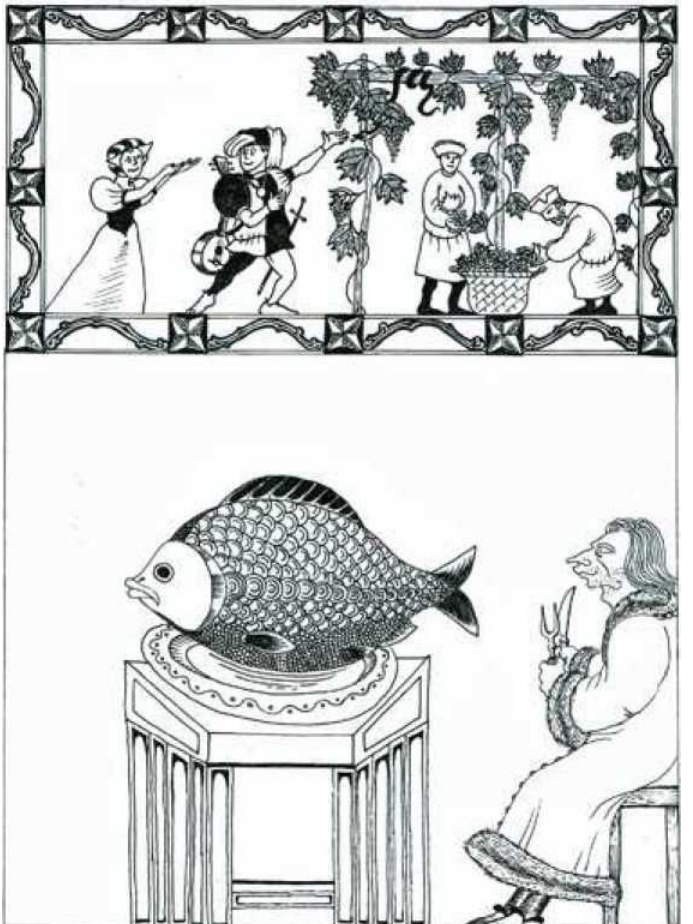
[68] Примечания: 68

«Вы назвались его рабою — При том свидетель ангел был» — ср. Лука, 1:38, 46, 48.

Себя и всю мою семью
Вам нераздельно отдаю,
Не буду при других отныне
Ни Госпоже, ни Господине.

Когда вассал с сеньором связан,
И господин ему обязан:
Вполне законно притязанье —
Пока мы длим существованье,
Прошу вас посчитать за благо
Нам подарить мирские блага.
Богатства, роскоши не надо,
Не знать нужды — и вся награда,
Так, чтобы скромно жизнь прожить,
Но подаянья не просить:
Ведь нищета ни в коей мере
Нас не приблизит к твердой вере.
Богатство было бы чрезмерно —
Давно известно, и наверно:
Когда достатка слишком много,
Легко забыть при этом Бога.
Когда позволено мне будет
Молить ещё — как нас не будет,

О Дама, в милости сердечной
Для нас просите жизни вечной!
Господь Всевышний то решает,
Что на престоле председает
Единый в Троице святой.
Пускай оммаж зачтется мой —
Да снизойдёт всеблагий Он,
К тому, что я, Пьер де Нессон,
Сие послание составил
И записал согласно правил.



Анри Бод
ЗАВЕЩАНИЕ МУЛИЦЫ БАРБО

Рене де Булиньи[69] *меня привез*
Из Арагона, — так рекла мулица. —
И я не даром ела свой овёс,
Но он задумал мною поделиться.
У де Тренеля[70] *не пришлось прижиться —*
Меня Дове[71] *спихнули из-за хвори,*
Потом дряхлеть я стала — что ж дивиться,
Делакруа[72] *меня отдали вскоре.*

Его носила, с ним — его регистры,

---

[69] Примечания: 69

Рене де Булиньи — королевский казначей в 1440-х гг.

[70] Примечания: 70

Сеньор де Тренель, Гильом Жувенель дез Урсен — брат Жана Жувенеля дез Урсен, канцлер Франции.

[71] Примечания: 71

Жан Дове, сеньор де Кланьи — первый председатель тулузского, потом парижского парламента.

[72] Примечания: 72

Ален Делакруа — персонаж неизвестный, но, судя по упоминающимся регистрам, которые он возит с собой — нотариус или чиновник.

Но помер он, а я седою стала.
И я Барбо[73] досталась как-то быстро,
За деньги, нет ли — я уже не знала.
И груза, и работы с ним хватало,
И так меня хозяин понужал,
И остнем так истыкал где попало,
Что брюхо мне, и спину искромсал.

Достигла честно я преклонных лет,
Не нажила добра, жила безлюбо,
Друзей душевных не было и нет,
Вот слабость чую каждый день сугубо.
Ещё страшней — мне подпилили зубы,
Не больно жаль, но было очень больно,
Кузнец из Нанта вел себя так грубо,
А я обману поддалась невольно.

И что добавить о моей судьбине?
Веселья не случалось мне давненько.
Ещё болезнь меня терзает ныне,
От холода: морозилась частенько.

---

[73] Примечания: 73

Барбо — персонаж неизвестный, но, судя по дальнейшему тексту — мелкий судебный служащий.

Пожуй-ка двадцать лет узду! Трудненько,
Да ноги босы, мёрзнут без подков.
Простынешь тут — побегай так весь день-ка!
Уж год как я не знала кузнецов.

Не наедалась вдоволь так давно!
И жалкой животиной век влачу я.
Овса найдёшь иль сена — всё равно
Еду жуёшь недолго и такую.
Пощусь, хотя поста и не взыскую,
Голодная работа мне знакома,
И я к яслям склоняюсь, не рискуя
Объесться — там всегда одна солома.

Пришла пора природе взять своё —
Не стало сил, осталась лишь усталость.
И скоро смерть прервёт моё житьё,
Её не спросишь, сколько мне осталось.
Хочу раздать, кому что причиталось,
Распорядиться всем, что я имею —
С собой не потащу, и так досталось,

Другим оставлю волею моею.

Пусть тело, — им гордилась прежде я! —
Всё целиком, как будет, без изъятья,
Покоится в желудках воронья,
Обратно вряд ли буду путь искать я.
А кости, коль своей сгодятся статью,
Бери любой, как станут побелее.
А для Барбо, надеясь на приятье,
Мой голосок оставлю, не жалея.

Хвост будет мухобойкой, он привык,
А шкуру я отдам на барабаны,
На обувной рожок пойдёт язык[74] —
Барбо наденет туфли даже спьяну.
Бальи[75] *получит, что ему желанно,*
И будет по закону наделён:
Мои прицепит уши невозбранно,

---

[74] Примечания: 74

«На обувной рожок пойдёт язык» — вероятно, одно из первых упоминаний этого предмета обихода во французской литературе.

[75] Примечания: 75

Бальи — должность королевского наместника-судьи.

Поскольку он своих давно лишён.[76]

Собакам сен-жерменских мясников
Даю наказ исполнить завещанье:
Иных я не ищу духовников,
Доверясь их вниманию и тщанью.
Миг смерти грянет не по расписанью —
И загодя об этом думать надо.
Кляла Барбо в голодном бормотаньи —
Я каюсь в том, и не хочу разлада.

Жюльену я оставлю оголовье —
Он удила закусывать умеет.
Пускай Колетта носит на здоровье
Мою шлею — она как раз полнеет.
И сбрую пусть выбрасывать не смеют —
Следите, чтоб напрасно не ушла!
А Бод пускай всей упряжью владеет,

---

[76] Примечания: 76

«Мои прищепит уши невозбранно, Поскольку он своих давно лишён» — отрезание ушей было распространенным наказанием для мошенников и казнокрадов.

Коль обойтись не может без седла.[77]

Дано в сезон забоя поросят,[78]

В году, принесшем славные прибытки,[79]

Когда за пук травы — мешок деньжат,

А за вино — так обдерут до нитки,

Монеты стали как-то слишком прытки,

Их не найдёшь и для зерна простого.

Поставлен крестик после громкой читки,

В присутствии Барбо угрюмо-злого.

Меж гадиной огромной и оленем,[80]

Меж трех дворов, у ног двух королей,

---

[77] Примечания: 77

«Жюльен.., Колетта.., Бод» — персонажи неизвестны.

[78] Примечания: 78

«Сезон забоя поросят» — ноябрь или декабрь.

[79] Примечания: 79

«В году, принесшем славные прибытки...» — 1465 год, когда после дождливого лета случился неурожай.

[80] Примечания: 80

«Меж гадиной огромной и оленем...» — описание большого зала Дворца правосудия в Париже: чучела оленя и гигантской змеи, окна на три разных двора, парные статуи Карла Великого и Людовика Святого, статуя Карла V, мраморный подиум.

От пятого с изрядным удаленьем,
За глыбою, по центру и левей,
Где в будни место разных ассамблей,
И где Барбо ютится, скорбный ликом,
Зато дебелый — дела нет верней,
Чем жить пером и окормляться криком.[81]

[81] Примечания: 81

«Чем жить пером и окормляться криком» — т.е. Барбо вел записи и оглашал решения, либо вызывал просителей.

Жан Молине
ЗАВЕЩАНИЕ ВОЙНЫ

Да, я — война. Я умираю,
И мне выходит смертный срок.
Но больше оттого страдаю,
Что недособран мой оброк,
Да не подбит ещё итог —
И, чтоб добро не пропадало,
Чтобы пошло кому-то впрок —
Я завещаньице склепала.

Я завещаю Богу — душу,
Когда её захочет взять,
А нет — так я весь ад порушу,
Чтоб чёрт сумел меня признать.
Мою дух немирный постигать
Придёт и сюзерен, и папа;
Пускай берёт, кто смог сыскать —
Увидим, хватит ли нахрапа.

Бароны, принцы, короли —
Меня вы знатно раскормили,

Коль пережить войну смогли —
Наследство честно заслужили.
Вы на меня надеясь жили —
По справедливости, по праву
Берите то, о чём просили:
Победы, и триумф, и славу.

Но завещаю всем тиранам,
Что, повинуясь злой натуре,
Несут беду подвластным странам,
И с бедняка дерут по шкуре,
Несчастья, разоренье, бури,
Болезни, бунты, мор, прострел,
Сполна безумия и дури,
Разруху для казны и тел.

Я оставляю всем аббатствам
Загаженные алтари,
Разлуку вечную с богатством,
Пустые погреба, лари,
Монахов, жгущих псалтыри,
Урон скоту и урожаю,
А вам особо, ключари,

Налог побольше завещаю.

Я завещаю городам
Гнёт непомерный и поборы,
Паденье башням и стена́м,
Домам — упадок и раздоры,
И по трибутам приговоры,[82]
И за добро боязнь и дрожь,
Проулки, где свободны воры,
И безнаказанный грабёж.

Я завещаю жалким долам
Пожоги замков и кружал,
Непаханное поле — сёлам,
Потраву, одурь и развал,
Купцов, чье мясо напластал
Иль нож лихой, иль серп кривой,
И воронья крикливый бал,
И шибениц унылый строй.

Я завещаю всем служивым,
Сполна исполнившим обет,

---

[82] Примечания: 82

«И по трибутам приговоры» — трибут — один из видов податей по римскому праву; подати и поборы вообще.

Защитникам князей радивым,
Тянувшим лямку много лет,
Почёт, в котором фальши нет,
И жизнь, что сыта и беспечна,
Обещанный аннуитет[83]
И славу добрую навечно.

Я завещаю хитрецам,
Что замки с крепостями брали
Обманом с ложью пополам,
Под старость — горе и печали,
Стон, голод, нищету в опале,
Сухотку, тысячу простуд,
Перед кончиной же, в финале —
Страх, что тебя вот-вот найдут.

Я завещаю лихоборам,
Кто получал на мне доход,
Блядей с надежным сутенёром,
Что их до кожи обдерёт.
Пускай, собравшись, разный сброд,
Что прежде лишь помои хавал,

---

[83] Примечания: 83
«Обещанный аннуитет» — аннуитет (здесь) — ежегодные выплаты.

Возьмёт разбойный с них расчёт:
Что дьявол дал, получит дьявол.

Я завещаю добрякам,
Дававшим крышу для постоя,
Тоску по канувшим деньгам,
Пустые сундуки, побои,
И не монетой золотою —
Молитвами получат плату,
И платье нового покрою,
Чтоб дочку приодеть брюхату.

Оставлю каждому бродяге,
Что нас в походе обирал,
Нажитое с карманной тяги,
А коли многих обдирал —
Наживкой будь для обирал,[84]
Нажива пропадет впустую,
И встретишь худших обдирал,
Ободран будешь наживую.

---

[84] Примечания: 84

«А коли многих обдирал — Наживкой будь для обирал...» и ниже — *«Я завещаю тем проворам...»* — сравнительно простые и безобидные примеры словесной эквилибристики, характерной для риториков и для Молине в частности (у него есть стихи, целиком состоящие из однокоренных слов).

Я оставляю для пажей
Худой кошель и голодуху,
Оруженосцам — жирных вшей,
Лакеям — злую золотуху,
Наемникам — больную шлюху,
Ноги обрубок с костылем,
А мародёрам всем — по уху
К столбу прибитому гвоздём.

Пусть каждый тульник, щитник, бронник,
Седельник, мастер по мечам,
Кем был снаряжен конь и конник,
И пеший тоже — всё к деньгам, —
Подобно слизням и червям
Своею плотью землю трудит:
Умельцем был по топорам —
Так топором разделан будет.

Я завещаю тем проворам,
Что верят в воровской задор,
Попасться к непритворным ворам,
Пусть вора обворует вор,
Вперит он выверенный взор,

И выворует всё вчистую,
Коль уж ворвался вор во двор —
Всласть наворуется, воруя.

Я оставляю палачу
Полтысячи чулок непарных,
А что под ними — копачу,
Для трупоедов благодарных.
А тем, кто в помыслах коварных
Крадется ночью, будто тать,
Под ребрами ножей шикарных
Совсем не жалко завещать.

Я оставляю всем пройдохам
Надёжнейший, прямой доход:
Пусть крючья, виселицы чохом
Они на свой запишут счёт.
А тем, кто взятку принесёт,
Пусть судьи будут вечно рады,
Пускай окажут им почёт
Который знают конокрады.

Я завещаю кондотьерам
Беззубый рот, дурной обед,

И быть компании примером:[85]
Коль нет руки — так значит нет,
Чтоб каждый бой оставил след —
Уродством, шрамом, полным гноя,
Чтоб всякий и на склоне лет
Корёжился, от боли воя.

Я завещаю вам, девицы,[86]
С кем солдатне одно веселье,
На яйцах досыта кормиться,
До пуза, и не знать безделья.
Когда ж за ваше рукоделье
Давать уже не будут плату —
Сгодитесь вы с благою целью
Кюре, монаху и аббату.

Я завещаю подлецам,
Кто благ земных хватил с избытком,
Наследовать в аду чертям,
Простясь с неправедным прожитком.

---

[85] Примечания: 85

«И быть компании примером» — «компания» (здесь) — отряд наемников.

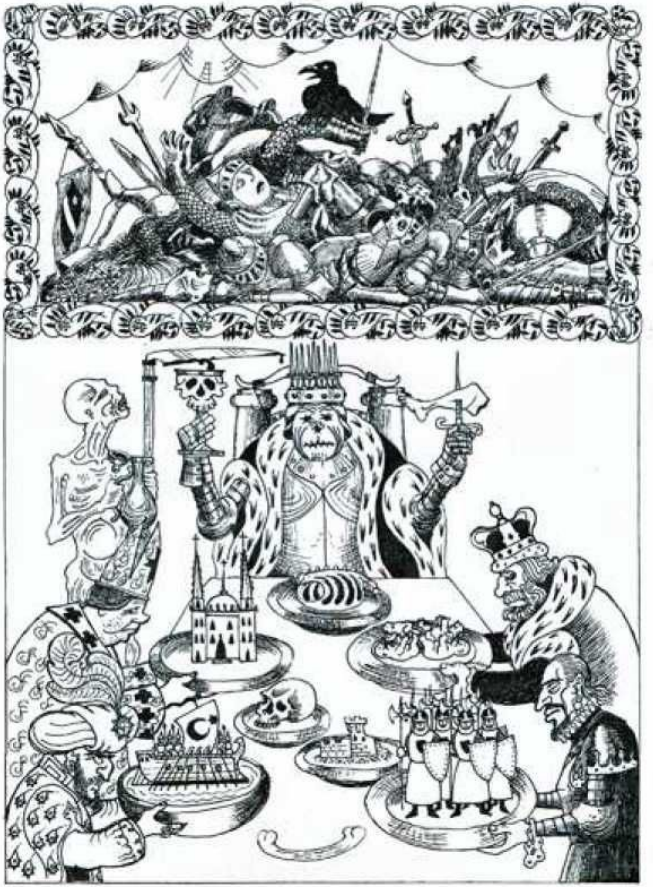
[86] Примечания: 86

«Я завещаю вам, девицы» — здесь, как и во всей строфе, очевидны скабрёзные намеки.

Кто крал и жрал в угаре прытком,
Чьи руки ловки, грех кромешен,
Потонет пусть в болоте зыбком:
Что не вернул, за то повешен.

Я завещаю капелланам,
Чей дар не в бое, а в разбое,
Муку из лебеды с бурьяном
В суме всегда таскать с собою.
Но тех, кто думал головою,
Дурачил мудро поселян,
Награды щедрой удостою:
Снесёт им курицу виллан.

Я завещанье завершу,
Умру, конец придёт невзгодам —
А то, покуда я дышу,
Домен мой шире год за годом,
Глумясь, царю я над народом,
И оберу его до дыр...
Я не больна — своим приходом
Меня пугает только мир.



Аноним
ОТКАЗНАЯ ВИНОЗНАЯ, КОРОЛЯ ПРОПОЙЦ

Ох, матерь бочка, матерь кружка!
Клянусь початием бутыли —
Вот верная была подружка,
Покуда нас не разлучили, —
Хворобы вдруг меня скрутили,
Тут исповедник и сказал,
Что я уже почти в могиле,
Чтоб отказную, мол, писал.

Я, Винознай,[87] *король пьянчуг,*
Умом здоров, да телом болен,
Сию обитель тяжких мук
Оставить нынче приневолен.
Надеюсь, ровный путь отмолен
Душе в Господние чертоги:

---

[87] Примечания: 87

«Я, Винознай...» — имя «короля пропойц» не только буквально означает «винознай» (tastevin), но и является названием собственно тастевэна, специального сосуда для дегустации вин. В русскоязычной литературе это стихотворение упоминается как «Завещание Тастевена».

Пусть дух мой будет там прихолен,
А тело тут протянет ноги.

Итак, велю: да погребут
Меня близ милого кружала,
Табличку с именем прибьют,
Дабы меня округа знала,
И надпись чтоб не выцветала
Про то, как жил я знаменито,
И чтоб лоза ростки свивала
Над черепушкою зарытой.

С монетой, правда, дело худо —
На деньги не было везенья,
Коль заводились, врать не буду,
Всё оставалось в заведеньи.
Кошель мой пуст на удивленье,
И где завязка, где застежка?
Но что найдётся — на моленье
Раздать монахам понемножку.

Здоровый яблоневый дрын,
Что был со мной в любую пору,
Что попрочней других жердин,

Что пьяному давал опору,
Я жалую без разговору
Мужьям стервозин записных —
И палка им придётся впору,
Чтоб колченожить жён своих.

Лучка и чесночка косицы,
Висящие над очагом,
Дарю друзьям, кто не постится,
Но разговляется вином.
Возьмут пусть окорок с жирком,
Кусочка три, да полрулета,
Да сверху доложить севком —
Полезно для закуски это.

Мой пурпуэн для носки гожий,[88]
Всего лет восемь, как зашитый,
Возьмёт калика перехожий,
И христарадник именитый.[89]
А славу татя и бандита

---

[88] Примечания: 88

«Мой пурпуэн для носки гожий» — пурпуэн — род одежды, короткая, часто стёганая куртка или жилет.

[89] Примечания: 89

«И христарадник именитый» — вероятно, имеется в виду Принц нищих, глава нищенской корпорации.

Не заслужил он, видит Бог:
Подарок примет — будем квиты,
Коль сыщет меньше тыщи блох.

Игральный стол с костьми, колоду
Отписываю штукарям,
И им во всём даю свободу,
Нет масти — бей по козырям,
Не выйдёт здесь — прокинься там,
Тому, кто банковать привык —
Сто тысяч с кона, коль упрям,
Ну, иль пеньковый воротник.

Дарую девкам из борделя,
Кому винишко не в новинку,
Мой рог, испытанный на деле[90] —
Поди, и это не впервинку.
И дочиста, не вполовинку,
Велю все капли подсосать,
И ими оплатить поминку,
Попам на свечки щедро дать.

---

[90] Примечания: 90

«Мой рог, испытанный на деле» — здесь, как и во всей строфе, весьма вероятны скабрёзные намёки.

Я старшим детям завещаю
Мои бутылки да кувшины,
И сим навеки разрешаю
Ходить на свадьбы и крестины,
Пить за других, пить без причины,
Хлебать по моему наказу,
Нажить багровую личину,
А после — белую проказу.[91]

Меньшие справятся и так,
Ведь каждый народился блудным,[92]
И если кто из них мастак,
Так только в баловстве паскудном.
Словив заразу в деле трудном
Растраты всех моих дарений,
Я знаю, каждый станет мудным —
И всем висеть без исключений.

Прощайте, кабаки — отринут,

---

[91] Примечания: 91

«Хлебать по моему наказу, Нажить багровую личину, А после — белую проказу» — считалось, что невоздержанность и потребление испорченных продуктов и напитков может быть причиной проказы.

[92] Примечания: 92

«Меньшие справятся и так, Ведь каждый народился блудным» — пародийный намек на библейскую историю о блудном сыне.

К вам не вернется завсегдатай,
Козлята с каплунами стынут —
Не закажу их, как когда-то.
Прощайте все, кто был за брата,
Монахи, школяры, миряне —
Кто, как Роланд, молодцевато
Ходил на стражников по пьяни.

Прощайте, ходоки-бродяги,
Прощайте, братья живодеры,
Прощайте, ловких дел трудяги,
Прощайте, сыскари и воры,
Прощайте все, кто без разбора
Любил и пенку, и подонки,
Зачтите по молитве скоро —
И причаститесь при бочонке.

Прощайте, сладкие настойки,
Прощайте, Мускаде с Розеттой,
Гальяк и Мирабо — постой-ка,
Прощусь подольше с кружкой этой.
Не о бурде, о добром сетуй —
Винцо быть пойлом не должно,

Как не всплакнуть душе отпетой —
Где сен-жангонское вино?[93]

На сем кончаю завещанье,
И — к Богу торною тропой.
Мужи и жёны возлиянье
Пускай свершат за упокой.
Дано под зрелою лозой,
Год тысяча четыре сотни
Да восемь на десять восьмой,
В день Богородицын, сегодня.

О, виноградари мои,
Текст перечтите не по разу,
Пусть явит Бог дела свои,
Винарню сбережет от сглазу,
Чтоб жажде не было отказу!
Писал кабацких дел герой,
Заверил пьяный до экстазу

---

[93] Примечания: 93

«...Мускаде с Розеттой, Гальяк и Мирабо... Где сен-жангонское вино?» — перечисляются марки вин, пользовавшихся популярностью в средние века. Мускат можно попробовать и сейчас, но виноградник Сен-Жангон в окрестностях Блуа уже не существует, — между тем, авторы XIV–XV веков часто называют его среди лучших; лишь с XVI века пальма первенства переходит к бургундским виноградникам.

Достойный мэтр Жан Кирной.[94]

[94] Примечания: 94

«Достойный мэтр Жан Кирной» — в оригинале Par des-soubz maistre Jehan Pion.

Аноним (Жан Раго?)
ЗАВЕЩАНИЕ РАГО, БЛАГОРОДНОГО И ДОСТОЙНОГО МУЖА

Предуведомление к Завещанию Раго

Теперь послушать час настал
Что вам Раго назавещал.

Вот завещанье видного мужчины.
Он облегчал мошну больших людей,
И звался он Раго, вплоть до кончины.
Бери же стих, да заплати скорей.

Я, Жан Раго, главнейший из ханыг,
В недуге тяжком, и умом поник.
Допрежь во всех баталиях боец,
Силач, битюг и статью молодец,
Обучен буквам, по наукам ас,
Пожрать герой и в неурочный час,
Манерами известен средь хамья,
А на язык проворнее бабья, —
Я в городе где только не блистал,

Латинский знает про меня квартал,
Но тяжек рок, не задалась житуха,
И Атропос, угрюмая старуха,[95]
Вот-вот придёт; пора мне, по всему,
Бросать клюку, повязки да суму,
И надо, хоть и тягостно, и нудно,
Мне завещанье огласить прилюдно,
И, значится, распределить добро,
Что нахватал умело и хитро,
Поскольку линия моя такая:
Коль случай выпал — дёргай, не зевая,
А случаев-то был, считай, мильён,
И мне бы позавидовал Вийон.
А пар, что я случил — не меньше тыщи,
Свести с кошёлкой грош умеет нищий.
Эй, голытьба! Пусть каждый нищеброд
Раго словцом помянет в свой черёд.
Почуяв крепко, что конец приспел,
Раздам добро, какого не имел,

---

[95] Примечания: 95

«Атропос, угрюмая старуха» — одна из трёх Мойр, обрезающая нить человеческой жизни. Явная отсылка к «Большому завещанию» Вийона.

Коль тело голосит, что станет прахом.

Делов-то — чуть, когда готов задел,

Я в деле не обделаться умел,

С размахом жил — и помирать с размахом.

Итак, засим, чтоб с этим кончить махом,

Свидетелей, гляжу, сбежалась рать:

Монах, другой, ещё монах с монахом,

Пропойца, хмырь, ханыга с вертопрахом —

Так буду по-большому завещать.[96]

Чтоб тело благородное моё

Не гнило в рыхлой почве среди смрада,

Пусть городское славное жульё

Проявит всё старание своё —

Меня воздвигнет каменной громадой,

Отвес, угольник, циркуль — всё, как надо.

Вокруг пусть будут разные миракли,

---

[96] Примечания: 96

«Так буду по-большому завещать» — пародийная отсылка к Вийону.

Чтобы меня народец этак, так ли
Всечасно поминал, в душе ликуя,
И чтоб в округе славилась стату́я.

Мощей, на раки разные по члену,
Оставлю августинцам для размену,[97]
Из тех разменов, где я был горазд —
Коль я помру, пускай придут на смену,
За чудеса берут не меньше цену,
Что не продал — пускай монах продаст.
Проныру — и того обставят враз,
И чтобы привалило им деньжат,
Пускай блюдут святейший мой наказ,
И пусть в ковчежце мой язык хранят.

Пусть остаются те, кто половчей,
Коль в ящик я сыграл не понарошку,
Спущу свою ораву щипачей
На старую надёжную дорожку.
А тем, кто подаянием живёт,

---

[97] Примечания: 97

«Оставлю августинцам для размену» — представители одного из нищенствующих орденов, тесно связанные со всеми аспектами профессионального нищенства.

На вымоленном чтобы поднажиться,
Молитвенник дарю на обзавод,
Глядишь, оно им по нужде сгодится.

Кромешники с ворами, живорезы
Не знают как и «Отче наш» сказать —
Поди, поймут искусство экзегезы,
Коль требник будут по утрам читать.
Эй, дурачьё, канальи, ну-ка встать!
В грязи валяться хватит, как телята!
Сумеете по буквам разобрать —
Там и про подвиги мои богато.

А чтоб запомнили наверняка
Меня повсюду — нынче, по завету
Униженно себя впишу в века,
Вверяя книги Университету.
И раз уж удержу щедротам нету,
Я череп мой, пусть он другим не ровня,
Дарю притвору, что в Святой часовне.[98]

---

[98] Примечания: 98

«...что в Святой часовне» — Сент-Шапель, домовая церковь французских королей.

А также, рассмотрев, постановлю:

В Шатле пусть адвокаты, прокуроры,[99]

Кого я так беспамятно люблю,

Везде шныряют живенько и споро —

Им завещаю на зиму сандали.

Ещё хочу, чтоб всем сутягам дали

Побольше бы деньжат и барахла,

Чтоб за долги быстрее всё раздали,

И чтобы голодуха к ним пришла.

Ханыгам, всё метущим со стола,

Кто вольно жрёт от пуза до усеру,

Дарю мой календарь: про все дела

Глухой, слепой, кривой на полхайла

Найдут отчёт, по главке на аферу.

А кто горазд вино хлестать не в меру,

Получит пусть задаром, наверняк,

Колбас четыре связки, и мадеру —

Так, чтобы всем хватило, восемь фляг.

Бродягам, что выходят на большак,

---

[99] Примечания: 99

«В Шатле пусть адвокаты, прокуроры...» — крепость Шатле, где располагались тюрьмы и судейские чиновники.

Без шляпы, без креста и на босую,
Я завещаю, против передряг,
Мою клюку, а с ней — суму большую.
Рубакам, что орут, кабак штурмуя,
Хоть ни монетки за душою нет,
Гвизармы с тесаками, не тоскуя
Оставить за обеденный билет.[100]

Кормилицам, служаночкам завет:
Дарю мой кий, сгодится где-нибудь,
Поёрзать, распереть иль натянуть.
Моих останков каждый жалкий член
Пусть будет погребён без драк и смут,
Обряд пусть будет пышен и смирен,
А где лежать костям — и так поймут.

Затем, всё то, чем награждён мой труд,
Что наживал по крохам там и тут,
Наследники с роднёй получат впрок,
Богатство пусть с лихвою обретут —
Горшок, две чашки, сколотый сосуд,

---

[100] Примечания: 100

«Оставить за обеденный билет» — т.е., за письменное обещание покровителя оплатить обед своего клиента.

Неплаченый процент и сам должок.
Все подвиги, что совершить я смог,
Хронисты, не тая, запечатлели:
Отравы часто подливал чуток
Тому, другому, там и сям, в свой срок —
И то, доход бывает в каждом деле.

Затем, даю одёжи каждый клок,
Мой плащ, и мой казак тесьмой обшитый[101]
Монахам нищим,[102] *чей обет столь строг*
Что расхватают всё, забыв зарок,
Не кордельеры — значит, кармелиты.
Мои ковры, конечно, не забыты —
Их августинцам я ссужал не раз,

---

[101] Примечания: 101

«Казак тесьмой обшитый» — род одежды, короткий плащ с широкими или прорезными рукавами.

[102] Примечания: 102

«Монахам нищим» — имеются в виду четыре нищенствующих ордена — Францисканцы, Доминиканцы, Кармелиты и Августинцы — уставы которых ограничивали или запрещали владение имуществом. Францисканцев во Франции часто называли кордельерами из-за обета подпоясываться верёвкой (фр. corde, верёвка), а доминиканцев — якобинцами, поскольку орден первоначально формировался вокруг монастыря св. Иакова.

Оставлю бедолагам про запас,
Ещё б лабазничать умней умели —
И то, доход бывает в каждом деле.

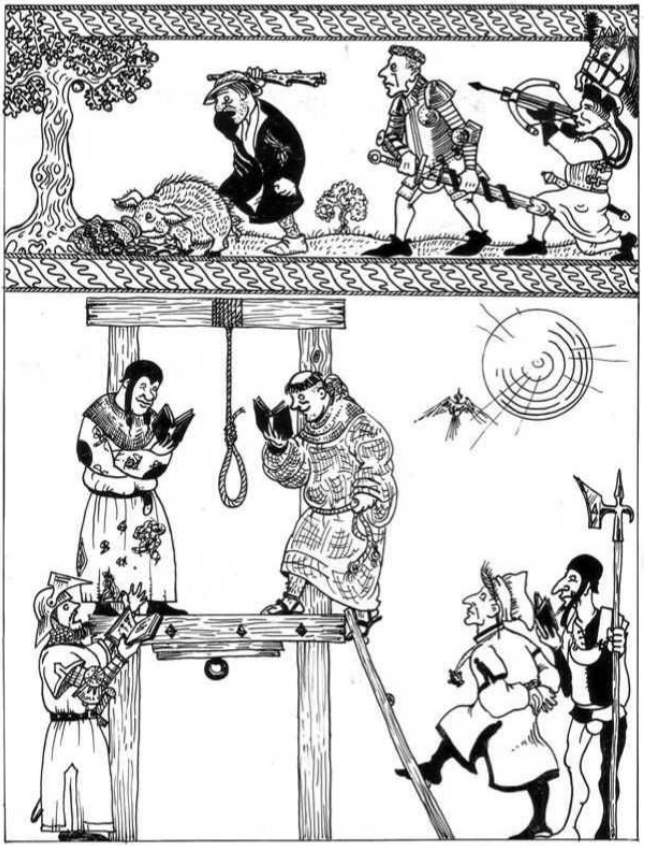
Затем, серков откормленных моих[103]
Которые ретиво табунятся
Раздам другим, совсем не жалко их —
Пусть лекари берут себе больших,
Иные — якобинцам поразмяться,
На всех достанет, нечего толкаться,
Ханыгам остальных дарю теперь я —
Наследуют патрону подмастерья.

Большое завещанье завершу,
Пусть каждый знает про своё везенье,
Нежданному поверит барышу:
Четыре бочки полного прощенья,
А также три горшка благословенья —
Немало стоит и спасёт от бед —
Для тех, кто, преисполненный почтенья,
Прослушает мой праведный завет.

---

[103] Примечания: 103

«Затем, серков откормленных моих...» — вероятнее всего, речь идёт о вшах.



Франсуа Вийон
БОЛЬШОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

(ПЕРЕВОД Г. ЗЕЛЬДОВИЧА)

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

40

41

За двадцать девять лет житья
Искушав горькие пилюли,
Не дуб, не мудрая змея,
Я всё же грезил о притуле,
И вот меня безбожно вздули —
И вздул епископ д'Осиньи...[104]
Ему теперь — свои бирюли,
Зато и мне — теперь свои.

Я достославному синьору

---

[104] Примечания: 104

«И вздул епископ д'Осиньи...» — Тибо де Оссиньи (?–1473) — епископ Орлеанский и Мэнский, с которым у Вийона были старые счеты; из его тюрьмы 2 октября 1461 года освободил Вийона король Франции Людовик XI.

И не олень, и не вассал;
Его помоев в злую пору
Я ухлебался наотвал.
Я не пою ему похвал,
Но умоляю, правый Боже:
Что мне епископ даровал —
Даруй епископу всё то же.

А если кто-то попрекнет,
Что я сужу несправедливо,
То можно и наоборот:
Коли был добр ко мне на диво,
Коли давал еду и пиво —
Пускай несётся прямо в рай,
Ему эдемская олива
Свою прохладу простирай!

В такой погряз он непотребе
И столько мне нанес обид,
Что пусть предвечный Бог на небе
Ему заплатит квит на квит.
Когда в молитвах надлежит
Упоминать о супостате —

Мое несчастье, весь мой стыд
Взывают тысячей проклятий!

Ещё бы попросить добра
Котару, спящему в могиле.[105]
Моя молитовка стара,
Поскольку книги мне постыли, —
Но в лучшем пикардийском стиле,[106]
Который можно изучить
Сперва в Дуэ, а после в Лилле,
Была бы прыть, была бы прыть!

Глаза мои да повылазьте,
Коль помяну его добром!
Он нужен как собаке здрасьте,
Рази его небесный гром.

---

[105] Примечания: 105

«Котару, спящему в могиле…» — Жан Котар (?–1461) — каноник церквей Сент-Пьер и Сент-Этьен, в 1455 году числился прокурором церковного суда, за какую-то провинность наложил на Вийона штраф. Котар был знаменит своим пьянством, чему посвящена «Баллада-молитва», включенная в текст «Большого завещания».

[106] Примечания: 106

«Но в лучшем пикардийском стиле…» — Секта пикаров была распространена в Дуэ и Лилле, куда Вийон отсылает епископа (т.е. Тибо д'Оссиньи, заточившего его в тюрьму) для обучения ересям и пьянству. Пикары отрицали необходимость молитвы вообще, так что здесь «в пикардийском стиле» означает «не молиться вовсе».

Возьмите сто восьмой псалом[107] —
И прочитаете слова там:
Мольба его — смерди грехом,
В суде — да выйдет виноватым!

Но береги, о Боже Сил,
К моей участливый заботе,
Монарха, кто не разлучил
Моей души и бренной плоти
И кто по собственной охоте
Меня исторг из западни:
Во долгоденстве и почете
Господь Людовика храни!

Пусть первенствует, как Иаков,
И славится, как Соломон,
Кто превосходства сотней знаков
От колыбели наделен.
Когда ж исполнится закон
И примет смертного могила,
Пускай в преданиях племен

---

[107] Примечания: 107

«Возьмите сто восьмой псалом...» — Стих 7 псалма 108: «Когда будет судиться, да будет виновным, и молитва его да будет во грех».

Переживёт Мафусаила!

Прошу для нашего владыки,
Дабы двенадцать сыновей,
Отважных, словно Карл Великий,
Родились от его кровей.
Тоску монаршую развей
О младоумершем дофине,
Даруй и долю посветлей,
И в рай приемли по кончине.

Я, озабоченный весьма
Не святостью, а звоном злата,
Спросившись малого ума,
Что Богом дан нетаровато
(А от соседа или брата
Получишь только рыбий мех),
Решил, что сочинить когда-то
И завещаньице не грех.

Хвала прославленной короне,
Её носителю хвала
За то, что стихотворца в Мёне
Извлек из смрадного угла;

Покуда плоть не изгнила,
Ему служить я буду верой,
Дабы за добрые дела
Такой же воздавалось мерой.

Великий стон, великий плач,
Великое сиденье в склепе
И сто печалей-незадач,
Мои посты на тухлой репе
И похоть, рвущаяся с цепи, —
Они мудрее всех словес,
Всех многотомных велелепий,
Что сочинил Аверроэс.[108]

Как в Библии, когда, незримый,
Шагал попутно Иисус,
Чтоб маловеры пилигримы
Дошли к селенью Эммаус, —
Так я избавлен был от уз
И одарен надежды даром:

---

[108] Примечания: 108

«Всех многотомных велелепий, / Что сочинил Аверроэс…» — имеются в виду толкования к Аристотелю, созданные арабским (андалусским) ученым Ибн-Рушдом (1126–1198), известным в Европе под именем Аверроэс.

Несу грехов тяжелый груз,
Но больше не подвергнусь карам.

Греховен я. Но мой Господь
Меня оставил жить на свете,
Моя уврачевалась плоть,
Чем виноват, списалось в нети.
Раскаянье, подобно плети,
Меня стегало так и сяк,
И Бог, повинного заметя,
К провинам оказался благ.

Прочтете в праведном «Романе
О Розе»[109] *не одну строку,*
Что средь похвальнейших деяний,
Когда на молодом веку
Простят огрехи старику —
Простят и сразу, и вдругорядь!
А недруги на всём скаку
Летели смерть мою спроворить!

---

[109] Примечания: 109

«Прочтете в праведном “Романе / О Розе”...» — «Роман о Розе» — знаменитый средневековый роман в стихах, написанный Гийомом де Лоррисом и Жаном де Мёном в XIII веке; Жану де Мёну принадлежит ещё одно «Завещание», в котором содержится та сентенция, которую приводит Вийон в этой строфе.

Когда бы пагуба моя
Кому-то принесла отраду,
То, Бог свидетель и судья,
Я на кол добровольно сяду!
А этак — ни селу, ни граду;
Хоть под топор, хоть на костер —
Не сдвину к переду, ни к заду
Ни гору, ни простой бугор.

Живился промыслом бродяжьим
Когда-то некий Диомед,[110]
Потом попался царским стражам,
И был в железа приодет,
И вел одну из тех бесед,
Когда стоишь понуроглавый,
И для тебя спасенья нет,
И ждёшь не ласки, а расправы.

И царский прозвучал вопрос:
«Почто, дурак, пошёл в пираты?»

---

[110] Примечания: 110

«Когда-то некий Диомед…» — Рассказ об Александре Македонском и пирате Диомеде Вийон взял у Валерия Максима (III век), о чем сообщает ниже: «О том поведал нам Валерий, / Что был Великим наречен». Однако изначально этот рассказ помещен в «Республике» Цицерона.

А тот смиренно произнес:
«Пиратом не чести меня ты!
Мы только тем и виноваты,
Что с бою радости берем;
Когда бы мне твои палаты,
Я б тоже сделался царем.

А на свирепую судьбину
Никто не выдумал узду;
От голодухи я загину,
Коли добычу не найду.
Что написалось на роду,
То меряй мерою нестрогой:
У нищеты на поводу
Не ходят праведной дорогой».

И царь, сей горестный удел
Нестрогой мерою измеря,
Его поправить восхотел:
Дал злата, дорогих материй —
И меж людских сынов и дщерей
Тать зажил, не терпя урон, —
О том поведал нам Валерий,

Что был Великим наречен.

И я теперь взываю к Богу,
Чтобы и мне найти царя,
Который дал бы мне подмогу,
За прегрешенья не коря:
Ведь это молвится не зря,
Что превеликий ужас глада
Пирата гонит на моря,
А волка — на овечье стадо.

Провел я молодость мою
На зависть многим побродягам,
Зато теперь и слезы лью:
Она не рысью и не шагом,
Не по лесам, не по оврагам —
Пустилась в даль, которой нет,
И даже мимолетным благом
Не одарила напослед.

Она исчезла без помина,
И только я ещё живу —
Темней, чем кожа сарацина,
Бездомный в снах и наяву.

Людей на помощь я зову
И умоляю об огрызке —
И вижу, что по естеству
Они весьма бывают низки.

Я расточал, чем был богат,
В угоду брюху и пороку,
Но это не из тех растрат,
Что надо бы поставить в строку;
И если други пожестоку
Мне составляют приговор,
То равнодушен я к упреку,
Поскольку знаю, что не вор.

Я много бегал по присухам,
Любиться рад бы я и впредь,
Да только с этим впалым брюхом
Сегодня впору умереть;
Попавши к голоду под плеть,
Не отпускаешь прибаутки,
Не можешь звонко задудеть:
Дудят не дудки, а желудки!

Я был негодный ученик,

Я был соблазнами тревожим,
Не то бы мудрость я постиг,
Имел бы дом с пуховым ложем...
Но я таскался бездорожьем,
По целине, по пустырю.
И нет конца сердечным дрожам,
Когда про это говорю.

Мудрец, несущий нам отраду,
Измолвил таковы слова:
«О смертный, наслаждайся смладу
Всей полнотою существа»;[111]
Но есть ещё одна молва —
И наставляет нас иначе:
«Дорожка в юности крива,
И люди в юности незрячи».

А дни бегут, сказал Иов,
Что твой челнок от кромки к кромке, —
И вот узор уже готов,

---

[111] Примечания: 111

«О смертный, наслаждайся смладу / Всей полнотою существа...» — вольный пересказ слов: «Веселись, юноша, в юности твоей <...> только знай, что за всё это Бог приведет тебя на суд <...> потому что детство и юность — суета» (Екклесиаст, 11, 9-10).

А если где висят бахромки,
Возьмут лучину из соломки
Да подровняют огоньком.
Я смело шествую в потемки,
Ко смерти в благодатный дом.

Все те любезники и хваты
Моей мальчишеской поры,
Одежками щеголеваты,
На шпагу, на язык остры, —
Они припрятали шатры,
Их провожаю ежедень я:
Наверное, в тартарары,
А может — в райские селенья.

А кто-то сделался теперь
Богач и города украса;
А кто-то только через дверь
В чужих покоях видит мясо;
Кого-то облекает ряса,
Он ходит с пузом претугим.
Мы своего не знаем часа,
И путь наш неисповедим.

Храни, о Боже, их нажитки
И их самих в большом дому;
Кого ограбили до нитки,
Пускай про это ни му-му;
Зато волочащим суму
Даруй терпенье без границы.
Оно богатым ни к чему:
Проворно надобно крутиться.

У них вертятся вертела,
На коих осетры надеты;
У них не сходят со стола
Ковриги, яйца и паштеты;
А нас не мучают суеты,
И нищий век затем хорош,
Что где ни корки, ни монеты,
Там и бесхлопотный дележ.

И вовсе не кажу я норов,
И не зову я время вспять,
Не составляю приговоров
Про то, кто праведен, кто тать;
Я сам грешней кого ни взять,

Но Бог меня да не осудит:
Уже притиснута печать,
И что написано — пребудет.[112]

Но тошно молвить про еду,
И больше грех меня не путай;
Рассказец новый заведу,
Хотя по-прежнему со смутой:
О нищете, волчице лютой,
Что мучит от начала дней, —
И даже сытою минутой
Ты всё же думаешь о ней.

Я с детства был разут-раздет,
Как весь наш род неродовитый;
Покойные отец и дед
С собою не водили свиты.
А где теперь они зарыты —
Господь их души пожалей, —
Лежат потресканные плиты

---

[112] Примечания: 112

«И что написано — пребудет» — почти точная цитата из Евангелия: «Первосвященники де Иудейские сказали Пилату: не пиши Царь Иудейский, но что Он говорил Я Царь Иудейский. Пилат отвечал: что я написал, то написал» (Иоанн, 19, 21-22)

И ни гербов, ни вензелей.

Когда скулю о незадаче,
То слышу совести укор:
«Тебя, конечно, побогаче
Известный всем купчина Кёр,[113]
Но сам он от недавних пор
Себе удел бы выбрал нищий,
Чем этот нынешний позор
И велелепное кладбище».

Что он синьор — конечно, да...
Но только очень уж убогий:
Где он хозяйничал, туда
Уже его не ступят ноги.
Сдается, грех его премногий
Не грех, а попросту поклеп:
Пусть разберутся теологи,
А мне такое неврасхлеб.

Ну да, отнюдь не серафимы
Меня на свет произвели.

---

[113] Примечания: 113

«Известный всем купчина Кёр...» — Жак Кёр (?–1461) — богатейший купец и банкир; в 1451 году был лишен состояния и изгнан из Франции.

Отец, безмолвный и незримый,
Лежит в объятьях у земли;
И сколько Бога ни моли,
Я схороню старуху маму;
И это время не вдали,
Когда и сам упрячусь в яму.

И нищие, и богачи,
Щедроподавцы и канюки,
Пережирающий харчи
И прилежающий науке;
Кто кольцами унижет руки
И кто не видывал колец, —
Я знаю, что погибнут в муке,
Как распоследний оголец.

Ушел Парис, ушла Елена,
Один исчез, другой исчез;
И каждый будет грудой тлена!
Прольются слезы из очес,
Но даже если сотню месс
Закажут братец и сестрица,
То умереть, чтоб ты воскрес,

Уже никто не согласится.

Трясенье рук, и бледнота,
И вздутье мускулов, и корчи —
И кровью шея налита,
Зато глаза от страха зорче.
Всего на свете это горче,
Когда взлелеянная плоть
Становится добычей порчи,
Когда судьбу не оборотъ.

БАЛЛАДА О ДАМАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН[114]

Скажите, где они сейчас —
Та римлянка, прозваньем Флора,[115]

---

[114] Примечания: 114

«Баллада о дамах былых времен» — название баллады в первоиздании Пьера Леве (1489) отсутствовало; его добавил в издании 1533 года поэт Клеман Маро (1497–1544). Маро пользовался рукописями Вийона и проставил заглавия большинства баллад, но, видимо, сочинил их сам.

[115] Примечания: 115

«Та римлянка, прозваньем Флора…» — Флора — в римской мифологии богиня цветения и юности; в средние века имя это стало синонимом куртизанки.

Таис, что даже без прикрас[116]
Была художнику укора;
И нимфа Эхо, чьи озера[117]
Отгулчивее, чем рога?
Они упрятаны от взора,
Как прошлогодние снега!

Та королева, чей указ
Все исполняли без отпора,
Что Буридана как-то раз[118]
Швырнула в Сену, будто вора;
И та виновница позора,
Что Абеляру дорога,[119] —
Они исчезли так же скоро,

---

[116] Примечания: 116

«Таис, что даже без прикрас…» — вероятно, из нескольких известных «Таис» Вийон имеет в виду куртизанку, сопровождавшую Александра Македонского в его азиатских походах.

[117] Примечания: 117

«И нимфа Эхо, чьи озера…» — Эхо — нимфа, вызвавшая гнев богини Геры (см. «Метаморфозы» Овидия; та же история пересказана в «Романе о Розе»).

[118] Примечания: 118

«Та королева, чей указ / Все исполняли без отпора, / Что Буридана как-то раз…» — видимо, средневековая легенда; философ Жан Буридан (ок. 1300–1358), хотя молва и приписывала ему (схоласту!) множество связей с высокородными дамами, едва ли мог быть любовником Маргариты Бургундской, жены Людовика X, либо Жанны Наваррской, жены Филиппа IV, хотя и ту и другую молва наделила распутностью.

Буридан был намного моложе них.

[119] Примечания: 119

«И та виновница позора, / Что Абеляру дорога…» — Элоиза, возлюбленная Пьера Абеляра (1079–1142), которого родичи Элоизы оскопили, чтобы сделать невозможным их брак.

Как прошлогодние снега!

И Бьянка, чей певучий глас[120]
Был из русалочьего хора?
И Жанна, чей удел потряс[121]
И землероба, и сеньора?
Алиция, жена Виндзора?[122]
И Берта Толстая Нога?[123]
Их смыло так же без разбора,
Как прошлогодние снега!

О принц, молоть не буду вздора,
Насколько слава их долга:
Они исчезли так же скоро,
Как прошлогодние снега!

---

[120] Примечания: 120

«И Бьянка, чей певучий глас…» — Бьянка Кастильская (1188–1252), жена Людовика VIII, мать Людовика IX Святого.

[121] Примечания: 121

«И Жанна, чей удел потряс…» — Жанна д'Арк (1412–1431), факт её сожжения в Руане на площади был поставлен под сомнение лишь в XX веке.

[122] Примечания: 122

«Алиция, жена Виндзора...» — традиционно считается, что Alis (а у Вийона ещё и Bietris) — имя, обычное для рыцарского романа. Однако здесь может иметься в виду святая императрица Аделаида (931–999), жена императора Оттона I Великого. Оставшись вдовой после своего брака с королем Италии Лотарем, она вторично вышла замуж за Оттона I и вместе с ним была коронована папой Иоанном XII, после кончины мужа дважды принимала регентство при своём малолетнем

сыне Оттоне II и внуке Оттоне III.

[123] Примечания: 123

«И Берта Толстая Нога...» — жена короля Пипина Короткого, мать Карла Великого.

БАЛЛАДА О СЕНЬОРАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

А где Каликст, где папа тот,[124]
Что португальцам благосклонно
Дарил полсуши и полвод?
Где щедрость герцога Бурбона?[125]
И где Альфонс из Арагона,[126]
Артур, прославивший Бретань?[127]
Они теперь сошли с амвона,
Как достославный Шарлемань![128]

Где этот знаменитый шкот,[129]
Чью щеку обожгли пламена?
И тот, один из многих сот,

---

[124] Примечания: 124

«А где Каликст, где папа тот…» — Каликст III, папа Римский, в миру Альфонсо Борджа (1378–1458)

[125] Примечания: 125

«Где щедрость герцога Бурбона…» — Карл I, герцог Бурбонский (1401–1456).

[126] Примечания: 126

«И где Альфонс из Арагона…» — Альфонс V, король Арагонский (1385–1458).

[127] Примечания: 127

«Артур, прославивший Бретань…» — Артур III, герцог Бретонский, коннетабль Франции.

[128] Примечания: 128
«Как достославный Шарлемань…» — т.е. Карл Великий.

[129] Примечания: 129
«Где этот знаменитый шкот…» — Иаков II Шотландский (1437–1460).

Гишпан, охочий до трезвона?[130]
Монарха кипрского корона?[131]
Их нет как нет — куда ни глянь.
Они умчались неугонно,
Как достославный Шарлемань!

Куда девался Ланцелот?[132]
И все, кто жил во время оно?
Вести сей горестный подсчет
Невыносимо для Вийона.
Противу смерти нет резона:
Забейся в щель, иди на брань —
К небытию вернешься в лоно,
Как достославный Шарлемань!

Овернского наследник трона[133] —

---

[130] Примечания: 130

«Гишпан, охочий до трезвона…» — Иоанн II Кастильский (1405–1454).

[131] Примечания: 131

«Монарха кипрского корона…» — имеется в виду король Кипра Иоанн III.

[132] Примечания: 132

«Куда девался Ланцелот…» — Ласло Австрийский (1440–1457), король Венгрии, Польши и Богемии, намеревался просить руки дочери Карла VII Мадлены Французской, но скончался в возрасте семнадцати лет.

[133] Примечания: 133

«Овернского наследник трона…» — Беро Овернский (?–1426).

Такую же он отдал дань,
Зазнал такого же урона,
Как достославный Шарлемань!

БАЛЛАДА НА СТАРОФРАНЦУЗСКОМ[134]

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

---

[134] Примечания: 134

«Баллада на старофранцузском» — язык, на котором написана эта баллада, представляет собой скорее имитацию старофранцузского: ошибок в оригинале почти столько же, сколько строк.

54

55

56

Апостолы, которых чин
Велел шагать в нехитрой столе:
Парча небес, зари рубин,
Без лишней роскоши и холи;
Кто им служил — служил по воле...
И все они — в чужих краях,
И все добыча той же доли,
Как ветром уносимый прах!

Сей император Константин,[135]
Сии франзуцы на престоле —
Где злато мантий и гардин?
Где злато на шитом камзоле?
Где око резавший дотоле
Орнамент на монастырях?
Всё мимолетно в сей юдоли,

---

[135] Примечания: 135

«Сей император Константин...» — в оригинале «император Константинополя»; Вийон создавал «Большое Завещание» вскоре после падения Восточной Римской империи, а в 1461 году пал последний христианский оплот в Малой Азии — Трапезунд.

Как ветром уносимый прах!

И где гренобльский дофин?[136]
Он доблестью гремел давно ли?
И где дижонский господин?[137]
Где господин, что правил в Долле?[138]
Они наелись горькой соли,
В своих унижены сердцах,
Мятутся от великой боли,
Как ветром уносимый прах!

Нам научиться надо в школе,
Что всех сметет единый взмах —
От принца до последней голи,
Как ветром уносимый прах!

Уйдут король и королева,

---

[136] Примечания: 136

«И где гренобльский дофин…» — будущий король Франции Людовик XI (1461–1483), после смерти отца управлявший провинцией Дофинэ.

[137] Примечания: 137

«И где дижонский господин…» — Дижон — столица герцогства Бургундского, следовательно, имеется в виду герцог Карл Смелый (1433–1477)

[138] Примечания: 138

«Где господин, что правил в Доле…» — Доль — столица Франш-Конте до конца XVIII века, в 1322–1361 и 1384–1477 — владение бургундских герцогов, во времена Вийона — университетский город; «господином» Доля Вийон мог считать Жана де Бурбона (?–1485), аббата Клюни, незаконного сын Жака де Бурбона.

Уйдут и фрейлина, и паж,
И всякий вышедший из чрева —
Судьба, о Господи, всё та ж!
А я-то, меленький торгаш,[139]
Её подавно не изминy:
Я буду счастлив, если дашь
Мне беспозорную кончину.

Не вечен этот бренный мир,
Как мыслит уличный громила;
На всех припасено секир:
И если старость подступила,
Тебе лишь то и будет мило,
Что поблудил и пошумел,
Что прежде порастратил пыла,
Чем оказаться не у дел.

Ты всем любезен был и дорог,
А вот настал недобрый срок —
И ты, докучливый изморок,
Стоишь дороги поперек;

---

[139] Примечания: 139

«А я-то, меленький торгаш…» — единственное место в «Большом Завещании», где Вийон называет хотя бы одно из своих занятий в годы, последовавшие за бегством из Парижа.

Когда словечко произрек —
Твердят, что выжил из ума ты,
А ежели примкнешь роток —
Что ты совсем придурковатый.

Теперь ты жалкий нищеброд,
И всё враждебно, всё зловеще;
И даже смерть к тебе нейдёт,
И сердце стискивают клещи!
И совершить чего похлеще
Тебе мешает Божий страх,
Но ужасающие вещи
Тебе мерещатся в мечтах.

И словно во поле обсевок —

Старухин век, что полон слез,[140]
Тогда как сотней новых девок
Сей мир изменчивый прирос;
Господь слыхал её вопрос,
Почто родилась ко страданью,
Но ничего не произнес,
Чтоб не ответить грубой бранью.

Теперь я слово отдаю
Сей оружейнице-красотке,
Что кличет молодость свою,
Что кличет с судорогой в глотке:
«О, век свирепый и короткий,
Ты вероломен, ты бесстыж:

---

[140] Примечания: 140

«И словно во поле обсевок — / Старухин век, что полон слез…» — ниже Вийон уделяет много внимания большой категории парижского «дна» — состарившимся проституткам. Практикующих «веселых девиц», согласно документу конца XV века, в Париже, не считая предместий, имелось более трех тысяч. Перчаточница, Башмачница, Колбасница, Шляпница, Пирожница — псевдонимы, под которыми вели жизнь женщины легкого поведения. «Шлемница» (здесь — «Оружейница») — обозначение того, что она служит в заведении под названием «Шлем»; сохранились бумаги, свидетельствующие, что Пригожая Оружейница — реальное лицо; родилась она около 1375 года, Вийон мог знать её глубокой старухой. Надо отметить, что в оригинале в первой же строфе «Жалобы пригожей оружейницы» содержатся точные цитаты и реминисценции из «Романа о Розе»: Вийон наделяет свою героиню не только грамотностью, но и образованностью.

За что меня забил в колодки
И лютой гибелью казнишь?

Была я сказочно богата,
Была не менее щедра:
Писца, торговца и прелата
Я пестовала до утра;
Мне много отдали добра,
Да не остались на прогаре:
Взамен бывала не мура,
Что есть у подзаборных тварей.

А если говорила «нет»,
То не по скромности монашьей, —
А просто рыжий сердцеед
Меня назвал своей милашей.
Его бы сразу выгнать взашей,
Такое — горшему врагу:
Ведь я любила полной чашей,
А он любил — мою деньгу.

И он, кто света был дороже,
Меня сбивал ударом с ног,
На мне испробовал и вожжи,

На мне испробовал сапог;
Попреком приправлял попрек —
Сей мерзопакостный прожора,
Что ничего мне дать не смог
Окроме горя и позора.

Он помер тридцать лет назад,
И не хожу я больше павой,
И возвратиться не хотят
Былые дни с былою славой:
Я посмотрю, о Боже правый,
Какою сделалась теперь
Худой, прыщавой и гунявой, —
И вою, словно дикий зверь.

Где кожи юная прохлада,
Где это золото волос,
Где пламя озорного взгляда,
Что я метала наискос?
И этот выточенный нос,
И уши в пуховой обводке,
И губы, что прекрасней роз,
И ямочка на подбородке?

И грудь лебяжьего пера,
И крепких рук былая сила,
И два упитанных бедра,
Меж коих часто егозило
Сие любовное лощило?
Любви нарядные врата?
Всё нынче сделалось немило,
Где процветала милота.

Скукожен лоб, в волосьях седо,
Бровей — на грош, глаза тусклы;
Ни рот, гнилой от костоеда,
Ни губ просевшие углы,
Ни нос, что ниже похвалы,
Оплывший наподобье студней,
Ни уши, словно две полы, —
Ничто не прочит новых блудней.

Уж ни привлечь и ни завлечь
Не может ветхая невеста:
Две впадины заместо плеч,
И грудь просела, словно тесто,
Взамен сосцов — пустое место,

Где ляжки есть, уж нет красы,
А вместо пышного усеста
Две съеженные колбасы.

О сестры, вспомним и восплачем!
Да будут слезы горячи:
Настало время незадачам;
Теперь кричи иль не кричи —
Погасли вешние лучи,
И мы, товарки, уж не ярки,
И не найдётся нам свечи —
А только шкваркие огарки!»

БАЛЛАДА-СОВЕТ ПРИГОЖЕЙ ОРУЖЕЙНИЦЫ МОЛОДЫМ СМАЗЛИВКАМ

57

58

59

60

61

62

63

Тебе, башмачница, совет:
Оставь-ка дратву да иголки,
И ты, царица привереда,
Скажу тебе, невинной телке:
А ну-ка выйди из светелки,
Гуляй, покуда хороша,
Затем что старые кошелки —
По сотне штук за полгроша.

Ковроткачиха Гийеметт,
Сосисочницы-балаболки,
Я наставляю не во вред:
Лупи по заду и по холке,
Плебея и синьора в шёлке
Хватай за жабры, как ерша;
А хлеб запрошлогодней молки —
По сотне штук за полгроша.

И ты, о шляпница Жанет,
Катрин с корзинками на полке!
Когда окликнули вослед,
Не зыркайте, как злые волки;

Наплюйте на кривые толки,
С одним греша, с другим греша:
Ведь продадут в базарном голке
По сотне штук за полгроша.

Мои слова, конечно, колки,
Но мучится моя душа,
Что все пойдём на барахолке
По сотне штук за полгроша.

Чтоб эти выучить уроки,
Вы младость отдали взамен;
Они, наверное, жестоки,
Но не сойдут со мной во тлен:
Их записал писец Фремен,[141]
А если вчухал отсебятин —
Да будет проклят и забвен:
С дурным рабом и царь не знатен.

В любви сокрыта западня,
Легко попасться в эту яму.
Кто ополчится на меня,

---

[141] Примечания: 141

«Их записал писец Фремен…» — возможно, историческое лицо, хотя Вийон называет его «мой писец» — у бедняка Вийона секретаря быть явно не могло.

Ответит: «Молвишь не по-прямy,
Не про девицу, не про даму —
И едких слов ты сыплешь соль
На предающуюся сраму
Бабенку ведомо отколь.

Они нас любят из корысти,
А мы их любим только час.
Но помыслы свои очисти —
И женщин встретишь ты не раз,
Кто в греховодстве не погряз,
Подобных драгоценным кладам, —
И с ними каждому из нас
Почетно оказаться рядом».

Когда услышу сей резон,
То словоборствовать не буду.
Взаправду счастлив, кто влюблен
И не ввергается в оскуду,
Любя ко благу, а не к худу.
Но и отверженница та,
О коей столько пересуду, —
Ведь и она была чиста!

Без пятнышка и без упрека
Вначале каждая жена,
Пока не ведает порока
И шлюхой не оглашена, —
А после скатится до дна,
Измены, и ещё измены —
Поскольку эти пламена
Навроде огненной гангрены.

С «Декретом» будучи знаком,[142]
Стараясь избежать наклада,
Любовник любится тайком,
Подальше от чужого взгляда.
Но всё же коротка отрада,
Кто воспылал — изменит впредь,
И убежит куда не надо,
И хочет заново хотеть.

И что же? Возразите хмуро,

---

[142] Примечания: 142

«С «Декретом» будучи знаком…» — под таким названием известна компиляция священных текстов, представляющая собой первый свод канонического права; составил «Декрет» итальянский писатель-монах Грациан (ок.1141–1204). Вийон имеет в виду утверждение Грациана, что тайный грех более извинителен, чем явный, поскольку последний может служить заразительным примером.

Что я в сужденье больно лих?
Но многолюба их натура,
И счастья нет у бобылих.
Не станцевался сладкий стих,
Но верно в Реймсе, верно в Трое:
Коли нанять мастеровых,
Спорее шестеро, чем трое.

Сегодня ты ему мила,
А завтра канул, будто в воду;
И славно, что любовь дала
Хотя бы столькую свободу:
Ведь превеликого доходу
В амурном деле нет как нет —
И за единой каплей меду
Гоняться надо много лет.

ДВОЙНАЯ БАЛЛАДА[143]

65

66

---

[143] Примечания: 143

«Двойная баллада» — эту форму Вийон использует лишь единожды: шесть восьмистиший с единым рефреном, притом без «посылки» в конце.

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

Гуляй-распутствуй напрожег,
Хлебай любовного угара, —
Но помни, что назначен срок
И общая настигнет кара.
Сие преданье очень старо;
Про то поется Песнь Песней,
С того Самсон лишился дара:
Судьба к безлюбому добрей!

А вот ещё Орфеев рок,
Его любовь, его кифара:
Себя от Цербера сберег
За-ради пекляного шквара.
Нарцисс однажды с крутояра
Сошел и глянулся в ручей —
Да выпил смертного отвара:
Судьба к безлюбому добрей!

Сардан от страсти изнемог;[144]
Пуглив, как овчая отара,
За ткацкий он засел станок —
И сгинул в пламени пожара.
Давид хватил того отвара,[145]
Когда царя среди царей
Смутила белых лядвей пара.
Судьба к безлюбому добрей!

А вот ещё один припек:
Сия библейская Тамара,
Какую в ложе заволок
Амнон, страдающий от жара;[146]
Хоть молвят много тарабара,

---

[144] Примечания: 144

«Сардан от страсти изнемог…» — Сарданапал (IX в. до Р.Х.), последний ассирийский царь, слабый и развратный.

[145] Примечания: 145

«Давид хватил того отвара…» — царь Иудейский Давид (1055–1015 до Р.Х.); Вийон напоминает эпизод из Библии, где Давид отнял жену у своего военачальника Урии (2-я кн. Царств, 11, 2–4)

[146] Примечания: 146

«Сия библейская Тамара, / Какую в ложе заволок / Амнон, страдающий от жара…» — Амнон, сын Давида, воспылал любовью к собственной сестре Фамари (Тамаре), взял её силой, бежал, но через два года был убит Авессаломом (2-я кн. Царств, 13)

Казнил Крестителя злодей,[147]
Когда любви накрыла хмара.
Судьба к безлюбому добрей!

И сам я, глупый сосунок,
Зазнал подобного кошмара:
К Катрин бежал, не чуя ног,[148]
А в благодарность злая шмара
Меня гнала из будуара;
Теперь Ноэль её лакей,[149]
Достойный этого товара.
Судьба к безлюбому добрей!

Пускаться надо наутек,
Как от расплавленного вара;

---

[147] Примечания: 147

«Казнил Крестителя злодей…» — Ирод Антипа, тетрарх Галилеи (4 г. до Р.Х. — 39 г. по Р.Х.), по желанию дочери своей жены (Иродиады) Саломеи, танцевавшей перед ним и пленившей его своими танцами, приказал отрубить голову находившемуся у него в тюрьме Иоанну Предтече.

[148] Примечания: 148

«К Катрин бежал, не чуя ног…» — Катрин Воссель; известна только со слов самого Вийона (по легенде — та самая девица, из-за которой в 1455 году Вийон убил напавшего на него клирика Сармуаза). На пикардийском наречии «воссель» означало «ложбинку» женского тела, — видимо, таково было прозвище девицы, а не фамилия.

[149] Примечания: 149

«Теперь Ноэль её лакей…» — Ноэль Жоли — вероятно, «счастливый соперник» Вийона в будуаре вышеупомянутой девицы.

Но если ты уже ездок,
Об землю не страшись удара.
В охотку пьется эта чара,
Да помни на остаток дней:
Простая девка иль темняра —
Судьба к безлюбому добрей!

И та, которой без отказу
Я прослужил немало лет, —
Когда бы пораскрыла сразу
Свой незатейливый секрет,
Что нежности в помине нет,
Что есть корысть, а сердце немо, —
Я избежал бы страшных бед
И добровольного ярема.

Когда я сглупа и спроста
Водил восторженные речи,
То слушала, примкнув уста,
Не подбодряя, не переча.
А если брал её за плечи,
То едким прыскала смешком, —
И легче гибнуть от увечий,

Чем ныне молвить о таком.

Весь белый свет она исподом
Перевернула для меня:
Кладбище стало огородом
И лисьей шапкою — квашня,
Волчищем яростным — ягня;
Владей талантом словоблудца —
И вместо солнечного дня
Узришь черепяное блюдце.

И небо обратится в медь,
Пятно — в упитанную телку,
Облевки — в редкостную снедь,
Стенанья — в песню без умолку,
Свиные уши — в мукомолку,
Отрепье — в мантию до пят,
Сгодятся сопли на просмолку,
В гонцы — раскормленный аббат.

И я ловился в эти сети,
И, верно, было поделом:
Уже мудрей на белом свете,
Кто погнался за серебром,

Кому любезен теплый дом;
А я был дурень, дурень велий
И сам заботился о том,
Чтоб мной крутили и вертели.

Сегодня мне уже плевать
На всю любовь с её разладом.
Настала тишь да благодать,
Когда костюха бродит рядом.
Я сам давно смержу распадом,
И дорогуша померла,
И я ни помыслом, ни взглядом
Не встряну в прежние дела.

Я свой плюмаж сорвал со шляпы —
Его ловите на шарап!
Мои же кончились шарапы,
Я больше никому не раб.
И если б даже сотни баб
Меня любовью искушали,
У смерти мерзостный осклаб,
Зато правдивые скрижали.

И если ныне мой харчок

Белей, чем ватные охлопья,
Увесистей свинячьих щек,
То, значит, обломались копья —
И жизнь окончена холопья;
Не годен так, не годен сяк:
И нынче чавкаю, как топь, я
И зеленею, как синяк.

И за Тибо, сего портнягу,[150]
Который бил меня по лбу,
Совал мне в рот пустую флягу,[151]
Кормил, как мёртвого в гробу,
Я возношу мою мольбу —
Дабы для полного расчета
Досталось Божьему рабу
Всего того-то и того-то.

Я целомудренно молчу

---

[150] Примечания: 150

«И за Тибо, сего портнягу…» — видимо, Вийон сознательно оговаривается и называет именем весьма недобронравного любимчика герцога Беррийского, Жака Тибо — своего заклятого врага, епископа Тибо д'Оссиньи.

[151] Примечания: 151

«Совал мне в рот пустую флягу…» — имеется в виду пыточный инструмент, которым растягивали рот истязаемому.

О нем и о его примере,
О помогавших палачу,
О тугоухих, как тетери,
И о заплечнике Робере;[152]
У них проворная рука;
Я полюбил их в той же мере,
Как любит Бог ростовщика.

И вот ещё творил стихи я
Во пятьдесят шестом году;[153]
И труд мой недруги лихие
Предали общему суду,
Со здравым смыслом не в ладу,
Перекрестивши завещаньем;
Когда берем свою уду,
То рыбку краденую тянем!

Мои слова — как вечный дар.
И, торопясь к иному ложу,

---

[152] Примечания: 152

«И о заплечнике Робере…» — надо полагать, орлеанский палач, пытавший Вийона.

[153] Примечания: 153

«И вот ещё творил стихи я / Во пятьдесят шестом году…» — т.е. «Лэ», или «Предуказание», оно же «Малое завещание» (в России прижилось в основном последнее название).

Перед Ублюдком де ла Барр[154]
Свои заслуги я умножу
И отпишу свою рогожу:
С ней будешь блохам на кормеж,
В неё свою уткнувши рожу,
Немедля «шухер» заорешь.

А бедолаги, коим ныне
Не перепал мой щедрый стих, —
Те могут по моей кончине
Спросить наследников моих,
И между прочими троих —
Морро, Тюржиса и Провена:[155]
Им завещаю каждый чих
И остальное, что нетленно.

А впрочем, никакой Провен

---

[154] Примечания: 154

«Перед Ублюдком де ла Барр…» — т.е. перед незаконнорожденным Перне Маршаном (?–1493), стражником при тюрьме Шатле, надзиравшим за девицами легкого поведения; тот был известен как сводник и развратник.

[155] Примечания: 155

«Морро, Тюржиса и Провена…» — Морро — торговец жареным мясом, Жан Провен — кондитер, Робер Тюржи — хозяин таверны «Сосновая шишка». Всем им Вийон немало задолжал и их же назначил наследниками собственных долгов.

Не стоит большего помину.
Так поднимайся, мой Фремен,
Кончай давить свою перину —
И начертай, что я отрину
Страну, и город, и приход,
Где из меня творят скотину...
Конечно, Франция не в счет.

Я сам тихохонько прилягу,
Ведь всё заходится в груди.
А ты бери перо, бумагу
Да буквы четко выводи.
И первым на очереди,
Конечно, станет заголовок.
Не вижу света впереди,
Зато в починах ой как ловок.

И Бог-Отец, и Божий Сын,
Пречистой Девою зачатый,
Приявший толико кручин,
И Божий Дух, кто нам вожатый, —
Уверуй в них, за них поратуй,
Но после, уходя во прах,

Не льсти себя большой отплатой:
Тебе не быть на небесах.

Червяк находится для тела,
А для души — кромешный ад;
Туда за дело, не за дело —
А забирают всех сподряд,
И, вероятно, пощадят
Лишь патриарха и пророка:
У них такой обширный зад,
Что жарить — чистая морока.

А если молвят мне в попрек,
Что я без толку злоязычу,
Затем что я не теолог
И не свою ловлю добычу,
То вспомяну Христову притчу
Про умершего богача,
Что в пекло ввержен, как на кичу,
Где ни водицы, ни харча.

Он звал на помощь попрошайку,
Чтоб тот из райского села
Принес воды хотя бы шайку —

Туда, где булькает смола.
И мы — пропьемся же дотла,
До крохи, до последней нитки,
Зане из адского котла
Не льются бражные напитки.

Во имя Господа Христа,
Во славу Непорочной Деве —
Да будет речь моя чиста,
Как чисто в обхудалом чреве;
И, то ли вправе, то ли влеве
Оставив райскую страну,
Про сотню бед, про сто кочевий
Я промолчу — и тем начну.

Я Духу, и Отцу, и Сыну
В наследство душу отдаю;
Пускай она, когда загину,
Ещё потешится в раю.
Пусть единится с девятью
Чинами ангельского лика,
Предстанет к вечному житью
Моя душонка-недотыка.

Пусть примет матушка земля
Мои мяса, где мало тука, —
Хотя червям такая тля
Не объеденье, а докука;
Близки свиданье и разлука,
Из праха есмь, во прах сойду!
И эта радостна наука
Для всех, кто с Господом в ладу.

Затем Гийома де Вийона,
Кто приютил в начале дней
И сделался во время оно
Отца родимого родней,
Я, отходя в страну теней
И подыскав гостинец сладкий,
Прошу от нежности моей
Принять ценнейшие манатки:

Мои книжонки — и к тому ж
Роман о Чертовом Усере;[156]

---

[156] Примечания: 156

«Роман о Чертовом Усере...» — если Вийон и вправду создал такое произведение, то до нас оно не дошло.

Ги Табари, почтенный муж,[157]
Его копировал до хвори.
Пускай келейно и в соборе
Его читают много лет;
Написан так, что просто горе,
Зато затейливый предмет.

Затем, дабы молиться в храме,
Балладу краше всех баллад
Я завещаю дряхлой маме,
С которой был и грубоват,
Но у неё искал отрад,
И пропитанья, и согрева.
Сии слова да прозвучат —
И да услышит Приснодева.

БАЛЛАДА, ЧТОБЫ МОЛИТЬСЯ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ[158]

---

[157] Примечания: 157

«Ги Табари, почтенный муж…» — Ги Табари — соучастник Вийона по ограблению Наваррского коллежа. Будучи арестован, выдал сообщников, почему Вийон и называет его «почтенным».

[158] Примечания: 158

«Баллада, чтобы молиться Парижской Богоматери» — название баллады, как и большинство прочих, дано Клеманом Маро.

90

91

92

93

Владычица и высям, и пучинам,
Приимица тому, кто занемог,
Даруй в своем приюте доброчинном,
Не вопрошая, принесу ли прок,
И мне, старухе, малый уголок.
Небесного властительница града,
Где вечная обещана отрада,
Меня услышь и на мольбу ответь.
Я верую. Мне только лишь и надо —
С моею верой жить и умереть.

Словечко ты замолви перед Сыном,
Пускай к старухе не пребудет строг,
Как не был к Теофиловым провинам,[159]
Когда он Богу молвил поперек,

---

[159] Примечания: 159

«Как не был к Теофиловым провинам…» — согласно легенде, Св. Теофил продал душу дьяволу, но был спасен заступничеством Богоматери.

Когда принес он дьяволу зарок.
Ты, наша и защита, и ограда,
Убереги от дьявольского смрада
И разложенью не отдай на снедь.
Даруй среди зловонного распада
С моею верой жить и умереть.

Ты темноту и немощи прости нам.
Я грамоты не знаю назубок,
Но если в церкви подойду к картинам,
Там пекло пышет, как зажженный стог;
Там чью-то душу дьявол поволок.
Владычица, да будет мне пощада;
Я в рай хочу, я ужаснулась ада,
Где грешникам назначено гореть.
Даруй же без сомненья и разлада
С моею верой жить и умереть.

Твой первенец, твоё родное чадо,[160]
Не захотел надоблачного сада,

---

[160] Примечания: 160

«Твой первенец, твоё родное чадо...» — акростих, начинающийся в оригинале на этой строфе, переводчиком опущен; он был опущен и в публиковавшихся ранее переводах И. Эренбурга и Н. Шаховской.

Сошел с небес и нам служил измлада,
Чтоб наши души уловились в сеть.
И этот клад ценней любого клада,
И потому одна моя услада —
С моею верой жить и умереть.

Затем своей любезной крале,
Что мне натягивала нос,
Ни сердца, полного печали,
Ни в нем застрянувших заноз —
Я ничего бы не поднес:
Ей не нужны сии предметы,
А нужен шелудивый пес,
Коль сыплет звонкие монеты.

Она теперь сытым-сыта:
Ведутся ж похотники в мире,
Хотя моя-то срамота
Весьма осунулась от хири.
Мишо по кличке Хер-Встопыри[161]
Неплохо подучил мужчин;

---

[161] Примечания: 161

«Мишо, по кличке Хер-Встопыри…» — историческое лицо, жил в конце XIII — начале XIV веков, прославился неутомимостью любовных подвигов настолько, что имя его сберeглось в веках.

Ему в святыне Сен-Сатире[162]
Творите поминальный чин.

Не ради заполошной дуры,
А помня свой сердечный жар,
Те мимолетные амуры,
Что принимал я, словно дар,
И не боялся лютых кар, —
Я всё же за столом присяду,
И пусть байстрючина ла Барр
Снесёт ей новую балладу —

Где выставляюсь под конец
Я дурачком простоволосым,
Хотя мой нынешний гонец
Привычен к бесполезным носам;
Увидит халду с впалым носом —
И подивится таково,
Что поприветствует вопросом:
«Ну, как ты, тухлое стерво?»

---

[162] Примечания: 162

«Ему в святыне Сен-Сатире…» — один из первых известных случаев упоминания вымышленного «культа Святого Сатира»: даже будучи христианином, сатир оставался сатиром и должен был обладать всеми способностями сатира.

БАЛЛАДА ВИЙОНА ЕГО ПОДРУЖКЕ[163]

94

Фальшивый блеск, измаявший меня,
Разранившие душу мимоглядки,
Амброзия, что жжет сильней огня,
Невинный облик, зверские ухватки;
Смертельный яд в рождественской облатке;
Улыбка, затмевающая свет;
А очи сладки — даже слишком сладки,
Чтоб не добить, а выручить из бед.

Я оплошал. Я должен был, храня
Моей разбитой гордости остатки,
Не медлить, не промешкивать ни дня,
А наутек бежать во все лопатки.
Вы, кто в нужде, кто в холе и достатке,
Скажите все: ужель отмщенья нет?

---

[163] Примечания: 163

«Баллада Вийона его подружке» — в оригинале, помимо акростиха самого Вийона, содержится акростих имени «Марта»: видимо, таково подлинное имя подружки Вийона.

Иль не на то старинные порядки,
Чтоб не добить, а выручить из бед?

Настанет старость, солнце притемня,
И ты засохнешь, как цветок на грядке;
Мне будет смех, тебе же — западня;
В никчемности, в разоре и в упадке
И ты, и я — мы оба станем гадки.
Так радуйся, покуда твой расцвет;
И не давай отчаянью повадки —
Чтоб не добить, а выручить из бед.

О принц влюбленный![164] Да не будут кратки
Подруги вашей ласка и привет;
Но дай нам Бог и сердца, и угадки,
Чтоб не добить, а выручить из бед.

Затем почтенному Маршану,

---

[164] Примечания: 164

«О принц влюбленный!..» — весьма необычное обращение для «посылки» в конце баллады; возможно, поэт и герцог Карл Орлеанский, неутомимо плодивший наследников и наследниц (в их числе — будущего короля Франции Людовика X) тогда, когда ему сильно перевалило за шестьдесят. Возможно и обращение к Рене Анжуйскому (1408–1480), чьего покровительства Вийон одно время искал и чья любовь к собственной (второй) жене Жанне де Лаваль была хорошо известна.

Кого казнит любовный рок,[165]
Хотя упоминать не стану
Имен, известных назубок,
Я завещаю десять строк,
Дабы под музыку звучали
И он пожалобиться мог
Из глубины своих печалей.

РОНДО

95

96

97

98

99

100

101

102

---

[165] Примечания: 165

«Затем, почтенному Маршану, / Кого казнит любовный рок…» — Итье Маршан (ок. 1430 — 1474) — сверстник и, видимо, собутыльник Вийона, сын советника Парижского суда. Умер в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. Если последующее рондо действительно обращено к нему, то ко времени создания «Большого Завещания» Вийон Маршану ничего, кроме смерти, пожелать не мог.

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

О смерть! О недруг наш старинный!
Мою любимую убив,
Ты ищешь свеженьких пожив,
Косишься на мои седины.
За ней не числились провины,
Зачем же суд настолько крив,
О Смерть?

Мы сердцем сделались едины;
И вот, её похоронив,
Я замертво пребуду жив,
Подобный образам с картины,
О Смерть!

Ещё положены стишата
Для Жана-как-его-Корню;[166]

---

[166] Примечания: 166

«Для Жана-как-его-Корню…» — Жан ле Корню (?–1476) — сын крупного финансиста, в юности — сборщик налогов. Из-за чего он поссорился с Вийоном — неизвестно (как и в большинстве подобных случаев).

Меня харчил он торовато,
Ни в чем его не обвиню.
Но чем дарить свою мазню,
Уж лучше садик Бобиньона:[167]
Он думал, всё там починю —
И вишню сделаю из клена.

Я садик получил внаем —
И дельце распроворил мигом:
Устроил пугалу разгром,
Свернул все черены мотыгам;
Другим таким же прощелыгам
Я там оставил чудный крюк,
Чтоб век не маяли под игом
И вешались без дальних мук.

А Сен-Амановская женка[168] —
Сия чета весьма мила! —
Со мною обошлась не тонко

---

[167] Примечания: 167

«Уж лучше садик Бобиньона…» — Пьер Бобиньон — прокурор, известный в основном как взяточник.

[168] Примечания: 168

«А Сен-Амановская женка…» — Пьер де Сент-Аман занимал высокую должность в казначействе; естественно, что и к нему любви Вийон не питал. О его жене ничего не известно.

И нищебродом назвала;
Но и растратившись дотла,
Сегодня подобру-помилу
Я предлагаю ей «Осла»
Взамен за «Белую Кобылу».

Затем достойному Дени
Эслену, любящему вина,[169]
Свои заканчивая дни,
Я завещаю полкувшина;
Ну, а вторая половина —
Она, вестимо, для воды:
Коли хлобыщешь, как скотина,
Пропьешь и домы, и сады.

Затем беднягу адвоката,
Кого зовут Гийом-Хийом,[170]
Моим внушительным когда-то

---

[169] Примечания: 169

«Затем достойному Дени / Эслену, любящему вина…» — Дени Эслен (1425–ок.1506), исполняя должность судьи, принимал участие в разборе спорных вопросов, касающихся налогов на продукты (в том числе на спиртное). Вийон завещает ему выпивку, намекая на пристрастие к ней.

[170] Примечания: 170

«Кого зовут Гийом-Хийом…» — Шарьё Гийом — приятель Вийона по временам обучения в Парижском университете.

Желаю одарить... мечом.
Его длина, его объем
Уж маловаты для алькова,
Однако лучше при таком,
Чем и совсем без никакого.

Ещё мой прокурор Фурнье,
Что был не хуже адвоката;
Ему, погрязшему в жранье, —
Моя мошна с остатком злата;
Он спас меня от каземата,
Пришёл на помощь, как Христос;
Про это молвили когда-то:
К большому рту — большой поднос.

Я дружбу памятую нашу,
И Жак Рагье, король пьянчуг,[171]
Получит «Круговую чашу»,
Чтоб не был тягостен досуг;
А если денежкам каюк

---

[171] Примечания: 171

«И Жак Рагье, король пьянчуг...» — Жак Рагье, известный завсегдатай таверны «Сосновая Шишка», награждается Вийоном возможностью сидеть одновременно ещё и во второй таверне — «Круговая чаша». Ниже упомянут также как «водитель стражи».

И прокутил свои штанишки,
Его обвислый младший друг
Схоронится в «Сосновой шишке».

Затем дородный Меребьеф,[172]
Сей процветающий суконник,
Ему в бока всадить репьев —
И будет разудалый конник;
Пускай погонится, легонек,
За уткой в собственном соку —
И прямо через подоконник
Сигает... к птичнице Мошку.

Затем Тюржис, благой кабатчик,[173]
За выпивку и за блины
Без проволочек и подначек
Получит все мои чины;
Мне эта жертва — хоть бы хны,
Но чтоб найти меня в столице,
Ему, конечно же, нужны

---

[172] Примечания: 172

«Затем дородный Меребьеф...» — Пьер Марбьёф (?–1483) — богатый парижский торговец сукном. «Конником», гоняющимся за уткой он никак быть не мог — охота была привилегией дворян.

[173] Примечания: 173

«Затем Тюржи, благой кабатчик...» — Робер Тюржи — см. выше.

Ищейки или ясновидцы.

Зато поближе к Пуату
Хожу завзятым балаболом;
Там поблядушеньки коту:
Надыбал там в окрестных селах
Я двух бабенок развеселых;
Но где живут — большой секрет:
Не то любой приблудный олух
За мной увяжется вослед.

А Жан Рагье, водитель стражи,
Лихач в еде и питии,
Да не причислит он к пропаже
Мордасы пышные свои,
Пусть ежеденно от Байи
Получит поросячью ногу,
А близтекущие ручьи
Помогут осадить изжогу.

А титул Главного Шута
Я отдаю Мишо де Фуру:[174]

---

[174] Примечания: 174

«Я отдаю Мишо де Фуру…» — Мишо дю Фур принимал участие в расследовании дела об ограблении Наваррского коллежа.

С ним усмеешься досыта,
Спевает песенки Амуру,
Превознесёт любую дуру;
И так уж тонок и умен —
Украсит каждую конуру,
Когда оттуда выйдет вон.

А для Рашье и для Валетта,[175]
Для двух отменных корешей,
Способных быть украсой света
И нас гоняющих взашей, —
Оставлю парочку ушей:
Напялить шапку-блохоноску;
А мне те уши — как пришей
Кобыле стирочную доску.

Затем Ублюдок де ла Барр,
Кто ударяется в азарты,
Хотя он из великих бар,
Пускай к гербу пришпилит карты;
И если пукнет из-под парты,
Когда затеется картеж,

---

[175] Примечания: 175
«А для Рашье и для Валетта…» — городские стражники.

Такой почувствуешь угар ты,
Что подмухлевку прозевнешь.

Затем преславного повадкой
Шоле, буяна-бондаря,[176]
Прошу покончить с бочкой, кадкой,
Не мучить обручи зазря
И, дружбой чистою горя,
Даю клинок лионской ковки:
Грохочет хуже чекмаря,
Зато под ребра — очень совкий.

А Жан по прозвищу Ле-Ле,[177]
Кто с браги буен не на шутку,
Привычный в плащевой поле
Припрятать стибренную утку,
Пускай теперь сколотит будку
(Но чтоб соседям — ни мур-мур!),
И примет в дар щенка-малютку,
И обучает цапать кур.

---

[176] Примечания: 176

«Шоле, буяна-бондаря…» — Шоле — бочар, несколько раз упомянутый Вийоном, известный своими драками.

[177] Примечания: 177

«А Жан, по прозвищу Ле-Ле…» — точнее, Жан ле Лу — парижский водовоз и вор, специализировался на воровстве домашней птицы.

Маэ, душе его мясничьей,[178]
Оставить гвоздиков хочу:
Не чтобы правил свой обычай,
Давно известный палачу,
Но чтоб в постели — чу-чу-чу —
Сшивать ветчинки и колбаски,
Чтоб дело было по плечу
И кровь лилась при каждой вязке.

Риу и все его стрелки,[179]
У чьих коней — сплошные колчи,
Дабы гонялись взапуски,
Пускай обрящут потрох волчий,
Отварят не в вине, а в желчи,
Разложат в лучшей из посуд
И если сможется, то молча
Свою подохлину жуют.

Сии заедки потяжеле,
Чем рыба, птица либо злак,

---

[178] Примечания: 178

«Маэ, душе его мясничьей…» — Жан Маэ, стражник при тюрьме Шатле, помощник палача.

[179] Примечания: 179

«Риу и все его стрелки…» — Жан Риу — кожевенник и меховщик, командир отряда лучников и арбалетчиков, выступавшего на праздниках.

Когда же кроешься во щели,
А крепость осаждает враг
И все давненько натощак —
То лучше водянистой тюри;
А если ты ещё и наг —
Упрячешься в волчиной шкуре.

А дальше Робине Трусай,[180]
Сей муж степенный, без пошатки,
Который даже невзначай
Себе не оббивает пятки,
А всё гарцует на лошадке, —
Получит утленький кувшин:
Где кувшинов давно в достатке,
Сгодится и ещё один.

Для волосничего Жирара[181] —
Гребенка и цирюльный таз;
И с помощью такого дара

---

[180] Примечания: 180

«А дальше, Робине Трускай…» — Робине Трускай — сборщик податей, богатый скряга. Французские комментаторы считают, что его имя можно перевести как «охотник до девок», что придает строфе второй смысл.

[181] Примечания: 181

«Для волосничего Жирара…» — цирюльник, у которого, возможно, скрывался Вийон после ограбления Наваррского коллежа.

Пусть богатеет ежечас;
Я пережрал его запас
Отборного свиного мяса,
Поскольку мне была в указ
Лишь аббатиса из Пурраса.[182]

Монах с повадками вориш
И богомолка-христарадка,
До коих падок и Париж,
И глухоманье тоже падко, —
Да превратится их облатка
В пирожное и в жирный крем;
Пускай опочивают сладко
Вблизи своих теологем.

Ни этот крем, ни это тесто
Не я, никчемный, раздаю:
Приемлют грешников заместо
Жестокую епитимью.
Господь поселит их в раю;

---

[182] Примечания: 182

«Лишь аббатиса из Пурраса…» — легендарная Югетта дю Амель, — уже в наше время попавшая в одну из песен Жоржа Брассенса, — широко известная своим распутством; доказательств тому что между Вийоном и Югеттой имело место знакомство (не то, что связь), нет никаких.

А здесь, в Париже ох как туго:
И нежить женушку твою,
И возлюблять её супруга.

Так низко павший Жан Пуйи[183]
Вещал для мира и для града,
Что вот корми их и пои,
А те — пируют до упада.
На них излил немало яда
Ещё и мэтр Жан де Мен;[184]
А всё же пестовать их надо,
Как повелось от правремен.

И сам я с восхищенным сердцем
Учу покорности урок,
За их я следую примерцем,
Их вкусы знаю назубок,
Для них готов сбиваться с ног,
Для них я радостно батрачу:

---

[183] Примечания: 183
«Так низко павший Жан Пуйи…» — проповедник, доктор теологии Парижского университета, выступал с проповедями против монашества, в результате чего папа Иоанн XXII принудил его публично покаяться.

[184] Примечания: 184
«Ещё и мэтр Жан де Мен…» — один из авторов «Романа о Розе», также писавший о нищих монахах без симпатии.

Ведь если скажешь поперек,
То сразу получаешь сдачу.

Затем получит братец Бод,[185]
При ком тушуются задиры,
Кто дерзновенней всех господ,
И тыкву-шлем, и две секиры.
Тюска и все его мундиры[186]
Придут в его публичный дом —
Да и затырятся в затыры,
Как черт при знаменье святом.

Усевшийся в епископате[187]
Не ярмарочный дурачок,
Но муж, мусолящий печати,
Пускай получит мой харчок;
Для языка и толстых щек

---

[185] Примечания: 185

«Затем получит братец Бод...» — брат Бод — монах нищенствующего ордена кармелитов из монастыря Нотр Дам-дю-Карм в Париже.

[186] Примечания: 186

«Тюска и все его мундиры...» — Тюска — искаженное имя Жана Тюркана, лейтенанта городской стражи.

[187] Примечания: 187

«Усевшийся в епископате...» — епископский секретарь Ришар де ла Палю; Вийон, числя его бездельником, завещает ему слюну — мусолить бумаги.

Лизать и дуть — обрядец тяжкий,
А так чок-в-чок один тычок —
И в слюнях сразу все бумажки.

Ты, воскожуй, восторжествуй,
Но и судья — отнюдь не фыркай:
Коли замучил почечуй,
То дам я стул в середке с дыркой;
Ну а Масе, сей твари зыркой,
Что утащила мой кушак,[188]
Скажу, что сходствует с подтиркой, —
И отомщу хотя бы так.

Докладчик судовой палаты,
Магистр Франсуа Вакри,
Дополнить рыцарские латы —
Стальной ошейник забери;
Чтоб от зари и до зари
Из глотки пакости не перли,
Чтоб не охаять алтари —

---

[188] Примечания: 188

«Ну а Масе, сей твари зыркой, / Что утащила мой кушак…» — речь идёт о некоем лейтенанте Масе из Орлеана, очевидно, за что-то оштрафовавшем Вийона: именно в поясе принято было носить деньги.

Носите душное на горле.[189]

Затем достойный Жан Лоран,[190]
Чьи ясны очи если схожи,
То разве с парой гнойных ран,
Получит на утирку рожи
Лоскутья той облезлой кожи,
Какой обит был мой сундук:
Тафту и бархат для вельможи
Искать мне просто недосуг.

А дальше — стряпчему Котару,[191]
Что занялся моей судьбой,
Один медяк и даже пару
Я завещал бы на пропой;
Но будет форменный разбой,

---

[189] Примечания: 189

«Носите душное на горле…» — т.е. не «воротник стражника», закрывающий горло, а веревку, с помощью которой вешают.

[190] Примечания: 190

«Затем достойный Жан Лоран…» — Жан Лоран — следователь церковного суда, также участвовал в допросах Ги Табари; видимо, именно он дознался об участии Вийона в ограблении.

[191] Примечания: 191

«А дальше — стряпчему Котару…» — см. выше; видимо, к моменту написания «Большого завещания» он как раз мог именоваться «новопоставленным», что и вызвало к жизни балладу, помещённую Вийоном ниже.

Коль мир покойника нарушу,
И ограничусь лишь мольбой
За эту пьяненькую душу.

БАЛЛАДА-МОЛИТВА

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

И Ной, папаша запивох,

И Лот, предавшийся питью,
Кому устроили подвох —
И нежил доченьку свою;
И ливший бражную струю
Архитриклиний-винодар —
Молитесь, чтобы был в раю
Новопреставленный Котар.

Он должен между этих трех
Воссесть на общую скамью:
Он в жизни разу не просох,
Он крепко стискивал бадью;
Он расправлялся с десятью,
Был беспромашлив на удар,
Наставник всякому голью —
Новопреставленный Котар.

Валился спать в чертополох,
Собою затмевал свинью;
Ещё в кутузке чуть не сдох, —
Как видно, перепил судью.
Пускай во славу во твою
Теперь горланят млад и стар,

Ушедший к вечному житью
Новопреставленный Котар.

Ты, голосивший: «У-ю-ю!
А ну, залейте мой пожар!» —
Ты хлобыщи в ином краю,
Новопреставленный Котар.

Пусть Мерль, умильнейший малышка,[192]
Теперь ведет мои счета,
Где нет великого излишка,
Но пребольшая нищета;
Он кровососам не чета,
И у него — всегда отсрочка,
И шесть щитов — за три щита,
И ангел — в цену ангелочка.

Пока я странствовал вдали,

---

[192] Примечания: 192

«Пусть Мерль, умильнейший малышка...» — здесь может иметься в виду либо Жан де Мерль, меняла и скряга (ко времени написания «Большого завещания» — глубокий старик, так что «малышкой» он мог быть назван разве что издевательски), либо его сын Жермен, унаследовавший как профессию отца, так и его репутацию.

Я вижу, что мои сиротки[193]
Уже порядком подросли.
Они умишком не коротки,
А значит, надо — кровь из глотки —
Податься в университет:
Там с голых взыскивать оглодки —
Науки радостнее нет.

Я им Рише назначу в мэтры:[194]
Зане мои ученички
Весьма легки, их носят ветры,
Донат им явно не с руки;[195]
Им растолмачат напрямки,
Что вразумиться — и не пробуй,
Что может потерять портки,
Кто чересчур высоколобый.

---

[193] Примечания: 193

«Я вижу, что мои сиротки...» — т.е. ростовщики, которым Вийон задолжал.

[194] Примечания: 194

«Я им Рише назначу в мэтры...» — Рише возглавлял одну из лучших парижских начальных школ.

[195] Примечания: 195

«Донат им явно не с руки...» — латинская грамматика Элия Доната (IV век); однако на латыни «донат» также означает «даёт» — намек на обычную жадность ростовщиков.

Сие — да каждый затвердит,
И больше — никакого бреда:
Кто денег не дает в кредит,
Тому не нужно помнить «Кредо».[196]
А если сиро без обеда,
Свой плащ разрезав пополам,[197]
Одну полуху для проеда
Я завещаю ласунам.

Но пусть отведают и плети;[198]
Пускай смягчат строптивый нрав:
Себя блюдут в высоком свете,
Носищи до неба задрав;
Когда ж поймали за рукав —
Невинно вскидывают бровки;
И суд молвы да будет здрав —

---

[196] Примечания: 196

«Кто денег не дает в кредит, / Тому не нужно помнить «Кредо»...» — «кредо», «верую» — начало и название одной из основных молитв (однако то же слово означает и «даю в кредит»).

[197] Примечания: 197

«Свой плащ разрезав пополам...» — Св. Мартин (IV в.) отдал нищему половину своего плаща.

[198] Примечания: 198

«Но пусть отведают и плети...» — за порку во время обучения, как за непременную (и престижную!) его часть, родители учащихся вносили отдельную плату.

Что все они голубокровки.

Писцы моих чудесных книг
Ещё не получили платы;
Они стройнее, чем тростник,
Хотя ни в чем не виноваты.
Как завещатель тороватый
Я им дарю не пустыри,
Но те роскошные палаты,
Где жрет и пьет Гильом Гельдри.[199]

Из них мне каждый очень дорог;
А если нравом горячи,
То лет за тридцать или сорок
Остепенятся в сморкачи.
Учить их всякий поучи —
Но и сластями их побалуй:
Кого положишь под бичи —
Твоим же вырастет менялой.

---

[199] Примечания: 199

«Где жрет и пьет Гильом Гельдри...» — в 1423 году домовладелец Гильом де ла Марш сдал в аренду дом мяснику Лорану Гельдри; однако тот не платил за аренду столько лет, что выражение «дом Гильома Гельдри» стало расхожим: Вийон дарит своим «переписчикам» (каноникам Собора Парижской Богоматери) чужие долги, которые невозможно получить.

Их отправляю в тот коллеж,[200]
Где учатся без передыха,
Где места нету для невеж
И круглосуточного дрыха;
Наука там не бобылиха.
Весь мир в свидетели беру,
Что вечерком бывает лихо
Тому, кто прыгал поутру.

Для настоятеля в коллеже
Я заготовил два письма,
Где требую пороть пореже
И придираться не весьма!
Я всё устрою задарма —
И заверяю без отмашек,
Что я не шлялся в их дома
И что не трогал их мамашек.

Затем, в казну Мишо де Ю

---

[200] Примечания: 200

«Их отправляю в тот коллеж...» — в оригинале прямо назван «Коллеж “Осьмнадцати клириков”«, не входивший в Парижский университет и поэтому очень бедный, размещавшийся в здании больницы для духовенства.

И славного Шарло Таранна[201]
Я сто монеток отдаю;
Сие даянье безымянно,
Как с неба ссыпанная манна;
Пускай, разряженные в пух,
Низкопоклонно и жеманно
Приветствуют окрестных шлюх!

Гриньи, сеньору и сквалыге,[202]
Дарую башню из Байи;
Там только голые булыги
И ни калитки, ни скамьи;
Он лучше всякого судьи
Там наведет свои порядки.
Что за свои — не за мои,
Так у Вийона недохватки.

---

[201] Примечания: 201

«Затем, в казну Мишо де Ю / И славного Шарло Таранна...» — Мишо де Ю (собственно — Мишо Кюльду, чье не совсем пристойное имя Вийон обыгрывает, что отражено в переводе; 1408–1479) и Шарло Таранн (? — ок. 1464) — парижские богачи, должны были унаследовать сто су, которые сулит им Вийон.

[202] Примечания: 202

«Гриньи, сеньору и сквалыге...» — видимо, Филипп Брюнель (?–1504), постоянно претендовавший на родовое имя де Гриньи. Башня в Байи, которую дарит ему Вийон, находилась в это время почти в разрушенном состоянии.

Затем, дружище де ла Гарт,
Кого я кличу де Рогатом,[203] —
Ему бы самый клевый фарт,
Да брагу глушит он ушатом,
И надо вещи прятать прятом,
Не то посеет иль пропьет;
Женевуа не смотрит хватом,
Но не тереха и не мот.

Все судотворцы-недотыки:
Сей Базанье, Рюэль, Ронель[204] —
Получат коробок гвоздики,
Дабы приправить винный хмель.
Пускай не валятся в постель,
Но служат ревностно и споро
Сеньору, чтившему досель

---

[203] Примечания: 203

«Затем, дружище де ла Гарт, / Кого я кличу де Рогатом...» — Жан де ла Гард — богатый бакалейщик, некоторое время исполнявший обязанности королевского секретаря; Вийон намеренно перевирает его имя, намекая на то, что де ла Гард — рогоносец. Женевуа — стряпчий, собутыльник де ла Гарда.

[204] Примечания: 204

«Сей Базанье, Рюэль, Ронель...» — Пьер Базанье (1430–ок.1467) — следователь при парижском прево Робере д'Эстутвиле. Жан де Рюэль — аудитор при Шатле. Николя де Ронель был защитником Робера д'Эстутвиля, когда ректор Парижского университета возбудил против него дело.

Жизнебережца Христофора.[205]

И получает сам сеньор
Балладу о прекрасной даме:[206]
О нем всеобщий разговор,
Он всех отважней и упрямей;
Теперь повержены во сраме,
Кто копья на него острил,
А рыцарь славен между нами,
Как славны Гектор и Троил.

БАЛЛАДА ДЛЯ РОБЕРА ЭТУВИЛЯ

140

141

Аукнет филин, и рассвет взошел,

---

[205] Примечания: 205

«Сеньору, чтившему досель / Жизнебережца Христофора» — т.е. непосредственно д'Эстутвилю. Св. Христофор считался защитником от внезапной смерти, поэтому прево почитал его своим защитником.

[206] Примечания: 206

«Балладу о прекрасной даме...» — имеется в виду Амбруаза де Лорэ, жена д'Эстутвиля. В акростихе последующей баллады запечатлено её имя. Д'Эстутвиль «завоевал» её на рыцарском турнире в Сомюре в 1446 году, победив некоего Луи де Бово, переводчика Бокаччо, который сам именовал себя Троилом, по аналогии с царевичем Троилом из переведенной им поэмы «Филострато», которого покинула возлюбленная Брисеида.

Между кустов замечется зверок,
Бесстрашный и восторженный орел
Рванется вниз добыче поперек;
У нас другой и образ, и урок,
А то же счастье к нам явилось в дом:
Запишется всего лишь пара строк —
И мы у цели, ибо мы вдвоём.

Я твой и паладин, и богомол,
Пока со мною не покончит рок;
Всё марево и горестей, и зол
Ты сгонишь, будто вешний ветерок;
И сколько ляжет под ноги дорог,
Мы все дороги вместе изойдём:
Сему служенью не назначен срок,
И мы у цели, ибо мы вдвоём.

Я знаю, что Фортуны произвол
Мне непостижен и ко мне жесток;
Но где погибнет многолетний ствол,
Укоренится маленький росток.
И я обрящу собственный исток,
И я воскресну в семени моём;

Для урожая расчищаю ток,
И мы у цели, ибо мы вдвоём.

Тебе, Принцесса, повторяю впрок:
Мы этих уз уже не разобьем,
Сегодня восхожу на твой порог,
И мы у цели, ибо мы вдвоём.

А после — Жанчик Пердрие
И брат его, Вийонов тезка:[207]
Им в горестном житье-бытье
Потребна добрая обтеска;
Дабы прибавилось им лоска,
Пускай лоснится их язык,
Который красочно и броско
Меня оклепывать привык.

Кухарских книг я видел груды —
Про всю и всякую еду,
Но как варить язык паскуды,
Там указаний не найду.
Уж лучше справиться в аду:

---

[207] Примечания: 207

«А после — Жанчик Пердрие / И брат его, Вийонов тезка...» — Жан и Франсуа Пердрие — сыновья известного парижского менялы.

Не Бог тут помощью, а дьявол,
Дабы накликавший беду
В достойном соусе поплавал.

БАЛЛАДА О ТОМ, КАК ВАРИТЬ ЗЛЫЕ ЯЗЫКИ

142

143

Пускай во ртути, в жгучем скипидаре,
Когда зловещий, окаянный час;
Пускай в свинце, пускай в кипящем варе,
В кровях жидовки, наводящей сглаз,
Добавя всех измысленных зараз,
Подкинув и оскоблину из бани,
И все отрыжки подзаборной пьяни,
И плесень исструпившейся доски, —
Пускай в зловонном вываро́чном чане
Отварят эти злые языки!

Пускай заглянут в старый бестиарий,
Где всё паскудство смотрит напоказ,
И выберут мерзейшую из тварей,
Её слюну сбирают про запас

И в ней, покуда уголь не погас,
Добавив крысоедины и рвани,
Тех гадов, что таятся в океане,
Червями испогаженной муки, —
Пускай в харчках и в беленном дурмане
Отварят эти злые языки!

Пусть вурдалака полоснут по харе
И эту кровь сберут в цирюльный таз,
И загниет в своём вонючем паре,
И не сгодится даже для колбас:
Она и будет в самый, в самый раз;
Доливши к ней помоев из лохани,
Где дристунец отстирывают няни,
Туда же опростают бардаки —
И пусть потом в такой смердящей дряни
Отварят эти злые языки!

Сие же блюдо Принцу будет пряней,
Когда добавить слезы покаяний:
Они весьма солены и горьки;
Ну а пока — пускай в свинячьей срани
Отварят эти злые языки!

Почтенного Анри Куро[208]
Я одарю «Балладой-спором».
К нажившим разное добро
Многовластительным сеньорам
Не подъезжаю с разговором:
Ведь поучает Книга Книг
Не задирать шатайкам хворым
Того, кто мощен и велик.[209]

Ну а Гонтье — совсем убогий,[210]
Сродни Вийону и глисту;
Но только нам не по дороге:
Он славословит нищету,
А я иначе разочту:

---

[208] Примечания: 208

«Почтенного Анри Куро...» — Андре Куро — представитель короля Рене Анжуйского в Париже, поддерживавший Вийона.

[209] Примечания: 209

«Ведь поучает Книга Книг / Не задирать шатайкам хворым / Того, кто мощен и велик...» — «Не ссорься с человеком сильным, чтобы когда-нибудь не попасть в его руки» (Книга Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, 8, I)

[210] Примечания: 210

«Ну а Гонтье — совсем убогий...» — Вийон имеет в виду поэму Филиппа де Витри (1291–1360) «Франк Гонтье», где прославляется безмятежная жизнь поселянина Гонтье и его подруги Елены, блаженствующих на лоне природы.

Ведь нищета с тоской и горем
Годится лишь под хвост коту,
И нынче здорово поспорим.

БАЛЛАДА ПРОТИВУ ФРАНКА ГОНТЬЕ

144

Среди ковров и разомлев от лени,
Каноник вел игривый разговор
С Сидонией,[211] *предметом вожделений,*
Что наготою ублажала взор;
А после он к стене её притер;
Они резвились при закрытой шторе,
А я в замочном видел их прозоре,
И я промерз от тамошних страстей,
И молвил, позавидовав проворе:
Тот бедолага, кто не богатей.

Когда б Гонтье, когда б его Елене —
Изведать сей монашеский затвор,

---

[211] Примечания: 211

«С Сидонией...» — имя образовано от названия библейского города Сидона, где жизнь отличалась редким богатством; одновременно Сидон — символ разврата.

Тогда спанье под кустиком сирени,
Одежек домоделанный узор
И лук-чеснок, а также прочий вздор —
Их довели бы до жестокой хвори;
Не стали бы рассказывать историй,
Что шалопут счастливей и святей;
И подтвержденья этому — как море:
Тот бедолага, кто не богатей.

Едят ячмень, и любятся на сене,
И воду пьют из лягушачьих нор;
Но от Сите до райских поселений
Любой бродяга, захудалый вор
Такую жизнь почтет за приговор.
И если вам отрада, а не горе
Оголодать и вываляться в соре,
Тогда других послушайте людей;
А люди молвят, дружка дружке вторя:
Тот бедолага, кто не богатей.

О славный Принц! Согласье в общем хоре
Нарушит лишь глупец и лицедей;
А истина — в старинном приговоре:

Тот бедолага, кто не богатей.

Пускай девица де Брюйер[212]
С пороком вступит в поединок,
Пускай берет с неё пример
Не только благонравный инок;
Пускай отправится на рынок,
В разврата смрадные углы,
Учить чернявок и блондинок,
Чей язычок — острей иглы.

БАЛЛАДА О ПАРИЖАНКАХ

145

146

147

148

149

150

Пускай слывут на целый свет

---

[212] Примечания: 212

«Пускай девица де Брюйер...» — богатая вдова, посвятившая себя возвращению на путь истинный заблудших девиц. Именно возле её дома лежал межевой камень Чертов Усёр, из-за которого случились у Вийона первые судебные неприятности.

Венецианки-бузотерки, Любой проведают секрет,
Заглянут за любые шторки;
Пускай в Женеве тоже зорки,
В Ломбардии не гладь, не тишь —
Их всех положим на закорки,
Их всех трескучее Париж.

Неаполь солнцем разогрет,
И там на все бранятся корки;
У немок — да, у пруссок — нет,
Всегда найдутся приговорки;
И пусть венгерки-черногорки
Трепливы так, что угоришь,
Им лучше схорониться в норке:
Их всех трескучее Париж.

В Бретони уйма надоед,
И есть швейцарки-тараторки,
Но парижанка даст ответ —
И эти резво съедут с горки;
От них останутся истерки,
Они получат ровно шиш;
В Париже ругань хлещё порки,

Их всех трескучее Париж.

О Принц! Тетерки-мелкоперки,
О ком из них ни говоришь;
Всё захолустье, все задворки —
Их всех трескучее Париж.

Когда воссядут у собора
На свой подоткнутый подол,
То пострашнее приговора
Их уязвительный глагол.
Всему, чего не изобрел
Макробий, идол краснослова,[213]
Сия вернейшая из школ
Обучит олуха любого.

Монмартрскому монастырю,
Где женство похотью палимо,

[213] Примечания: 213

«Макробий, идол краснослова...» — Амбросий Феодосий Макробий (V век по Р.Х.) — латинский писатель, автор морально-назидательных сочинений «Сатурналии» и «Сон Сципиона».

Сен-Валерьен я подарю,[214]
Дабы случались без разнима, —
И индульгенцию из Рима,
Где им отпущен всякий срам;[215]
Пусть каждый проходящий мимо
Решит: сие — Господень храм.

Затем, для горничных и пажей
Назначу сладостный урок:
Сеньора огорчить пропажей,
Сготовить кремы да пирог,
Налить вина в громадный рог
И, словно графы и графини,
Друг дружкой вдоль и поперек
Поугобжаться на перине.

Затем, богатым дочерям,

---

[214] Примечания: 214

«Монмартрскому монастырю, / Где женство похотью палимо, / Сен-Валерьен я подарю...» — В XV веке на Монмартре действительно располагался женский монастырь, очевидно, не славившийся особым благочестием; «Валерьен» — игра на созвучии Valerien (Валерьен) и valent rien (ничего не стоит): холм Св. Валериана находился в западной части Парижа, на вершине находилась часовня. Таким образом, монахини с Монмартра «ничего не стоят».

[215] Примечания: 215

«И индульгенцию из Рима, / Где им отпущен всякий срам...» — паломник, побывавший в Риме, получал письменное отпущение грехов.

У коих мамки, дядьки, тетки,
Я ничегошеньки не дам:
Им ни к чему мои оглодки;
Пускай они пребудут кротки,
А за наследством поскорей
Бегут несчастные молодки,
Что шьются у монастырей, —

И якобинцы-целестинцы,[216]
Коли приспичила нужда,
То за сиротские гостинцы
Их покупают без стыда;
И если вымолвила «да»
Жаклин, иль Белла, иль Перетта,
Так оттого-то и беда,
Что не сыта, не обогрета.

---

[216] Примечания: 216

«И якобинцы-целестинцы...» — якобинцы — т.е. доминиканцы, чья резиденция в Париже находилась на улице Сен-Жак (Св. Иакова), целестинцы — орден, основанный в 1254 году; устав его совпадает с бенедиктинским; Вийон перечисляет имена ордена монахов, обязанных жить подаянием.

А для жирнятины Марго,[217]
Для этой девки вон из ряду —
Ведь, о-го-го и и-го-го,
Мы с ней резвились до упаду, —
Я попрошу, чтоб ей в усладу
Любой, кому дарован глас,
Ей прочитал сию балладу
И раз, и два, и сотню раз.

БАЛЛАДА О ЖИРНОЙ МАРГО

151

152

153

154

155

Что мне Марго всего дороже,
В том никакой моей вины:
Любой проезжий и прохожий
Бывают ей привлечены;

---

[217] Примечания: 217

«А для жирнятины Марго...» — «Толстая Марго» — название чрезвычайно небогоугодной таверны, в которой, видимо, некоторое время жил Вийон.

Купить вина и ветчины
Бегу, не поднимая писка, —
И вот вам кружка, вот и миска;
Меня монетой одари —
И к нам заглядывай без риска:
В своём борделе мы цари.

Ругаю шлюхой сиворожей,
Когда вернется без казны,
Разнагишу до голой кожи,
Возьму и пояс, и штаны;
Она рыдает хны да хны,
Но непреклонен взымщик иска,
Я всё сдираю до огрызка,
А если изверг — так смотри:
Тебе под нос — моя расписка.
В своём борделе мы цари.

А после припадем на ложе,
Что твой утюг распалены;
Она проймет меня до дрожи,
До самой брюха глубины;
Покуда кто-то видит сны,

Мы с ней заходимся от стиска,
От пощекотки и от рыска;
Мы полегли от жаркой при,
Меня добила эта киска:
В своём борделе мы цари.

Великолепна киска-брыска,
Источник радостного прыска.
Любовь и кот, любовь и крыска,
Любиться будем до зари.
Отменно всё, что скользко-склизко,
Нечестье с честью ходят близко,
В своём борделе мы цари.

А ты, дрянцо Марьон д'Идолль,
Совместно с Жанной из Бретани,[218]
Найди-ка школу да отшколь
Учителей в известной дряни,
Которая всего желанней
Везде, за вычетом тюрьмы:
Там сутолочно, словно в бане,

---

[218] Примечания: 218

«А ты, дрянцо Марьон д'Идолль, / Совместно с Жанной из Бретани...» — очевидно, реальные девицы легкого поведения.

И подглядушек тьмы и тьмы.

Затем, Ноэль, болван безмозгий,
Обогатившись мирово,
Получит ивовые розги
Из вертограда моего;
Для сердца будет торжество
Прибыток будет общей чести,
Когда палач сие стерво
Ущекотнет разочков двести.

Даю гостинца в Божий дом,[219]
Старухе, старцу и приблудку,
Над их же горестным житьем
Не шутят пакостную шутку;
Я отдал жареную утку
Монахам, кои велики, —
А замухрышку и малютку
Пускай потешат мослаки.

---

[219] Примечания: 219

«Даю гостинца в Божий дом...» — «Божий дом» — больница на острове Сите.

Цирюльника Колен-Галерна,[220]
Его каленая брада,
Я одарю нелицемерно
Куском отменнейшего льда
Из незамерзшего пруда;
Пускай кладет себе на чрево:
Ведь чем жесточе холода,
Тем радостнее от сугрева.

И тех, кто лезет на рожон,
Слывет пропащим и отпетым,
Подобно приторной Марьон[221]
Я одолжу моим советом;
А что досуга вовсе нет им
Выслушивать белиберду,
То, не треплясь о том и этом,
Я прямо к делу перейду.

---

[220] Примечания: 220

«Цирюльника Колен-Галерна...» — Вийон, используя фамилию цирюльника (галярн — холодный северо-западный ветер), рисует картину: река, лед, зима.

[221] Примечания: 221

«Подобно приторной Марьон...» — т.е. упомянутой выше Марьон д'Идолль.

ДОБРЫЙ УРОК ПРОПАЩИМ РЕБЯТАМ

Вы розу носите на шляпе,
Но потеряете её;
Когда твои костишки в крапе,
Когда судьбе горланишь «вье»
И задираешь сержантье,
То за тасовку-потасовку
Вослед Колену де Кайе[222]
Пойдёшь прикрашивать веревку.

И жизнь, и самая душа
Пройдохам служат вроде ставки;
Коль проигрался до гроша,
Тогда иди виси в удавке;
Но и фартовому босявке
Заместо славы — только дым:
Ты будешь спать на голой лавке,
А не с Дидоною в обним.

Мою послушайте балладку,

---

[222] Примечания: 222

«Вослед Колену де Кайе...» — Кален Кайё — вор, ещё один из участников ограбления Наваррского коллежа. Повешен в 1460 году.

Где ни на йоту не солгу;
И дома пьянствуйте впокатку,
И напивайтесь на лугу;
Бросай-швыряй свою деньгу,
Карманы допуста очисти:
Когда не спустишь на торгу,
То никакой с неё корысти.

БАЛЛАДА В НАЗИДАНИЕ ВЕДУЩИМ ГРЕХОВНУЮ ЖИЗНЬ

156

157

158

159

160

161

162

163

Мошенник ты, иль не мошенник,
Иль нунций папского двора,
Иль тискатель фальшивых денег,

Воришка, продавший вора,
Иль мастер бойкого пера —
Ты будешь в мире однодневком,
И всё, что выхитрил добра,
Неси в кабак продажным девкам.

Для уроженца деревенек,
Для городского школяра
Пускай, покуда здоровенек,
Продлятся фарсы да игра;
Пускай ти-ри, пускай ра-ра,
Пусть ходит по фартовым спевкам,
А денежки — всегда пора —
Неси в кабак продажным девкам.

Ты отрекись от старых фенек,
Паши от раннего утра
Или вяжи поганый веник,
Коль не пошёл в профессора;
Трепли коноплю для шнура
На шею жизненным обсевкам;
А сколько скопишь серебра —
Неси в кабак продажным девкам.

Где тухнет смрадная дыра,
Разочаровываться не в ком;
Всё от портков и до ковра —
Неси в кабак продажным девкам.

«Вы, кто пропились догола,
Душою хворы, плотью дюжи,
Держитесь дальше от котла,
Где кипятят почтенных мужей,[223]
Чтоб не было чего похуже,
Блюдите самый строгий чин —
И песню слушайте всё ту же,
Что все погибнем как один».

Затем «Пятнадцати двадцаткам»,
А лучше попросту «Тремстам»,[224]
Дабы утешились достатком,
Свои очки я передам.

---

[223] Примечания: 223

«Держитесь дальше от котла, / Где кипятят почтенных мужей...» — Вийон описывает способ казни, применявшийся в его время к фальшивомонетчикам.

[224] Примечания: 224

«Затем, «Пятнадцати двадцаткам», / А лучше попросту «Тремстам»...» — «Дом Трехсот Слепых», богадельня для слепцов, учрежденная в 1260 году Людовиком IX Святым.

Слепцы, ютящиеся там,
Пойдут рассмотрят на кладбище,
В каком гробу улегся хам,
В каком — и господин почище.

Я это молвлю не шутя.
Что проку с бархата-атласа,
Почто резвиться, как дитя,
И жрать, отращивая мясо,
Иль падать паданцем от пляса,
Когда конец один для всех —
И, смертного дождавшись часа,
Оставишь в мире только грех.

Ну а в могилах — все похожи,
На тот же вид, на тот же лад:
Кого ни взять, одни вельможи
И председатели палат;
Причетник смотрит как прелат,
Прелат глядится старой сводней,
И только зенки заболят
Искать, который благородней.

И мужи ратные сии,

Кто доблестно бросался в схватку,
И лизоблюды-холуи —
Все равно призваны к порядку;
И я хочу, чтоб им посладку
Пришёлся подмогильный мох;
Легли вповал, впокатку, всмятку —
И те, кто плох, и кто не плох.

Они вмешались в груду хлама,
Они сошли на самый низ:
И тот сеньор, и эта дама,
Кто кушивал из пышных мис
То крем, то сдобину, то рис, —
Все только плесень, только хлуда,
Их черви лопают в облиз,
Суди их Господи вполсуда!

Пускай летит Вийонов стих
Ко всем сыгравшим в шуры-жмуры;
А тот, кто жив и кто живых
Сажает в гнойные конуры,
И кто от пакостной натуры
Гоняет нищих горемык,

Им сушит кости, сушит шкуры —
Их всех помилуй Доминик.[225]

Затем дружку Жаке Кордону[226]
Достойного подарка нет;
А чтоб не чувствовал урону,
Дарю один-другой куплет;
Когда бы древле был пропет
Для Марьонетты-Гийометты,
Они б скривились напослед,
Как от прогоркнувшей котлеты.

ПЕСНЯ

164

165

166

167

---

[225] Примечания: 225

«Их всех помилуй Доминик...» — Св. Доминик Гусман (1170–1221) — испанский монах, основатель ордена доминиканцев, которому в 1252 году папа передал инквизицию (судебно-полицейское ведомство по надзору над ересями); эти обязанности позднее перешли к иезуитам.

[226] Примечания: 226

«Затем дружку Жаке Кордону...» — Жак Кардон (1423–?) — потомственный купец-суконщик.

168

169

170

171

172

173

174

Прости-прощай, моя тюрьма!
Я чуть не помер на отсидке;
Коль у Судьбы ко мне завидки,
Она совсем сошла с ума.
Ты мной, зловредная кума,
Уже натешилась в избытке —
Прости-прощай!

Так непосильна эта тьма,
Что, бросив тело и пожитки,
Душа, уставшая от пытки,
Несётся в горние дома.
Прости-прощай!

Затем получит мэтр Ломэ[227]
Траву с волшебного погоста,
Чтоб женщины, ни бе ни ме,
К нему лепились, как короста,
И чтобы мог он очень просто,
С любою шлюхой в сожитье,
За ночь отпестовать раз до ста,
В пошибе датского Ожье.[228]

Влюбленных, немощных от пыла
(Ален Шартье тут ни при чем),[229]
Взамен уставшего кропила
Дарю шиповничьим шипом —
И, словно в милый отчий дом,
Пускай захаживает в лоно,

---

[227] Примечания: 227

«Затем получит мэтр Ломэ...» — Пьер Ломэ — каноник, в обязанности которого по поручению Собора Парижской Богоматери входило следить, чтобы поблизости от храма не болтались гулящие девицы.

[228] Примечания: 228

«В пошибе датского Ожье...» — Ожье из Дании — герой средневековых рыцарских романов, обладавший необычайными мужскими достоинствами.

[229] Примечания: 229

«Ален Шартье тут ни при чем...» — Ален Шартье (ок. 1385–1433) — поэт, автор поэмы «Безжалостная прекрасная дама» (русский перевод Н. Шаховской — 1999), которую иной раз пародирует Вийон.

И пусть они поют псалом
За душу бедного Вийона.

Затем прижимистый Жан Жам,[230]
Сей наживала очень тонкий,
Пускай получит много дам,
Но ни одну не примет в женки:
Поскольку иначе деньжонки
По смерти мэтра утекут
К какой-то пройде и прожженке,
А не к свиньям в зловонный кут.

Я сенешалю-носопыре,[231]
Кто оплатил мои долги,
Дарю гусей, чтоб все четыре
Он им подковывал ноги.[232]
А если разума ни зги

---

[230] Примечания: 230

«Затем прижимистый Жак Жам...» — Жак Жам — владелец бани (видимо, и дома свиданий при ней). Жам неоднократно попадал в суд по обвинению в сводничестве.

[231] Примечания: 231

«Я сенешалю-носопыре...» — так Вийон называет Пьера де Брезе, возглавлявшего королевский суд в Нормандии.

[232] Примечания: 232

«Дарю гусей, чтоб все четыре / Он им подковывал ноги...» — приблизительный аналог русскому выражению «бил баклуши»: Пьер де Брезе при короле Людовике XI попал в немилость и оказался в тюрьме.

Не углядишь в подобной трепе,
Возьми стишонки да сожги,
Да и ступай себе в холопи.

Затем, чтоб несся налегке
Первоначальник нашей стражи,[233]
Ему Фильбера и Марке
Я оставляю вместо пажей:[234]
Они извертливы и ражи,
Да загостились у прево
И нынче плачут о пропаже
Всего добришка своего.

Дарю капеллу — Капеллану.[235]
Не одолел он букваря —
И потому, надев сутану,

---

[233] Примечания: 233

«Первоначальник нашей стражи...» — т.е. шевалье дю Гэ, начальник Ночной стражи Парижа.

[234] Примечания: 234

«Ему Фильбера и Марке / Я оставляю вместо пажей...» — дряхлые старики, которых Вийон «назначает в подручные» дю Гэ.

[235] Примечания: 235

«Дарю капеллу — Капеллану...» — Капеллан (точнее — Шапеллен) — не должность, а в данном случае фамилия сержанта охраны парижского прево, известного развратника, — по созвучию с фамилией, Вийон дарит ему сутану, капеллу — и предлагает служить мессу.

Пусть жарит мессу всухаря.[236]
А я, отшед от алтаря, —
Я тоже попасу овечек:
Где вьется женская кудря,
Там добрый нужен исповедчик.

И если темен мой завет,
То Жан Кале, большой честняга,[237]
Меня не зривший с тридцать лет
Ни в царской мантии, ни наго,
Пускай теперь содеет благо
И все неловкие места
Без сожаленья и оттяга
Пускай изымет дочиста.

Все вымарки и все приписки,
Все толкованья спорных мест,
Замены термина на близкий,
И подтвержденье, и протест —

---

[236] Примечания: 236

«Пусть жарит мессу всухаря...» — «сухая месса» — укороченная, без причастия.

[237] Примечания: 237

«То Жан Кале, большой честняга...» — Жан Кале — нотариус, надзиравший за правильностью составления завещаний узниками, содержавшимися в Шатле.

Как старой ступе старый пест,
Ему знакомы эти штуки;
И пусть, пока не надоест,
В своей усердствует науке.

И если б кто-то околел
И не нуждался больше в даре,
То всякий новый передел
Исполнит этот же нотарий;
А помирволит к алчной твари
И к никчемушному хлыщу, —
Чтоб надавать ему по харе,
Его и в пекле разыщу!

Моя разместится могила
В Сент-Авуа, где места нет;[238]
И коль не дороги чернила,
Пусть нарисуют мой портрет;
Но только, в избежанье бед,
Не надо тяжкого надгробка:
Оно покойнику во вред

---

[238] Примечания: 238

«В Сент-Авуа, где места нет...» — капелла Сент-Авуа находилась в августинском монастыре в Париже на втором этаже здания; в подобном месте никакого погребения быть не могло.

Лежать расплющенным, как пробка.

Ещё при случае таком
Прошу, чтоб возле пышной раки
Намалевали угольком
Легко читаемые знаки;
От них на камне и на лаке
Ни расцарапок, ни щербин,
Но о гуляке-забияке
Там будет ласковый помин.

ЭПИТАФИЯ

175

176

177

178

179

180

181

182

Здесь лег для беспробудной дремы,

Стрелой Амура уязвлен,
Школяр, с богатством не знакомый,
Чье имя — Франсуа Вийон:
Конечно, не из тех имен,
Что чтут банкиры и банкирши;
Он был игрец и гистрион,
И про него — такие вирши:

Того навеки упокой,
О Господи, в сиянье кротком,
Кто пробавлялся лишь оглодком
И кто ходил полунагой,
Кто спину выгибал дугой,
Кто землю щупал подбородком —
Того навеки упокой.

Кто был отверженец, изгой,
Чья задница привыкла к плеткам,
Но и сожмясь дрожащим сгнетком,
Себе судьбы желал другой, —
Того навеки упокой.

Затем из всех колоколов

Пускай ударят в самый тяжкий,[239]
Когда меня уложат в ров,
Пускай дрожат сердца и ляжки:
Ведь коль трезвонить без поблажки
И поутру и ввечеру,
Любая нечисть, как мурашки,
В свою запятится нору.

Для звонарей — четыре булки,
А если надо, то и шесть —
Из тех, что за свои охулки
Святой Стефан изволил съесть.[240]
Воллан, блюдущий стыд и честь,
Получит хлеб, а также барду,
А что Воллану не уместь,

---

[239] Примечания: 239

«Затем, из всех колоколов / Пускай ударят в самый тяжкий...» — колокол по прозвищу «Жаклин», с особым звоном, оповещавший с Собора Парижской Богоматери о бедствиях.

[240] Примечания: 240

«Святой Стефан изволил съесть...» — Св. Стефан — первый христианский мученик, побитый камнями в 33 г. по Р.Х. «Булки» в данном случае — камни, которыми был побит Св. Стефан.

Оставлю Жану де ла Гарду.[241]

Чтоб обрядить и погрести,
Необходим душеприказчик,
Который — Господи прости —
Не вложит дела в долгий ящик.
Пусть носит неказистый плащик,
Да на руку не будет лих;
И как степенности образчик,
Я выбираю шестерых.

Мартен Бельфе — он всех достойней[242]
Как правосудья цитадель,
Ну а к нему — для милой тройни —
Законоблюдец Коломбель[243]

---

[241] Примечания: 241

«А что Воллану не уместь, / Оставлю Жану де ла Гарду...» — Гийом Воллан, богатый торговец солью, звонарем быть никак не мог; к этому занятию привлекали лишь наибеднейших. Жан де ла Гард — упоминавшийся выше богатый бакалейщик, в звонари не годился по той же причине.

[242] Примечания: 242

«Мартен Бельфе — он всех достойней...» — Бельфе — советник парижского суда.

[243] Примечания: 243

«Законоблюдец Коломбель...» — Коломбель — королевский советник.

И достославный Жувенель,[244]
Но прозываемый Мишелем:
Пусть опростают свой кошель
И служат благородным целям.

А если бросят мне укор,
И заслезятся о растрате,
И двинут на попятный двор,
Тогда найдутся на подхвате
Мужи гораздо тороватей:
Филипп Брюнель и Жак Рагье[245] —
Не проходимцы и не тати,
В людском отличные живье.

Ещё назначу Жака Жама:[246]
Зане любой из этих трех —
Он в рай пойдёт легко и прямо,

---

[244] Примечания: 244

«И достославный Жувенель...» — Мишель Жувенель — глава корпорации парижских торговцев. Кроме того, он был организатором похорон короля Карла VII: Вийон хочет того же и для себя.

[245] Примечания: 245

«Филипп Брюнель и Жак Рагье...» — об обоих см. выше. Вийон называет сперва трех достопочтенных граждан, а если они не подойдут — трех проходимцев.

[246] Примечания: 246

«Ещё назначу Жака Жама...» — см. выше.

Хотя не знает, есть ли Бог.
Их не застигнули врасплох
Ни ревизовки, ни подсадки —
И даже свой последний вздох
Я им вверяю без оглядки.

Коль раскумекать нелегко
Мои заветы для профана,
Их огласит Тома Трико,[247]
На коем новая сутана;
Пивал я из его стакана,
С ним вел картежную игру;
Ему, дабы гулялось пряно,
Дарю Переттину Дыру.[248]

Я возжигание шандала
Препоручу Гийому Рю;[249]
Я гробовое покрывало

---

[247] Примечания: 247

«Их огласит Тома Трико...» — Тома Трико — соученик Вийона, в 1452 году получил степень лиценциата.

[248] Примечания: 248

«Дарю Переттину Дыру...» — «Дыра Перетты» — игорный дом напротив таверны «Сосновая шишка».

[249] Примечания: 249

«Препоручу Гийому Рю...» — Гийом дю Рю — оптовый торговец вином, парижский богач.

Распорядителям дарю.
Дарю собакам и псарю
И шкуру, и седые пряди.
Я весь болю, я весь горю —
И я взываю о пощаде.

БАЛЛАДА-ВОЗЗВАНИЕ ВИЙОНА О ПОЩАДЕ

Взываю к ворам и к монахам,
И к мозгляку, и к битюгу;
Взываю к тем, кто пустит прахом
Свою и землю, и деньгу;
Кто девку тискает в стогу,
Кто ходит в вычурном наряде;
Взываю к другу и к врагу:
Взываю к людям о пощаде!

Взываю к девкам-замарахам,
Кто вечно мелет пустельгу
И платья срамотным распахом
Манит сеньора и слугу;
И к торгашу, кто на торгу
За кадь всучает четверть кади;
Ко всем, кто у меня в долгу, —

Взываю к людям о пощаде!

Изъятье — лишь палачьим ряхам:
От них на каждом на шагу
Я пукал задом, екал пахом,
Обомлевал до ни гу-гу,
Жевал солому и лузгу —
И вот, в страдальческом присяде,
Дабы закончить недолгу,
Взываю к людям о пощаде!

Пусть черти, взявши кочергу,
Вас лупят спереди и сзади, —
А я, покудова могу,
Взываю к людям о пощаде!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ БАЛЛАДА

И тут кончается завет,
И тут кончается Вийон;
Вы для Вийона напослед
Устройте колокольный звон;
Оденьтесь в пурпур и в виссон,
Зовите девок-расфуфыр:

Вийон Амуром был сражен,
Когда оставил этот мир.

И слова истиннее нет:
Он был изгоем всех племен,
Он был немного приодет
И сильно был разнагишен;
Его единый балахон
Светился миллионом дыр;
Не оплатил он похорон,
Когда оставил этот мир.

Каким пришёл на этот свет,
Таким же точно вышел вон;
Амур, наславший столько бед,
Ещё и пнул его вдогон;
Вийона мучил ухозвон,
Вийон был немощен и сир,
Он был весьма ошеломлен,
Когда оставил этот мир.

Он Принцу отбивал поклон
И звал на поминальный пир;
Хлебал вино — и был хмелен,

Когда оставил этот мир.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рауль из Удана
СОН О ПРЕИСПОДНЕЙ

(ПЕРЕВОД Я. СТАРЦЕВА)

Во сне увидеть чушь — не диво,
Но сон порой речёт правдиво.
Вот и со мной такое было:
Во сне исполнился я пыла
Искать нехоженых путей —
Собрался тут же, без затей,
В пределы Ада прямиком.
Пока добрёл туда пешком —
Так за зимой настало лето.
Кого видал в Аду — про это
Вам не скажу сейчас ни слова,
Пока не распишу толково
Всё, что попалось на пути.
Легко и сладостно идти
Тропою, что ведет в геенну.
День миновал, и ночь на смену —
Ну ладно, сокращу рассказ.

Заночевал я первый раз
В Алчбе, одной из деревень,
В стране названием Подлень.
Как помню, в среду было дело,
И вот, в Алчбу вхожу я смело.
Там приняла в дому своём
Меня Завидня, с ней вдвоём
Мы славно время скоротали —
Её знатней найдёшь едва ли
Во всём селе; я, честь по чести,
За стол с хозяйкой, с нами вместе —
Каналья, с ней сестра, Ворина,
И Скупердея, их кузина.
Все трое прибежали скоро,
Лишь услыхав про визитёра —
Не часто, стало быть, извне
Бывают гости в их стране.
Но лишь притронулся к еде я —
Ко мне пристала Скупердея:
Как, мол, родня её живёт,
И как, мол, там скупой народ —
Довольны ли, и чем богаты,

За всё ли получает плату
Ей родственный сквалыжный люд.
Порадовал её: ведут
Так хорошо свои делишки
Скупцы, да скряги, да сквалыжки,
Что уж давно прогнали вон
Щедроты, чей удел смешон:
Щедротам не дают ни крохи,
Дела Щедрот совсем уж плохи —
Приюта нет, из дома гонят,
Угла под крышей — и того нет,
А уж пробиться к богачам —
Да ни за что, какое там!
Рассказ мой вызвал одобренье,
Каналья вслед, без промедленья,
Меня вопросом доняла —
Как у мошенников дела,
Чтоб отвечал я без утайки
Про плутни, выверты да байки,
Про тех, кто за неё держался.
В ответ я тут же расстарался,
И распотешил даму ту:

«Каналья стала в Пуату[250]
Сеньорой важной и судьёю,
Царит вольготно, и не скрою
Что замок Подлого Обмана
Она воздвигла невозбранно.
На высь холма он вознесён,
Стеной весь город окружён,
Там под защитой плутовство,
Так обнадежили его
Изменой, подлостью и ложью,
Что веру сбросили к подножью.
Таков правдивый мой рассказ —
Не нравится кому из вас?
Но это истина прямая,
Уж я пуатевинцев знаю,

---

[250] Примечания: 250

«Каналья стала в Пуату...» — по всей видимости, речь идёт об Алиенор Аквитанской (1122?–1204), герцогине Аквитании из Пуатевинского дома, последовательно бывшей французской и английской королевой. В тексте можно увидеть намёки на благодушное отношение аквитанского двора к катарам, на передачу аквитанского домена от Франции к Англии, на строительство в Пуатье городских укреплений, окружавших утёс с замком, и на воздвижение одной из первых в Европе городских башен (беффруа) — символов муниципальной независимости. Именно Алиенор Аквитанская подтвердила городские вольности Пуатье (в середине XII века город самовольно провозгласил коммуну, но был взят королём Франции Людовиком VII).

И мне известен их закон —
Каналью возвели на трон,
И под её лукавой властью
Живут довольно и в согласьи,
И ждут от плутовства совета».
Каналья вдруг в ответ на это
Давай безудержно смеяться,
И мне сквозь хохот признаваться:
«Пуатевинцев я вскормила —
Для них мои советы милы,
И кто другой им вряд ли нужен».
На том закончился наш ужин,
И гости сразу распрощались,
С хозяйкой мы вдвоём остались.
А утром я пустился в путь,
Не медля у неё ничуть:
Проснулся раннею зарёю,
Простился, и пошёл тропою
Которой брёл и прежним днём.
Как вышел, сразу за селом
Свернул налево, и пешком я
Добрался вмиг до Вероломья —

То бурелом, то буерак,
Я, как сумел, ускорил шаг,
Пробрался узкою дорожкой,
И увидал, пройдя немножко —
Ко мне, радушен и щекаст
Идет навстречу Заграбаст,
Обмана мастер и умелец,
И всех окрестных мест владелец.
Любезен он и щедр без меры;
Поддавшись на его манеры,
Остался я перекусить.
Ему ж не терпится спросить —
Что происходит в мире сущем,
И как живётся загребущим,
Его племянникам, и как
Себя ведет их злейший враг,
Дарений, — на его вопрос
В ответ я правду произнёс,
И вот моё повествованье:
«Дарений просит подаянья,
Несчастен, нищ, уныл, убог,
Печален, болен, очень плох,

К тому ж лишить его наследства
Найти сумели, видно, средство,
Он прозябает, что сказать.
И он бессрочно будет ждать
Призыва ко двору вельможи.
Недолго жить ему, похоже:
Дарений сердцем нездоров,
Болеет крепко без даров,
Его шпыняют, и клянут.
А Загребущий — тут как тут,
Известен, весел, полон сил,
Непуган, вовсе не уныл,
Здоров, и кажется большим —
Дарений карлик рядом с ним.»
Хозяин мой, услышав вести,
Вскочил от радости на месте,
Возликовал, — а я в дорогу
Стал собираться понемногу,
Куда я шёл — известно вам.
Чтоб не брести по бочагам,
Я тропкой боковой наверно
Пошёл до городка Таверна.

Уже я вижу цель пути —
Но прежде надо перейти
Реку, что многих утопила —
Обжорка ей названье было.
Я пересёк её с трудом, —
Теперь поди забудь о том!
Дурней не помню перехода.
В Таверну я вошёл — у входа
Меня приветила умело
Её хозяйка Грабителла,
И стала на ночь зазывать —
Что ж, я остался ночевать,
Но был игрою привлечён —
Верняк, Обсчита и Мухлён
Пристали там же на ночлег.
Ну что сказать? Иной вовек
Любезней не слыхал речей.
Все трое славных ловкачей,
Мухлён, Обсчита и Верняк,
Давай допытываться, как
Ведут себя, и как играют
Друзья, что в Шартре проживают,

Мансан и Шарль,[251] *и всё ли ладно,*
Их дружба всем троим отрадна,
Так есть ли весть из балагана,
Где обитают хитрованы?
Всё то, что про двоих я знал,
Не канителясь рассказал:
«Они вас любят, не скрывая,
Причина для того простая:
Доход свой делают на вас,
И вы должны в урочный час
Им унаследовать без спора» —
На этом месте разговора
Признали мудрой речь мою:
Людей немного в том краю,
Кто знает их со всех сторон,
Зато Обсчита и Мухлён
Мансана с Шарлем любят крепко,
И их наука въелась цепко.
В Париже им любой кабатчик
Немало сделает потачек,

---

[251] Примечания: 251

«Мансан и Шарль...» — ни здесь, ни далее, о конкретных персонажах, упоминаемых автором, ничего не известно.

И поклянусь Святым Петром —
Своим обязаны добром
Мухлёну, Верняку, Обсчите,
Другой причины не ищите,
Готье Морель, известный лгун,
Ещё аррасец Жан-горбун,
Эрмер, король жулья Гиар,
С болванов свой берут навар,
И обсчитаешь тут едва ли
Всё, что они намухлевали!
На тех моих словах опять
Давай Верняк меня пытать
Как там живёт Мишель из Трея,
Потом он, красок не жалея,
Мне расписал, как Лютый с шайкой
Сумели сделать попрошайкой
Жирара из Труа, — и точно,
Жирар завяз, я знаю, прочно,
И целиком у них в руках,
Давно остался на бобах,
И всюду с ними он, угрюмый,
Охвачен вечно мрачной думой,

Трепать его и потешаться —
Обычай давний развлекаться.
Средь всех, до новостей охочих,
Верняк-то знал получше прочих
Учеников своих повадки —
Давай смеяться без оглядки,
За ним другие, надрываясь —
Такого хохота, ручаюсь,
Не доводилось слышать вам.
Под этот смех явилась к нам
Хмелина, матушка Буяна —
Сын за неё держался пьяно.
Детина рослый и здоровый,
А нравом — дерзкий и суровый,
И хвалится пред всем народом,
Что, мол, из Англии он родом.[252]
На Малыша Готье похож —
Другого, право, не найдёшь,
Чтоб был во всём ему подобен,
Огромен так же, так же злобен,

---

[252] Примечания: 252

«Что, мол, из Англии он родом» — англичане пользовались репутацией пьяниц и забияк.

Вдвоём смотрелись бы прекрасно,
И там уж пыжиться напрасно —
По силе их не превзойти,
Парней мощнее не найти,
Буян широк, рукаст, ногаст —
И силачу урок задаст.
Я понял, на себе проверя:
Едва Буян вломился в двери,
Он ни мгновенья не терял —
Так сильно вдруг меня прижал,
Что вижу — явно будет драка,
Не увернуться тут, однако,
Лишь защищаться успевай —
Как если б я в бретонский край,
В Гвинлан заехал ненароком,[253]
Где всех приветствуют наскоком.
И тут же мне твердит хозяйка —
Мол, пофехтуй-ка с ним, давай-ка!
Хмелина, как дождавшись часа,

---

[253] Примечания: 253

«В Гвинлан заехал ненароком» — в упомянутом местечке в Бретани существовала традиция вызывать всех приезжих на кулачный или палочный бой (занимались этим и дворяне, что ещё несколько столетий давало повод для шуток по поводу манер бретонского дворянства).

Достала вмиг два талеваса,[254]
Как раз к такому состязанью,
У прочих вызвав ликованье.
Вот, каждый гневом распалён,
Оружьем нужным наделён —
Оксерской выделки дубина
И у Хмелининого сына,
И я такую же схватил.
Мой пробный выпад он отбил,
Я бью сплеча — не тут-то было,
Дубьё защиту не пробило,
Он в контратаку — я назад,
Он тут же сделал перехват,
Такой удар нанёс — клянусь,
Я понял, что не увернусь,
Он так сумел меня достать —
Не получилось устоять,
Я влево сильно наклонился,
И набок чуть не повалился,
Уже не удержав удара.

---

[254] Примечания: 254

«Достала вмиг два талеваса» — талевас — маленький пехотный щит, видимо аналог английского баклера.

Но битва не теряла жара —
И бой продолжить он готов,
В атаку вновь, без лишних слов,
Меня теснит, ему в ответ
Я бью тычком, но пользы нет —
Он приложить меня сумел
Так, что я мигом ошалел —
По голове удар пришёлся,
И как в угаре я зашёлся.
Тут завершилась потасовка:
Буян меня за руку ловко
Схватил, крутнул через бедро
Английским хватом, и шустро
Об землю ухитрился грохнуть —
Там не успел никто и охнуть.
И все стоявшие вокруг
Меня ничком узрели вдруг,
Я был распластан, без движенья,
И сам не свой от униженья.
Хмелина стала мне подмогой —
Приподняла меня немного,
Чтоб голову пристроить мог

Ей на колени; а сынок
Такую речь сказал: «Друг мой,
Дрались многие со мной,
Здесь нету никакого чуда —
Я всех их побеждал покуда.
Гильома из Салерно даже,
Хоть он силён в кабацком раже,
Клянусь, я всем другим на смех
Перевернул ногами вверх».
И поименно перебрав
Ещё немало — вы, узнав,
Над ними долго б хохотали, —
Он всё хвалился, но едва ли
Я буду всех перечислять,
Приличья тоже надо знать.
Ушёл он, я валялся шало,
Хмелина же не оставляла
Меня заботою всю ночь,
Жалея и стремясь помочь.
Я подчинился ей охотно,
Ведь было мне весьма тошнотно,
И всё и ныло, и болело.

Доверившись Хмелине смело,
Я с ней покинул общий зал
И по двору проковылял, —
Она с участьем, как родня,
По-вдоль Блудилища меня
Влекла, и, несмотря что мгла,
В Бордельный замок привела.
Ох, сколько было там народа!
Стыдоба, дочка Греховода,
Меня встречала у ворот,
Но тут же принял в оборот
Крадун, — Темнот ему родитель,
И в замке он привычный житель.
И слова я не произнёс —
Устроил мне Крадун допрос,
Пытая, как его людишки
У нас ведут свои делишки.
Я отвечал без лишней дрожи,
Что ввел король закон построже,
Прижал мошенников настолько,
Что воли нет ворам нисколько.
Так рассказав про всё правдиво,

Я стал расспрашивать учтиво
Дорогу к Адской цитадели —
Крадун с Хмелиной подоспели,
С большой охотою любезной
Мне дали вмиг совет полезный:
«Пути осталась половина —
Пойдёшь сначала вдоль Злобины,
До Горлопырья, а потом
Не отклоняясь, прямиком
До Расправиля добредёшь,
Как шибеницу обогнёшь,
И дальше следуй — там изрядно,
Но всё в дороге будет ладно,
Нельзя лишь тропку покидать,
А там уже рукой подать,
И в самый Ад прибудешь скоро».
Тут я, закончив разговоры,
Простился вежливо на этом,
И внял их дружеским советам,
Дабы продолжить путь скорее,
Всё к той же цели тяготея.
Едва ль смогу упомянуть я

Все грады, сёла, перепутья,
Где странствие меня вело,
Но время всё-таки пришло —
Я до Отчаянья добрался,
Ликуя — сколько ни скитался,
Подобной радости не знал:
Отчаянье — скопленье скал,
Где Адская стоит твердыня.
Предсмертие посередине —
Не больше лье, а там тотчас
В Геенну попадешь как раз:
Один короткий переход
До самых Адовых ворот.
Вошёл — и сразу стало лестно,
Так принимают здесь чудесно:
Все добродушны и милы,
Бегут, чтобы накрыть столы,
Как будто гостя долго ждали.
Меня привратники не гнали,
Вошёл свободно, — нынче знаю,
Манера адская такая:
Как пир — так двери нараспашку,

Любого пустят побродяжку,
Для всех открыты двери Ада
И гостю каждому тут рады,
И сразу примут без различий.
Давно забыт такой обычай
Во Франции: затворены
Все двери, если без мошны
Явился — точно не войдёшь,
А в Преисподню всякий вхож,
Пришёл — тебе и стол, и дом,
Я об обычае таком
Лишь с похвалою вспоминаю.
И вот, я прямо в Ад вступаю,
Все веселы, и там, и тут,
Навстречу радостно бегут.
А царь, владетель Преисподни
Свой двор созвал как раз сегодня —
И роскошь ту не описать.
Съезжалась дьявольская знать —
Там были Адовы вассалы,
Вельмож значительных немало;
Когда, в количестве безмерном,

Они проехали Аверном,[255]
И развернулась кавалькада,
Решил я было, что ограда
Святейшей Церкви снесена —
Толпа числом была страшна,
И каждый двигался верхом.
Царь Преисподни за столом
Вокруг себя их рассадил,
Всех тех, кого он пригласил.
Я поднимался торопливо
В чертог украшенный на диво;
Кюре, епископы, аббаты
Меня там приняли как брата.
Пилат и Вельзевул вскричали:
«Рауль, тебя мы долго ждали!
Откуда держишь путь?» — «В Саксонской
Земле я был, потом в Бургонской,
В Ломбардии, ещё в Шампани
И в Англии бывал я ране.»

---

[255] Примечания: 255

«Они проехали Аверном» — Аверн — пещера в Италии, которую в античности считали входом в царство мёртвых.

«Ну что ж, ты вовремя явился,
Когда бы не поторопился —
Не дождались бы, право слово,
Ведь яства-то как раз готовы» —
Так Вельзевул ответил мне.
И ни в какой другой стране
Таких богатых угощений
Я не видал, — и блюд отменней,
Чем подносили нам на пире,
Поди, нигде не встретишь в мире,
И я доволен был и рад.
Уже прислужники спешат
И расстилают торопливо —
Поверьте, говорю правдиво, —
Большие скатерти из кож
Менял, жалевших каждый грош.
Сам царь за скатертью сидит,
И каждый на него косит,
И вторит — слева или справа,
Как бы по одному уставу.
Сиденье дали мне чудное —
Два публикана вверх спиною,

И ткач был для меня столом.[256]
Служитель подошел с жезлом,
Мне выдал скатерку особо —
Из кожи шлюхи высшей пробы,
Была она довольно длинной.
Я в двух шагах от властелина
Сидел — ведь дал он повеленье,
Чтоб я в ту ночь в его владеньи
Был принят славно и не худо.
Вот первое готово блюдо —
И положили перед нами
Большими щедрыми кусками
Бретёров битых в чесноке,
И уж никак не налегке
Мы после этих порций были.
Второе блюдо нам служили,
Ростовщиков в своём соку —
Вас описаньем развлеку —
Запечь их повар чудно смог,

---

[256] Примечания: 256

«Два публикана вверх спиною, И ткач был для меня столом» — публиканы, ткачи — религиозные общины катарского толка, существовавшие особенно в северной Франции.

Чужой накопленный жирок
Везде висел в томленьи тяжком —
На ребрах, вырезках, по ляжкам,
А жира в каждом — на два пальца,
И некуда добавить сальца,
Хотя б и Адом всем взялись.
Привычки эти завелись,
Скажу по правде, уж давненько:
Едят ростовщиков частенько
Во время трапез преисподних,
И свеженьких, не прошлогодних,
Хоть будь сезон иль не сезон —
В Аду к ним каждый приучён.
Но вот слуга нам в свой черёд
Спеша разбойников несёт
В чесночном крепком маринаде,
Багровых спереди и сзади —
В крови зарезанных купцов,
Кормивших этих удальцов.
Другое блюдо вслед за тем —
Оно пришлось по вкусу всем:
Лежалые до жижи спелой

Кусочки шлюхи перезрелой,
В свищах, как старая ослица —
Тут гости все давай дивиться,
И яство со стола сметать,
Чтоб после пальцы облизать,
А вонь от блюда — врать не буду,
Мне блазнится и нынче всюду.
Царь после этой перемены
Закуски приказал отменной,
И гости — ну кричать «Ура!» —
Катары, только что с костра,
Парижским соусом облиты,
И ересью своей набиты,
Да их, по общему решенью,
Приправили огнём до жженья,
Потом, для большего приятья,
Ещё добавили проклятья.
Вот, значит, в соусе таком
Их принесли ещё с дымком
На вертелах на этот пир,
И царь, нетерпелив и щир,
Сам мясо раздавал гостям,

И все жевали тут и там,
Доволен был властитель Ада,
И всем досталось, сколько надо,
Летели яству похвалы,
И дружно чавкали столы,
И каждый за соседом вслед
Твердил — вкуснее пищи нет,
А может быть, и не бывало —
Потом еретиков немало
Нам подносили, но клянуся,
Что нету в них такого вкуса,
Той остроты и пряной силы,
Что в жареных катарах было —
Как будто таяли во рту,
И расходились на лету.
Но точит местный люд сомненье,
Что вышло это угощенье —
И ждут с надеждою Гормона,
А с ним — его людей колонны:[257]

---

[257] Примечания: 257

«И ждут с надеждою Гормона, А с ним — его людей колонны» — Возможно, имеется в виду кто-то из связанных с катаризмом сеньоров де Грамон, например Вивиан II или Реймон II.

Ведь клялся он, что будет тут,
А что с ним делать, здесь найдут:
Я слышал, что Гормон с толпою
Уже намечен на жаркое.
Вслед ложноверцам ароматным,
Восторгом встретили понятным
Мы фаршированных сутяг,
Судившихся и за пустяк,
Неправого суда искавших,
Во многих тяжбах понабравших
То отступных, то разных пеней,
То денег, или же имений,
Кто не чурался плоти груза,
Себе отращивая пузо.
В Аду их кушают в охотку,
Довольно отправляя в глотку,
Но также делают из них
Такие блюда, о каких
Вы не слыхали, полагаю:
От адских кухарей я знаю,
Секреты хитрые готовки.
Рвут до корней, со всей сноровки,

Сутягам языки из зева,
Затем, почти без подогрева,
Томят их в каверзных изветах,
Припустят в попранных обетах,
Добавят кляузное слово,
И блюдо уж почти готово,
Пока не тронуто огнем,
Но чтобы смак явился в нем,
Решают дальше по натуре —
Чьи языки варить в фритюре,
Чьи жарить на подкожном сале,
Что дрязгуны понагуляли.
Потом огня чуть-чуть добавят,
И суезлобием приправят,
Да сбрызнут клеветой изустной.
И чуда нет, что труд искусный
В Аду высоко оценен,
Хвалы летят со всех сторон,
Иной дрожит от вожделенья,
Когда своё произведенье
В злоречьи повар обваляет,
И взбитой ложью увенчает.

Понятно, первый кус — царю,
И, я вам верно говорю,
Царь языки так ценит эти,
Как больше ничего на свете.
Он славил блюдо, — и хвалы
Вмиг облетели все столы.
Кто видел здешний обиход,
Охотно новость донесёт
До лжесвидетелей и ябед:
В Аду лелеют, не похабят
Людей сутяжных языки,
Они тут вовсе не горьки.
А дальше — захватило дух —
Из дряхлых смрадных потаскух
Уже готовы тарталетки.
Вот это славные заедки —
Аж каждый облизнулся жадно,
Почуяв их душок отрадный.
Взамен сыров — несут отменных
Младенцев свежеубиенных,
Поздоровей иных здоровых!
Подобных кушаний готовых

Не сыщешь никогда на рынке,
Вот сыр и гложем по старинке.
А после мы досыта ели —
Судейских, рубленых на кнели,
Ханжей, пряжёных в лицемерьи,
Монахов чёрных в маловерьи,[258]
Поповских потаскух с лучком,
Бенедиктинок с чесночком,
И содомитов под позором —
Да, мой рассказ не вышел скорым,
И то не всё назвал, что было:
Там до отвала всем хватило.
Взамен вина вливали в глотки
Бесчестье, подлость и мерзотки —
И, в общем-то, выходит скверно:
Пьют мало, а едят чрезмерно,
Такой уж заведён порядок.
До новостей ужасно падок,
Царь Преисподни вновь со мной
Заговорил, когда большой

---

[258] Примечания: 258

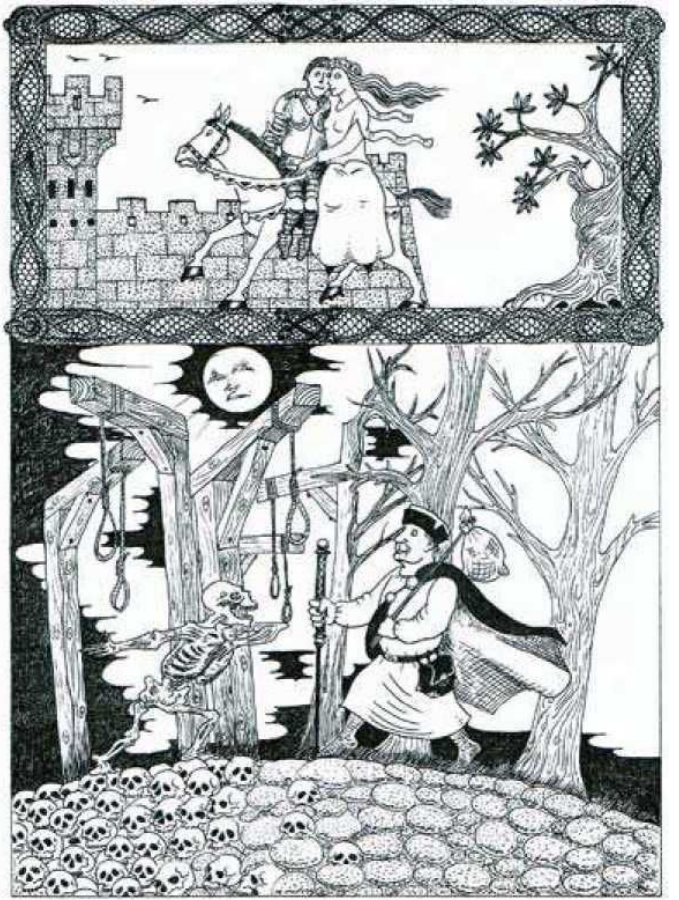
«Монахов чёрных в маловерьи» — «чёрные монахи» — бенедиктинцы, по цвету рясы.

Уже закончился прием.
Расспрашивал о том, о сём,
Как вышло, что попал я в Ад —
Я рассказал про всё подряд,
Подробно, честно и учтиво.
Царь, видя — речь моя правдива,
Мне оказал большую честь —
Он книгу приказал принесть,
Умельца знатного творенье, —
И в книге той, без умаленья,
Расписаны грехи и буйства,
И преступленья, и безумства,
Всё зло, какому можно быть,
За что, кого и как судить.
Раскрыть он книгу повелел,
И зачитал мне, что хотел.
Сказать ли, что услышал я?
На каждого глава своя,
И все безумцы-менестрели
Свою б судьбу там углядели,
Там всё разъяснено подробно.
А царь: «Не правда ль, бесподобно

Им будет адское житьё —
Нескучно царствие моё,
И всем веселья — по делам».
А вслед за тем уже я сам
За мудрый взялся фолиант —
И подивился на талант
Того, кто написал сей труд:
Жонглеры жалкие найдут
Там рифмы золотой образчик,
А из меня дурной рассказчик.
И вот, изложены стихами
Злодейства мерзкие с грехами.
Сказать и страшно, и печально:
Там про любого досконально
Проступки выписаны в ряд,
И упустили что навряд,
Я самолично видел строки —
И разузнал про все пороки,
И кто какую сделал гнусь —
Я всё запомнил наизусть,
Да и попробуй-ка забудь!
Всё расскажу когда-нибудь,

Подробно, несмотря на лица —
Поверьте, есть чему дивиться.
Что дальше было? Я намучал
Немало строк, пока наскучил
Царю сей перечень унылый,
Властитель вежливый и милый,
Он мне пожаловал, как гостю,
Монеток адовых две горсти, —
Я закупил на них сукнишка.
Вот, времени прошло не лишку,
Как вдруг насельники Геенны
Вооружились все отменно,
И принялись коней седлать —
Великая, большая рать
В поход пошла на наши страны,
И тут уж я вам врать не стану —
Поднялся гомон, крик и вой,
Как воинство рванулось в бой.
И хоть рассказ про это тяжек,
Всё так и было, без натяжек.
Обратно я засобирался,
Со мною каждый попрощался,

И пробудился я тотчас.
Настолько полон мой рассказ,
Что не добавишь тут ни слова,
Пока не будет сна другого.
Таков, без лжи и без обмана,
Был сон Рауля из Удана.
Здесь кончен «Сон о Преисподней»,
Спасибо милости Господней.
А после будет сон о Рае,
Куда попасть я уповаю.



Франсуа Вийон
ДВЕ БАЛЛАДЫ

(ПЕРЕВОД Г. ЗЕЛЬДОВИЧА)

БАЛЛАДА
ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА

В моём ручье песок, а не вода;
Я легче ветра, на подъем тяжел;
Мне сторона родимая чужда;
В темнице я покой себе нашел;
Я разодет, я по-червячьи гол;
С улыбкой плачу, без надежды жду;
Мне голодно, где подали еду;
Мне холодно, где теплится очаг;
Учуяв след, я медлю на следу,
Желанный гость, отверженный чужак.

Сомненьями душа моя тверда;
Гляжу наверх, а вижу только дол;
Я верую, не веря никогда;

Я нехотя свершаю произвол;
Всё съединив, я учиню раскол;
Я стукнусь в двери — и тотчас уйду;
Когда лежу, боюсь, что упаду;
Топчась на месте, я проворю шаг;
С волком хорош, с людьми я не в ладу,
Желанный гость, отверженный чужак.

Я, победив, сгораю со стыда;
Я потерял всё то, что приобрел;
Мне молвят «нет» — и слышится мне «да»;
А истина родится из крамол;
Кому вороной кажется орел,
В таком безумце мудреца найду;
Кто помогал, втравил меня в беду;
Мне всё едино, ибо всё не так;

Я слеп к тому, что прямо на виду,
Желанный гость, отверженный чужак.
О принц, в каком изволите году
Язык я общий с мёртвыми найду;
Я розен, я со всеми одинак;
Скостить словес ненужную чреду —

Желанный гость, отверженный чужак.

БАЛЛАДА ПОСЛОВИЦ

Где сто волков, там сотня коз;
Тогда бадья, когда дырява;
На то и горн, что ярче роз;
Когда пастьба, тогда потрава;
Коли дурная, значит, слава;
Отобран, ежели не дан;
Раззява, коль зовут — раззява;
Скажи «вино» — и будешь пьян.

Тогда ответ, когда вопрос;
Тогда болит, когда поправа;
На то парик, что нет волос;
Кто клянчит, тот имеет право;
Что драгоценно, то коряво;
То глянется — клади в карман;
Горька всеобщая забава;
Скажи «вино» — и будешь пьян.

Какая кость — такой и пес;
Такой певец, какое браво;

Что стерегут — пойдёт в отброс;
Где не присядешь — там и лава;
Где не торопятся — облава;
Кто поспешил — спешил в капкан;
Крепки объятья у удава;
Скажи «вино» — и будешь пьян.

Когда с улыбкой, то всерьез;
Какой плюмаж — такая пава;
Кто щедро дал — тебя обнес;
Где жирно, там потом костляво;
Кто набожный, тот из конклава;
Когда барыш, тогда — изъян;
На все дела — одна управа;
Скажи «вино» — и будешь пьян.

О Принц, сужу я нелукаво:
Какой доход, такой обман;
На то и скит, что без устава;
Скажи «вино» — и будешь пьян.

ПРИМЕЧАНИЯ[259]

Собранные в этой книге стихи написаны на двух языках — старофранцузском и среднефранцузском. Различий между ними достаточно для того, чтобы языки считались разными — меняются лексика, грамматика, фонетика, стили речи; на повседневно-литературном уровне проявляется это в том, что, например, Жан Молине в конце XV пересказывает — по сути, переводит — на современный ему язык написанный в XIII веке «Роман о Розе», чтобы сделать его более понятным для современников. Другой известный пример — «Баллада на старофранцузском» Франсуа Вийона, представляющая собой стилизацию, не более: грамотно писать на старофранцузском в XV веке уже никто не мог. Хронологической границей между старо- и среднефранцузским обычно считают середину XIV века, когда стандарты литературного языка обновляются и закрепляются на протяжении сравнительно небольшого срока в несколько десятилетий.

В старофранцузском очень заметно присут-

---

[259] Примечания: 259
Примечания, кроме оговоренных особо, составлены Я. Старцевым

ствие разных диалектов — настолько, что и терминология здесь плавающая: кто-то говорит о диалектах старофранцузского языка, кто-то — о множестве «языков ойль», среди которых франсийский (т.е. выступающий в роли модели для старофранцузского) существует наряду с нормандским, пикардийским, берришонским, бургундским, пуатевинским и прочими. Однако письменная традиция стирает существовавшие в живой речи различия: регулярные взаимосвязи культурных центров, как и перелицовка текстов писцами, происходившими из разных регионов, неизбежно ведёт к стандартизации. Если в устной речи проблемы взаимопонимания, особенно среди необразованной публики, сохранялись до середины XX века, то в большей части средневековых манускриптов лишь отдельные слова, особенности рифмовки и орфографии позволяют судить о родном диалекте автора, — или писца, использовавшего привычные формы написания слов и привычные созвучия при корректировке рифм. Одно из исключений, где диалектные особенности проникают в длительную письменную традицию — англо-нормандский язык, т.е. язык пришедших из Нормандии в XI веке завоевателей Англии и их потомков. Более последовательные

попытки создания собственной литературы на местных языках относятся уже к XVIII–XIX векам, периоду регионалистского возрождения.

Стихосложение в романских языках (как и во многих других) — силлабическое, т.е. основанное исключительно на счёте слогов. Распределение ударений в строке не учитывается при определении размера, и влияет только на индивидуальную мелодику и интонационную окраску стиха. Одним из следствий является ограниченный выбор стихотворных размеров: для французов это преимущественно сочетания или изолированное использование восьми-, десяти- и двенадцатисложника, с редким и поздним появлением пяти- или семисложного стиха. В традиции русского перевода принято передавать эти размеры соответствующими им по количеству слогов силлабо-тоническими размерами, чаще всего — ямбом (соответственно, четырёх-, пяти- или шестистопным), — хотя существовали и попытки воскрешения в переводах русской силлабики, например — в работах Б.И. Ярхо. Другое следствие — уже в средневековье французская поэзия стремится к разнообразию строфических форм, которые часто позволяют лучше индивидуализировать стих или определить специфику

жанра. Если ранняя и простонародная поэзия использует смежную рифмовку без выделения строф (и эту традицию можно увидеть во многих стихотворных завещаниях), то менестрели и жонглёры, а также поэты-любители, не только импортируют провансальские строфические формы, но и изобретают свои, — так появляются и «гелинандова строфа», и разные виды секстин, и рондо, баллады, вирелэ или ротруэнги. Формы эти получают всё большее разнообразие на протяжении средних веков, и к XV веку одних только вариантов баллады насчитывается больше десятка.

Дело, однако, в том, что средневековые стихи сочинялись преимущественно для пения, и подчиняются музыкальным правилам не в меньшей степени, чем законам стихосложения. Песенный характер поэтической речи был настолько очевидным, что появление в XI–XII веках стихов, не предназначенных для пения, потребовал введения специального термина для их обозначения — dit, т.е. «речение», «слово»,[260] то, что не поётся, а декламируется; в этом же значении исполь-

[260] Примечания: 260

В русскоязычной литературе используется вариант перевода «сказ», но эти произведения не имеют ничего общего ни с былинами, ни со сказками, ни с прозаическим пересказом легенд.

зуется слово vers, «стих» — в отличие от песни. «Завещания», естественным образом, относятся к этой декламационной поэзии, что предопределяет меньшее разнообразие строфических форм, чем в создававшейся для пения лирической поэзии трубадуров и труверов. При этом декламационная поэзия не знает правила альтернанса, утвердившегося лишь в XVI веке: чередование мужских и женских рифм не обязательно и случайно, оно не вписывается в какие-то правила и закономерности.

У средневековых французских авторов довольно однозначный подход к рифме. С одной стороны, рифма всегда точная, хотя и редко оказывающаяся богатой (немногочисленные примеры неточной рифмы чаще всего объясняются через диалектные особенности, т.е. в родном наречии автора сбоя звучания не было). В то же время, тавтологическая, омонимичная и особенно однокоренная рифмовка используется чрезвычайно широко, у многих поэтов становясь самостоятельным изобразительным средством (как, кстати, и столкновение множества однокоренных слов в одной строке или в смежных строчках). В эпоху высокого средневековья подобная страсть к однокоренным, равно как и

широкое использование омонимии и омофонии, часто оказывается скорее индивидуальной манерой того или иного автора (например, Рютбёфа или Ватрике из Кувена), но к XV веку, во многом благодаря стараниям «великих риториков», становится банальным стихотворческим приёмом, который сто лет спустя с презрением осмеивают поэты «Плеяды».

ЖЕАН БОДЕЛЬ

Жеан Бодель (1167? — 1209/1210) мог бы носить лавры первого поэта новой, собственно французской поэтической традиции, отличающейся от окситанской, — и не сводимой потому к названию «труверов», т.е. северофранцузских эпигонов окситанской поэзии трубадуров. Традиции, которую литературоведы иногда называют «городской» — в противовес не только куртуазной, но и монастырской пиетической традиции, равно как и узкокорпоративой школярской. Как и большая часть городских поэтов того времени, Бодель отметился в разных жанрах: и условно куртуазном (несколько пастурелей), и фаблио, и эпическая поэма с элементами рыцарского романа («Песнь о саксах» — на русский название часто переводят как «Песнь о саксонцах»), и пьеса — «Игра о святом Николае». И, наконец, «Прощания» — сразу новый жанр; комментаторы характеризуют их как самое оригинальное произведение Боделя.

Поэт написал «Прощания» в 1202 г., будучи болен проказой (белой, судя по всему), что и послужило непосредственным поводом для сти-

хотворения: Бодель обращается к горожанам с просьбой собрать денег для помещения его в лепрозорий. В тексте болезнь постоянно упоминается, но лишь один раз называется прямо. Оставшуюся часть жизни он проводит в лепрозории и, соответственно, «Прощания» — его последнее произведение. Через 70 лет аррасец Бод Фастуль пишет свои «Прощания» точно в такой же ситуации, явно ориентируясь на текст Боделя, той же элинановой (гелинандовой) строфой.

Существует гипотеза — окончательно не подтверждённая, но и не опровергнутая, — что «Прощания» представляют собой виртуальное путешествие по Аррасу: Бодель перечисляет конкретных адресатов в порядке, который возможно соответствует маршруту движения городской стражи, от одного дома к другому, — или просто путешествия от предполагаемого места пребывания автора. Адресаты Боделя — коллеги по цеху, аррасские горожане и знать; городские реестры сохранили упоминание о большинстве этих людей, но никаких подробных данных биографического или профессионального характера.

Бодель интересен тем, что использует гелинандову строфу совсем не так, как Гелинанд из Фруамона. Вместо того, чтобы цепляться одна

за другую, формируя нерасторжимую цепочку, каждая строфа у него наособицу, — причём некоторые представляют собой чуть ли не готовые сонеты, с точки зрения внутренней динамики. Видимо, неслучайно в сохранившихся рукописях порядок строф в некоторых местах перепутан и восстановлен публикаторами лишь условно. В нескольких сохранившихся рукописях (в двух из семи) текст содержит две дополнительные строфы, которые сейчас признаны поздними добавками неизвестного автора, поскольку не соответствуют ни содержанию, ни языку остальных строф; в нашем переводе эти дополнительные строфы не учтены.

Перевод выполнен по изданию: Les congés d'Arras (Jean Bodel, Baude Fastoul, Adam de la Halle) / Ruelle P., ed. Paris-Bruxelles: Presses Universitaires de France — Presses Universitaires de Bruxelles, 1967.

АДАМ ДЕ ЛА АЛЬ

Адам де ла Аль, «Аррасский Горбун» (между 1240\1250 — 1288\1289, или после 1306) — безусловно, самый знаменитый французский автор XIII века: поэт, композитор и драматург. Как и было принято в те времена, свои произведения он исполнял сам. Вопреки прозвищу, горбуном он не был — прозвище перешло по наследству, но зацепилось; один из современников шутил насчет аррасца, «что рифмует так горбато». Отец поэта, Анри Горбун, был, вероятно, на службе у муниципалитета. Возможно, Адам учился в цистерцианском аббатстве в Вошеле, или, что менее вероятно, в Париже и Орлеане. В 1280-х гг. он отправляется в Неаполь в составе свиты графа Роберта II д'Артуа.

Сохранившиеся произведения Адама — две пьесы (на русский переведена одна, «Игра о Робине и Марион»; Адам де ла Аль считается первым французским автором светских драматических произведений), 36 песен, 46 рондэ, 14 рондо, вирелэ, балетта, от 5 до 11 мотетов, 18 жё-парти (совместно с другими участниками) и три произведения декламационного жанра: «Проща-

ния», «Слово о любви» и незавершённые «Стихи о смерти». Рондо и песни Адама переводились; он известен как первый композитор, широко использовавший полифонию в светской музыке.

«Прощания» написаны в развитие традиции, заложенной Жеаном Боделем, но Адам тут производит типичную для средневековья перестановку с ног на голову. «Прощания» Боделя и его младшего современника Бода Фастуля — «последнее прости» людей, отправляющихся в лепрозорий, т.е. фактически на тот свет, и это прежде всего благодарности остающимся и просьбы о помощи. Адам пишет свой текст перед отъездом — то ли в Дуэ, то ли в Париж, то ли в Неаполь; то ли скрываясь от налоговой, то ли для учебы, то ли с графским двором (и то, и другое, и третье, как будто, имело место). Никакого трагизма, наоборот — радость сказать всем этим людям, что он о них думает, — с сохранением отчасти стилистики, но главное строфической формы памятных современникам прежних «Прощаний». Адресаты Адама — представители влиятельных буржуазных семей Арраса.

Перевод выполнен по изданию: Les congés d'Arras (Jean Bodel, Baude Fastoul, Adam de la Halle) / Ed. de Pierre Ruelle. Paris-Bruxelles, Presses

Universitaires de France — Presses Universitaires de Bruxelles, 1967.

РЮТБЁФ

Рютбёф (ок. 1230 — ок. 1285; настоящее имя неизвестно, а поэтическое прозвище буквально означает «грубый (неотесанный) бык», «Бычара») был, вероятно, родом из Шампани, но его жизнь связана преимущественно с Парижем. Биографических сведений о поэте почти не сохранилось; многие предположения основаны на аллюзиях, содержащихся в творчестве Рютбёфа, не позволяющих отделить художественный вымысел и риторические преувеличения от биографических фактов. Почти забытый в XV–XVIII вв., Рютбёф, как и многие средневековые поэты, заново «открывается» в XIX в., а позже признается безусловным классиком французской литературы, занимая почетное место в хрестоматиях, антологиях и исследованиях. Применительно к XIII–XIV вв. Рютбёф часто рассматривается как яркий пример языковой вычурности, игры с словами, характерной для средневековой поэзии в целом.

Творчество Рютбёфа разнообразно; наиболее известны (и переводились на русский) его антимонашеские памфлеты, связанные с конфликтом Парижского университета и руководства неко-

торых орденов, где поэт был на стороне университета. Кроме того, важную роль в восприятии творчества Рютбёфа играет стихотворная драма «Действо о Теофиле» — одна из ранних вариаций на фаустовскую тему, переведенная в своё время А. Блоком, — и некоторые стихотворения, объединяемые современными публикаторами в цикл «Стихи обездоленного» (к ним относится и «Покаяние Рютбёфа»), а также написанные им фаблио. Практически неизвестны русскоязычному читателю и мало комментируются во Франции пиетические произведения Рютбёфа (стихотворные жития святых, видения), панегирики покровителям и иронико-риторические стихи о крестовых походах.

«Покаяние», по всей видимости, отмечает какой-то переломный момент в поэтике Рютбёфа, в начале 1260-х гг.: как правило, его сатирические и фривольные произведения датируются до этого времени, а религиозная тематика появляется после.

Перевод сделан по изданию: *Rutebeuf*. Oeuvres complètes / éd. de M. *Zink*. P.: Bordas, 1989. T. II.

НИКОЛЬ БОЗОН

Николь Бозон (до 1290 — после 1350), францисканский монах, был родом из Норфолка, учился в Оксфорде, однако большую часть жизни, видимо, провел в окрестностях Ноттингема, в каком-то из тамошних монастырей. Известно, что у Бозона было право, обычно имевшееся только у епископов, отпускать грехи людям, отлученным от церкви за насилие, причиненное лицам духовного звания.

Всё его литературное наследие написано на англонормандском языке, — т.е. на одном из языков «ойль» или, в другой терминологии, на одном из диалектов старофранцузского. По существу, это один из последних крупных франкоязычных авторов, живших в Англии: произведенная вскоре Дж. Чосером «языковая революция» делает новым языком литературы уже английский, тогда как англонормандский постепенно исчезает из литературы и из обихода. Собственно наследие Николя Бозона — сборник exempla (поучительных историй), чрезвычайно популярный и даже переведенный на латынь, аллегорические поэмы, в т.ч. весьма занимательная «Колесница

Гордыни», стихотворные жития святых, гимны Богоматери и проповеди, одна из которых здесь и представлена.

Перевод выполнен по изданию: Meyer P. Notices et extraits du ms. 8336 de la bibliothèque de sir Thomas Phillipps, à Cheltenham // Romania, # 13, 1884.

ВАТРИКЕ ИЗ КУВЕНА

Ватрике Брассенье из Кувена (до 1319 — после 1329) не оставил о себе никаких биографических данных, кроме имен покровителей, при дворах которых он подвизался: Гоше Шатильонский, Ги Шатильонский, графы Блуа и Авен. Вместе с тем, его творческое наследие сравнительно невелико (32 произведения), но разнообразно: хвалебные посвящения покровителям, морализаторские стихи (в т.ч. одно «Зерцало принцев»), поэмы о куртуазной любви, фаблио, фатрас (именно два последних жанра обеспечили ему известность среди потомков). «Исповедь Ватрике» в основном интересна используемой стихотворной техникой.

Перевод выполнен по изданию: Dits de Watriquet de Couvin publiés pour la première fois d'après les manuscrits de Paris et de Bruxelles et accompagnés de variantes et de notes explicatives par Aug. Scheler. Bruxelles: Devaux, 1868.

ЭСТАШ ДЕШАН

Эсташ Морель (1346–1406), прозванный Эсташ Дешан, т.е. «загородный, сельский», за свою любовь к дачной жизни — один из самых известных и плодовитых поэтов XIV века. Ученик Гийома де Машо, Дешан изучал тривиум в Реймсе и право — в Орлеане. В 1367 году, не окончив курса, он поступил рассыльным на королевскую службу, сменил впоследствии множество должностей, дослужившись до места бальи (судебного и финансового чиновника) в Валуа. Обретаясь при дворе, Дешан участвует в фландрских кампаниях Карла VI, а в 1384–1385 едет с посольством в Венгрию. В 1390-х гг. Дешан провоцирует недовольство герцога Луи Орлеанского, критикуя его политику, выходит в отставку и заканчивает жизнь в бедности и относительной изоляции.

Во многом именно Дешану обязана своей фиксированной с тех пор формой французская баллада — пожалуй, наиболее популярная из появившихся во Франции строфических форм. Сам поэт написал их больше тысячи, также как десятки и сотни рондо, вирелэ, лэ — и определил для потомства их строгий канон, как в собствен-

ном поэтическом творчестве, так и в одном из первых на французском языке трактатов о стихосложении, «Искусство писать и слагать песни, баллады, вирелэ и рондо» (по-русски часто упоминается как «Искусство поэзии»). Самое крупное поэтическое произведение Дешана — долгое, наполненное цитатами, морализаторское «Зерцало брака». Влияние поэта на современников и последующее поколение очень заметно, но к концу XVI века Дешана забывают, чтобы воскресить его творчество только в XIX в. «Завещание забавы ради» представляет собой поэтическое послание друзьям; его влияние на Франсуа Вийона считается несомненным.

Перевод выполнен по изданию: Eustache Deschamps, Oeuvres complètes, éd. Antoine Queux de Saint-Hilaire (t. 1-6) et Gaston Raynaud (t. 7-11), Paris: Firmin Didot pour la Société des anciens textes français, 1878–1904, t.8.

ЖАН РЕНЬЕ

Жан Ренье (ок.1390 — после 1468) служил бургундским герцогам (Филиппу Доброму большей частью), был бальи (полномочным представителем с надзорными и судейскими функциями) в своём родном городе Оксерре. Во время служебной поездки в Руан, Ренье был захвачен какими-то лесными стрелками и продан королевским властям за процент от предполагаемого выкупа: вражда между бургундским и французским двором делала такую практику весьма распространенной. Пока выкуп платить было некому и не с чего, он полтора года провел в тюрьме в Бове, где и написал большую часть прославившей его книги «Удачи и злоключения»; продав часть своих владений и оставив жену со старшим сыном в качестве заложников, Жан Ренье вышел на свободу после полутора лет заключения, уплатив треть выкупа (впоследствии, возместив оставшееся, он освободил жену с сыном). Книгу стихов, перемежающихся и прозаическими заметками, поэт потом редактировал и совершенствовал.

«Завещание» и «Прощания» написаны в 1432 г., в то время, когда поэт уже отчаялся получить

хотя бы часть средств для выкупа, а королевская администрация стала дурно относиться к пленнику, сочтя его бесперспективным (обсуждалась даже идея казни, но у Жана Ренье нашлись знакомые и при французском дворе, заступившиеся за него перед дофином). Предсмертные настроения связаны не только с неопределенностью в отношении будущего, но и с постоянно ухудшающимся здоровьем.

Перевод выполнен по изданию: Les fortunes et adversitez de feu... Jehan Regnier, escuyer, en son vivant seigneur de Garchy et bailly d'Aucerre. Jean de La Garde (Paris), 1526. (Электронная версия в электронной библиотеке Gallica: http://gallica.bnf.fr).

ПЬЕР ДЕ НЕССОН

Пьер де Нессон (Pierre de Nesson, 1383–1442?), клирик и адвокат, иногда цитируемый как теолог. Родом из богатой торговой семьи, связанной с Беррийским двором (дед и отец поэта регулярно кредитовали герцога Беррийского), Нессон служил герцогу Беррийскому, потом Жану Бурбону, в феодальной войне XV в. был на стороне партии Арманьяков. В 1413 г. это едва не кончилось для него плачевно: во время парижского восстания сторонников другой феодальной партии, Бургиньонов, Пьер де Нессон чуть не был утоплен в Сене и провел несколько месяцев в тюрьме. Получив, по-видимому, образование в Париже и Орлеане (отсюда статус «мэтра»), в тридцать с лишним лет Пьер де Нессон был эмансипирован от родителей и перешел на королевскую службу: он принимал активное участие в посольстве, отправленном Карлом VII к папе Евгению IV. Сын Пьера де Нессона продолжил торговый бизнес предков; построенная на его пожертвования церковь до сих пор сохранилась в городке Эгиперс (Овернь), на родине поэта. Однако семья явно была склонна к литературе: племянница поэта,

Жаметта де Нессон, также была поэтессой, которую современники ставили наравне с Кристиной Пизанской. Увы, от неё сохранилось лишь одно рондо, хотя написано стихов было много.

Нессон известен прежде всего как автор «Всенощной мертвецов» (Vigiles des Morts), стихотворного развития некоторых тем Книги Иова, и «Лэ о войне», стихотворной полемики с «Лэ о мире» Алена Шартье. «Завещание» Нессона, возможно, не является поэтическим шедевром, но вполне может стать особой главой в энциклопедии средневековой жизни. Комментаторы по-разному этот текст оценивали: поначалу как свидетельство средневековой простоты и наивности, потом — как дерзкое риторическое упражнение. Истина, видимо, где-то посередине. Встречается под следующими заголовками: Testament du Maistre Pierre de Nesson, Oraison a Nostre Dame, Supplication a Nostre Dame, Hommage a Nostre Dame.

Перевод выполнен по изданию: La Dance aux Aveugles et autres Poësies du XV. Siécle, extraites de la Bibliotheque des Ducs de Bourgogne, s.l., 1748. (Современное репринтное переиздание — V.A. Labitte, Paris, 1974.)

АНРИ БОД

Анри Бод (1415? — после 1496) часто сравнивается с Вийоном: современник, язвительный сатирик, проблемы с правосудием, популярность при жизни, неизвестные дата и обстоятельства смерти... Но посмертной славы он не получил; французский комментатор язвительно замечает, что Клеман Маро оттого, наверное, не стал издавать после Вийона ещё и Бода, что украл у него несколько строчек. Конечно, дело и в том, что масштаб этого поэта не сопоставим с Вийоном. Бод каким-то образом был замешан в Прагерии (феодальном восстании французских баронов), потом стал королевским налоговым инспектором. Первая судимость: обвинение в лихоимстве, 14 месяцев под следствием, оправдан. Вторая судимость: то же обвинение, признан виновным, лишение должности и тюрьма. 20 лет спустя (уже вернувшись на должность) Бод пишет сатирическое моралите, которое после постановки было запрещено, автор и исполнители — в тюрьме. Он снова возвращается на должность, назначается исполнителем по указу о конфискации имущества одного из бургундских вельмож (Антуана

Старшего Бастарда), чьи люди его хватают, калечат, бросают в тюрьму. В тюрьме он какое-то время жив и требует справедливости, потом следы теряются.

Перевод выполнен по изданию: Les vers de maître Henri Baude, poète du 15e siècle, recueillis et publiés, avec les actes qui concernent sa vie/ ed. Jules Quicherat, Paris: A. Aubry, 1856.

ЖАН МОЛИНЕ

Жан Молине (1435–1507) — фламандец, один из самых ярких «великих риториков», придворный хронист бургундских герцогов. Получив образование в Париже, Жан Молине оказывается в 1460-х гг. при бургундском дворе, становится помощником Жоржа Шастеллена, официального хрониста герцогства, а после его смерти сам превращается в официального историографа двора. Его продолжение «Хроники деяний моего времени» Жоржа Шастеллена охватывает период с 1474 по 1507 гг. Другое крупное прозаическое произведение Молине — переложение (фактически — прозаический перевод, поскольку язык за два века изменился очень сильно) «Романа о Розе».

Как поэт Жан Молине известен прежде всего в качестве одного из лидеров и идеологов литературного движения «великих риториков», в творчестве которых стихотворная риторика (игры с рифмами, двойными и тройными смыслами, стихотворные анаграммы, ребусы и пр.) достигла невероятного уровня. Многие литературные стандарты этой группы получили отражение в написанном Молине «Искусстве риторики».

Многочисленные поэтические произведения Жана Молине (пиетические поэмы, аллегории, панегирики и сатиры, баллады, скабрёзные фатразии и пр.) были объединены издателями XVI в. в сборник под названием «Деяния и писания Жана Молине».

«Завещание войны» считается связанным с влиянием «Большого завещания» Ф. Вийона; по стилистике и идеологии весьма характерно для творчества Молине.

Перевод выполнен по изданию: Les faictz et dictz de Jean Molinet, t. 2 /ed. N.Dupire. P.: Société des anciens textes français, 1936.

ОТКАЗНАЯ ВИНОЗНАЯ

Одно из самых популярных подражаний Вийону, во множестве появлявшихся в конце XV и в XVI вв.

Перевод выполнен по изданию: Recueil de poésies françoises des XVe et XVIe siècles: morales, facétieuses, historiques/ éd. Anatole de Montaiglon, James Meyer de Rothschild, P.: Jannet, 1856. T.3.

ЗАВЕЩАНИЕ РАГО

Жан Раго (? — до 1530?) — персонаж столь же исторический (слишком много свидетельств современников, чтобы сомневаться в его существовании), сколь и легендарный (почти всё, что о нём известно — данные изустного и литературного характера). Итак, Раго — Принц нищих, король уличных попрошаек и преступников, живший на рубеже XV–XVI веков. Вошёл в историю и чуть ли не в пословицы благодаря своему мастерскому владению словом — его упоминают и как умельца уговорить на что угодно, и как острослова (в этом качестве на него ссылаются позже Клеман Маро и Франсуа Рабле). По одной из гипотез, слово «арго» как обозначение особого языка преступников, происходит именно от имени Раго. Считается, что Раго происходил из зажиточной анжуйской семьи, получил какое-то образование, и лишь потом погрузился на парижское дно. О литературных дарованиях Раго ничего не известно, и два написанных от его имени стихотворных текста («Жалобы Раго» и публикуемое здесь «Завещание Раго») являются, вероятнее всего, анонимными стилизациями

начала XVI в.

Перевод выполнен по изданию: Recueil de poésies françoises des XVe et XVIe siècles: morales, facétieuses, historiques/ éd. Anatole de Montaiglon, James Meyer de Rothschild, P.: Jannet, 1856. T.5.

ФРАНСУА ВИЙОН[261]

Окончательная редакция самого крупного из дошедших до нас произведений Вийона с достаточной достоверностью датируется 1462 годом. Первое типографское издание «Большого завещания» имело место в 1489 году (т.н. издание Пьера Леве), оно в конечном счете служит основой всех последующих изданий этого произведения. К 1489 году Вийона уже не было в живых — ни по традиционной современной версии, согласно которой о поэте нет ни единого достоверного свидетельства после 8 января 1463 года, ни по легендарной версии Рабле, согласно которой Вийон прожил оставшиеся ему годы в пуатевинской обители Сен-Максен и умер около 1484 года. Поэма синкретична, ибо построена из произведений, написанных в ранние годы, — самым ранним традиционно считается «Баллада для Робера Этувиля», написанная в 1447 или 1448 году, когда Вийону было не более восемнадцати лет; в начальных строках этой баллады как акростих

---

[261] Примечания: 261

Примечания к «Большому завещанию» Франсуа Вийона составлены Е. Витковским

читается имя «Амбруаза», т.е. Амбруаза де Лорэ, жена парижского прево д'Этувиля (или д'Эстутвиля в современном Вийону чтении). Интересно то, что в построении «Большого Завещания» Вийон явно придерживается каких-то неведомых нам принципов нумерологии: лишь написав первые сорок восьмистиший (именно столько было в более раннем «Малом Завещании», или просто «Лэ»), прибавив ещё одно, автор начинает включать в корпус поэмы баллады и первой же ставит самую впоследствии знаменитую — «Балладу о дамах былых времен». В целом «Большое завещание» следует традиции средневекового жанра, отчасти представляя собой прямую пародию на аналогичное (уже само по себе пародийное) «Завещание» Эсташа Дешана (1346–1406/1407), условно датируемое 1389 годом. На русский язык полностью «Большое завещание» Вийона было переведено Ф. Мендельсоном (1927–2003), опубликовано в книге сокращенного по цензурным соображениям собрания стихотворений Вийона в 1963 году; Ю. Кожевниковым (1922–1993) — издано посмертно в 1993 году; Ю. Застырцем (р. 1959); а также Ю. Корнеевым (1921–1995) — издано также посмертно в 1996 году. В РГАЛИ хранится неоконченный перевод «Большого завещания»,

работу над которым вел в 1950-е годы А.М. Арго (1897–1968), отдельные же отрывки (особенно баллады) переводились десятками поэтов, начиная с 1900 года.

Таким образом, перевод Геннадия Зельдовича представляет пятую попытку переложить целиком главное произведение Вийона русскими стихами, и попытка эта — первая в XXI веке.

РАУЛЬ ДЕ УДАН

Рауль де Удан (Рауль из Удана, ок. 1170 — ок. 1230) — один из наиболее известных авторов рыцарских романов артуровского (бретонского) цикла: его определяют то как ученика, то как конкурента, то как эпигона Кретьена де Труа. Авторство одного романа (Meraugis de Portleguez) общепризнано, авторство другого (Vengeance de Radiguel) — под сомнением. В числе прочего тексты Рауля замечательны своей ироничностью (в отличие от того же Кретьена). Рауль, судя по изысканиям французских исследователей, к духовному званию не принадлежал, но в своих произведениях он предстает сторонником цистерцианцев — и авторская нелюбовь к катарам и публиканам более чем очевидна, равно как и презрение к высшему духовенству. Кроме рыцарских романов, Рауль известен как автор по крайней мере двух не менее замечательных произведений — аллегорических поэм, во многом, видимо, положивших начало этому жанру: это представленный здесь «Сон о Преисподней» и «Роман о крыльях» — аллегория на тему рыцарских добродетелей. Кроме того, иногда Раулю

приписывается «Сон о Рае», созданный в развитие его «Сна о Преисподней», хотя, кажется, автором является всё-таки анонимный продолжатель. «Сон о Преисподней» (видимо, одно из первых стихотворных видений во французской литературе) послужил основой для множества продолжений и подражаний; какие-то ухватки «адской кухни» можно увидеть и в балладе о злоречивых языках Франсуа Вийона.

Перевод выполнен по изданию: Trouvères belges du XIIe au XIVe siècle/ Ed. P.Lebesgue, Paris, 1908.